

Верхотурский государственный
историко-архитектурный музей-заповедник
Исторический отдел

Вестник истории
Верхотурского уезда

Выпуск 13

Екатеринбург
2022 г.

ББК 658 (4) 21
УДК 200 (400)
В 59

Редакционная коллегия:

Борисов А.Г., Двинских Л.А., Фомичёв И.А.

Рецензент: И.А.Фомичёв, старший научный сотрудник, заведующий историческим отделом Верхотурского государственного историко-архитектурного музея-заповедника

Тринадцатый выпуск «Вестника истории Верхотурского уезда» выходит в год, ознаменованный целым рядом значительных для Верхотурского уезда дат. 310 лет тому назад завершилось строительство Свято-Троицкого собора в городе Верхотурье. 185 лет минуло с тех пор, как в Верхотурье начал работу первый в городе общественный банк. 115 лет исполнилось со дня открытия Надеждинского четырёхклассного городского училища. 95 лет прошло со времени образования Надеждинского Совета рабочих и солдатских депутатов, а также Надеждинского волостного земства. 75 лет назад Верхотурью возвращён статус города.

ISBN 2-1598-2005-3

© Учредители сборника: Борисов А.Г., Фомичёв И.А., 2022 г.

© Авторы статей, 2022 г.

Турьинские Рудники. Хроника событий первых лет

К сожалению, документов по истории рудников и поселения при них (в отличии от Петропавловского и Богословского заводов) первых лет существования не так уж и много. И всё-таки кое-что, к данному моменту, нашлось. О чем же свидетельствуют беспристрастные документы?

1758 г.

27 июля в Канцелярии Главного Заводов Правления (далее Канцелярия – прим. М.Б.), находившейся в Екатеринбурге, было получено доношение от верхотурского купца Максима Походяшина: «...нынешнего лета 1758 г. чрез нарочно посланных от меня изыскано разных металлов, кои ныне с приобщением при сем реестра для объявления в реченную канцелярию предъявляю...прошу, дабы повелено было объявленные рудные каменья принять и опробовать, и записать их. К преждеобъявленным от меня приискам приобщить. И обретающемуся при здешних новостроющихся Петропавловских заводов у отводу под завод места и описания лесов...Яковлева определить и наградить повелительным указом, чтобы ныне объявленные и впредь изысанные прииски за отдаленностию здешнего места...описать и ограничить, и по обстоятельному описанию по горному обыкновению отвесть...Июля 19 дня 1758 г.».¹

3 сентября Канцелярия выносит решение: «...вновь приисканные означенным Походяшиным и посланными от него рудные места, сколько оных, в бытность ево Яковлева там со стороны ево Походяшина объявлено будет, освидетельствовать и обстоятельно описать, и учиня чертежи, назначя ко оным указную дистанцию мест, а в отводе и отдаче их без указу не ступать и не утверждать...».²

23 ноября от старшего пробователя Екатеринбургской лаборатории, унтер-шихтмейстера Леонтия Яковлева и мельничного мастера Ивана Савастьянова в Канцелярию поступает рапорт: «...Осматриваны приисканные посыланскими от заводчика Походяшина людьми рудные прииски: 1) 8 числа октября, медной, **которой состоит по Турье речке по течению на левой стороне, в утесе з западную сторону, от воды вверх в сажене, расстоянием от устья оной речки например в 25 верстах**, от новостроящегося Петропавловского завода в 35, от обысканного ж на речке Турье ниже в 10 верстах, при котором разработано в гору отвалом

на сажень, где оказалась жила медной руды з зеленью и с малою частию купфер кису в сером разборном камне, толщиною в аршин». Запомним эту привязку к местности. Кроме этого был осмотрен: «9 числа железной, которой состоит едучи по дороге с новостроящагося Петропавловского завода в Верхотурье на правой стороне, от дороги в 150 саженьях, от речки Турьи в 7, а от новостроящагося Петропавловского завода например в 30 верстах, в бору на ровном месте, при котором по верху руды железной разборным камнем лежит в длину на 15, в ширину на 10 сажень, а в глуб еще нисколко не разработывано...». И было вынесено решение: «...Точие все вышеписанные 4 прииска в благонадежности в рудах не довольно разработаны, и за тем ныне оным местам указной дистанции не назначено...».³

1759 г.

6 марта 1760 г. в Канцелярию поступает рапорт от Екатеринбургского школьного подмастерья Петра Солонинина: «...По указу...канцелярии от 16 числа апреля 1759 года ...Осматриваны рудные прииски, обысканные посланными от заводчика Походяшина людьми в 1759 году:...24) Октября 21 числа, железной прииск, которой состоит между речками Турьей и Замарайской, разстоянием от Турьи в 7,5 верстах, от Замарайки в трех, а от назначенного под завод места на речке Турье в 16 верстах, на дороге вновь проложенной Коптяками, на ровном месте, в мелком березнике, изредка и сосняге, по течению речки Турьи на правой стороне. При оном руднике видимо руды по поверхности разборной в глине темно-красноватой, в длину лежит на 160, а в ширину на 120 сажен...26) Декабря 1-го дня, железной рудник, которой состоит между речек Каквы и Турьи, разстоянием например от Турьи в 6, а от Каквы в 12, от назначенного под завод места на Турье в 15 верстах, по течению Турьи на правой стороне, в смятишном березовом и сосновом лесу, на ровном месте. Руды разборной видимо на поверхности в длину на 80, а в ширину на 50 сажен. 27) Декабря 4-го дня, железной рудник, состоит между речек Турьей и Каквой, по течению речки Турьи на правой стороне, от дороги во 150 саженьях на левой стороне, едучи с Петропавловского завода в город Верхотурье чрез деревню Коптякову. От назначенного под завод места на речке Турье в 15, а от Каквы в 5 верстах. При оном руднике на поверхности руды железной лежит в длину на 50, в ширину 40 сажен. Токмо как оной 27-й, так и вышеписанные 24, 26 рудники, хотя надлежащим порядком по горному обыкновению и неразработаны, но по видимости надежду оказывают. И дабы в оные кто-либо другие паче чаяния вступаться не могли и от того б канцелярии в спорах напрасно излишне-

го затруднения не последовало, того ради тем местам указная дистанция назначена и на середине рудников на стоячих деревьях вырезаны литеры таковы: Н.Ж.Р.К.З.Н.Т.З.М.П.Н.Е.Ш.П.П.С., год, месяц и число, которые значат «назначение железному руднику к новостроящемуся заводу на речке Турье заводчика Максима Походяшина назначивал Екатеринбургский школьной подмастерье Петр Солонинин»...Вышеписанные рудные прииски, обысканные в 1759 году...принадлежат...24, 26, 27 к новостроящемуся заводу на речке Турье...». ⁴

1760 г.

27 ноября в Канцелярию прикащик Походяшина Федор Шестаков подает доношение: «Посланы со мной...взятые с обысканных к новостроящемуся Турьинскому ево заводу, посланными от него заводчика Походяшина рудоприищики, мест, состоящих в урочищах называемые: 1) Васильевской, от речки Турьи например в 2 верстах, в боровом уклоне, при смятниках и при суболотках, по течению оной речки, на левой стороне. 2) Михайловской, от вышеписанного первого например в верстах в двух, на том же уклоне, при боровом и смятнишном лесу, при суболотке, медной руды, которые с первого прииску в большем, с второго в маленьком, камня и...прошу, дабы повелено было..показанные камни апробовав и, ежели по пробе надежны окажутся, то, в силу Берг-привиллегии и Берг-регламента, показанные рудные места к Турьинскому реченного заводчика Походяшина заводу для добычи из них и плавки руд, записав за ним Походяшиным, и чрез нарочно посланного от здешней Канцелярии, огранича указными гранями, отвесь...Ноября 23 дня 1760 г....». Далее следует приписка: «...Означенные руды в Екатеринбургской лаблатории пробованы, а по пробе от центра содержат черной меди: 1) 20. 2) 14 фунтов...». ⁵

1762 г.

Указ Канцелярии унтер-шихтмейстеру Василию Раздеришину от 31 июля: «...обысканные к заводам заводчика Походяшина в разных местах рудные прииски, освидетельствовать тебе Раздеришину в каких оные урочищах состоят, описать и разведать обстоятельно. Также достойны ль к производству горной работы и не воблизости ль к прежде обысканным казенным и партикулярным рудникам или приискам, и в каких точно лесах. И не в отводных ли, дабы кому к заводам местам состоят. И буде не разработаны, то велеть их по горному порядку разработать и, ежели правильных препятствиев к отдаче и отводу тех приисков показанному заводчику Походяшину не окажется и спору ни от кого не воспоследует, то в силу Берг привиллегии и регламента, учинить тем местам в длину и ши-

рину по двести по пятидесяти сажен отвод, с постановлением граней и положением при том нетленных вещей. И сочиняя оным двойственные сописанием чертежи, прислать в канцелярию при репорте. А ежели воспоследует от кого какой либо спор или окажутся законные сомнения, то не отводя, но записав все обстоятельства, сюда в канцелярию репортовать...».⁶

Рапорт в Канцелярию от Василия Раздеришина поступил 9 декабря: «...свидетельство дву железным и четырем медным рудникам учинил, о которых спору и сомнения ни от кого не оказалось. И по тем обстоятельствам в отводе ограничил с поставлением граней и положением при том нетленных вещей, коим двойственные со описаниями чертежи сочинил...». К рапорту прилагался чертеж Васильевского медного рудника: «...которой состоит в отведенной окружности к тому заводу лесам и расстоянием например от него в 15 верстах, а от проезжей дороги, которая от Петропавловского завода лежит в город Верхотурье, и от состоящего на ней зимовья в трех верстах, по течению реки Туры на левой стороне в двух с половиною верстах, в боровом уклоне. При котором руднике произведенная горная работа значит в сем чертеже при следующей литере А. Ширф длиною четыре с половиною, шириною три с половиною, глубиною пять аршин. В котором руда оказывается тремя жилами: первая от запада к востоку, вторая между полдни и запада в две с половиною, третья от севера к полудню в три четверти аршина, сероватым камнем, с зеленью. И между теми ординарными мелкими зелеными камнями, в красноватой глине, також де и в глубь, значит в красноватой же глине разборными рудными камнями. И по близости первого биты два ширфа длиною и шириною по четыре аршина, которые за не работанием малолюдия наполнились водою. С коего рудника добытой руды например до десяти тысяч пуд. А окружность оного рудника значит под зеленою краскою в равностороннем четвероугольнике, в длину и ширину по 250 сажен, а по углам назначены на стоячих деревьях грани, кои ссечены столбами. А у ширфу також де стоячее дерево ссечено столбом, на котором вырезаны слова таковы О.М.Р.З.М.П.Т.З.О.У.Ш.М.В.Р. сентября 13 дня 1762 г. А около рудника леса стоят сосновые...».⁷

1763 г.

7 июня в Канцелярию поступило сообщение от генерал-квартирмейстера князя Вяземского: «...Минувшего апреля 26 числа сего 1763 г., города Верхотурья купец и Петропавловского завода содержатель Максим Походяшин, доношением мне представлял об открывшемся металле, которой он признавал по видимости быть свинцовой или сереб-

ряной руде... Чего ради помянутая канцелярия благоволит в то место, где оной металл изыскан отправить ныне штейгера и подштейгера. Которым приказать являсь у него Походяшина реченное место разработав, дойти до настоящей жилы руды... Июня 6 дня 1763 г.»⁸

Во исполнение указа Канцелярии контора Березовских золотых промыслов доносит: «...для вышеписанного штейгер Вилим Келлер и ундер штейгер Василий Юрьев при сем посылаются...». В своем доношении М.М.Походяшин добавляет: «...означенной рудник найден был между прочими рудниками моими в известных урочищах уволенным по просьбе моей с Алапаевских майора Гурьева заводов подштейгером Иваном Закайдаковым, без которого уповательно в разработке и прочему не могло бы быть какой либо ошибки. Того ради КГЗП сим объявляя и не соизволит ли оного Закайдакова к тому с прочими употребить. Июня 12 дня 1763 г.»⁹

18 июля Виллим Келлер подает рапорт в Канцелярию: «...На которой прииск к нам прислан от него Походяшина Турьинского медного рудника служитель его Степан Богомоллов и обще с Закайдаковым объявили, что подлинно то рудное, признаваемое Походяшиным свинцовый и серебрянной, рудное место, которое мы и разработали. И выбито нами при том месте три ширфа: 1) в три с половиной, 2) от первого в север расстоянием в 11 саженьях, при оном выбит в одну сажень и два аршина, 3) от 2-го в 10 саженьях, оной в две с половиной сажени. При оных двух ширфах таковых каменьев ничего не оказалось. И с того прииска взято мною той руды худой и доброй до 7 фунтов. Оной прииск состоит от Верхотурья например в 140 верстах, вниз по реке Турье. От Турьинского зимовья в 4 верстах, близ которого состоит в 12 саженьях предписанного Походяшина медной, называемый Турьинский рудник...

...Вышеписанных каменьев в Екатеринбургской лаборатории истолчено и промыто на шлих добрых три с половиною, плохих 6 фунтов. Шлихов вымытых явилось из доброй $\frac{3}{4}$, из плохой 1 золотник. И по оной промывке в тех шлихах бленглянцу видимо не было. Також де и по пробе чрез огонь оные шлихи, кроме медного отдуху, ничего не оказались...»¹⁰ Но рапорт Келлера кажется Вяземскому не убедительным и он требует отправить его вторично «и велеть им по прибытии на оное место, разработав, дойти до настоящей жилы руды».

Вторичное доношение от Келлера поступает 9 октября: «...на вышеозначенное рудное место ездили и...разрабатывали, так порядочно, как горное искусство повелевает. И пробито шахтою от состоящего от оного места его заводчика Походяшина от медного рудника в 12 саженьях: 1)

пробито шахтою длиною 4 аршина, шириною пять четвертей, углубенность 5 сажен. Из той шахты пройдено на восток штольною две с половиной, да в север одна с половиной сажени, вышиною два с четвертью аршина. Пробито ширфов от преждеупоминаемой шахты в 10 саженьях: 1) на восток длиною 4, шириною один с половиной аршина, глубиною две с половиной сажени. 2) в север длиною 4, шириною один с половиной аршина, углубленность две сажени. 3) от реченной же шахты на север же пробито длиною 4, шириною одна с половиною, углубленность 4 аршина. В вышеозначенной шахте и на восток и штольною идено по белому и серому камню и местами попадалось небольшими камешками, в коих оказывался один признак блейнт малым числом. А на север, как в штольне, так и в ширфах идено по красному пустому камню, но только признаков никаких не оказалось и впредь в той штольне и ширфах никакой благонадежности быть неуповаемо».¹¹

20 ноября в Канцелярию поступает доношение от Василия Походяшина: «...родитель мой...просить о даче на заводы ево для надлежащего разработывания и усмотрения приисканных и отводных, и приискиваемых...рудных мест и каменьев, за неимением знающего то искусство, яко штейгера или другого достойного горного служителя...прошу, дабы повелено было для вышеписанной в горном произведении надобности из находящихся в команде оной канцелярии знающего того дела штейгера, или кого заблаго разсудится на коште помянутого родителя моего определит, дать...Ноября 17 дня 1763 года». 3 января 1764 г. контора Березовских золотых промыслов доносит: «...для надлежащего разрабатывания и усмотрения приисканных и отводных, и приискиваемых впредь рудных мест и каменьев, послать ундер штейгера Василия Карпова».¹²

1764 г.

22 июня в Канцелярию поступает доношение из Екатеринбургской золотых производств горной экспедиции: «...По указу...Канцелярии от 5 ч(исла) апреля сего года велено, для порядочного в добыче медных руд, содержащих серебро, и в разборе оных по горному обыкновению, на Петропавловской заводчика Максима Походяшина завод послать ундер штейгера Максима Платонова...Определено: в Канцелярию Главного Заводов Правления представить доношением и просить, чтоб оная соблаговолила, по крайнему при золотых промыслах горных служителей недостаточеству, ундер штейгера Платонова от заводчика Походяшина, взяв, определить на здешние золотые промысла попрежнему, ибо ему Походяшину и прежде отданным ундер штейгером Карповым исправлятца можно...Июня 21 дня 1764 г.». 7 июля Канцелярия выносит реше-

ние: «...означенной ундер штейгер на Петропавловской заводчика Походяшина завод послан для настоящей разработки и познания доброты медной руды, которая содержит в себе серебро, в чем состоит казенной интерес и канцелярии против присланного из государственной берг коллегии указа без действительного узнания содержания серебра оставить было неможно, Определено: для надлежащего порядка в добыче золото содержащих руд, посланного отсюда на Петропавловской заводчика Походяшина завод ундер штейгера Карпова прислать суда в самой скорости...А ундер штейгеру ж Платонову до указа впредь остатца на Петропавловском Походяшина заводе...».¹³

Интересными документами являются полугодовые ведомости (своего рода полугодовые отчеты) составленные Петропавловской заводской канторой, где имелся раздел «При горных делах».

Первой известной, на данный момент, ведомостью Петропавловского завода является ведомость за первую половину 1762 г., в которой говорится про рудники разработанные и отысканные до 1761 г.: «Медной Турьинской, по течению той Турьи реки на левой восточной стороне, от зимовья Турьинского в бору на плоском ровном месте например в 3-х, а от Петропавловского завода в 54-х верстах. Старой разработки по 1762 год пройден в первом ширфе штольною, в полуденную сторону, по руде 4 сажени, шириною на 1 сажень, глубиною 2 ½ аршина. Видом лазорева, с зеленью, ваповая краска и с кварцом. Добротою благонадежна, ширфами один пройден в полден, а другой на западную сторону. По руде и по знанию, також виду и доброты длиною и шириною по 2, глубиною 3 сажени. В первой половине сего 1762 году разработано пройден ширф на полден, в длину 4, в ширину 3, в глубину 4 аршина. От него пройдено штольными по руде в полден 2 штольны. 1-я в длину 3, в ширину 1 сажень, углублено на 2 ½ аршина. 2-я в длину 2, в ширину 1 сажень, углублено 2 ½ аршина. 3-я на восток в длину 1 ½, в ширину 1 сажень, углублено 2 аршина. 4-я в север в длину, в ширину и углублено ровно по 2 ½ аршина. По руде ж жилою, видом зеленая с лазорью, добротою благонадежна. Руды добыто и в завод перевезено остаточной от второй 1761 года половины добытой, обвалившей с боков в северном ширфе 250. В первой сего 1762 году половине добыто 7200. Итого с прежнею 7450 пуд, которая в завод вывезена без остатку... кроме одного Турьинского медного рудника (которая добыча происходила волнонаемными небольшим числом людьми)».¹⁴ Упоминаются и железные прииски между Турьей и Каквой, описанные еще Петром Солонининым в 1759 г.

Ведомость за вторую половину 1763 г.: «...Турьинской, по течению той Турьи речки на левой восточной стороне. От зимовья Турьинского в бору на плоском ровном месте например в 3 – х, а от Петропавловского завода в 54 – х верстах. 1763 во второй половине...вновь разработано пробито 3 ширфа, между востоком и севером...Во оных трех ширфах и 3 – х штольнях добыто руды 5026, подрутка 500 пудов. Оная руда и подрудок в завод перевезена и при заводе на плавку меди употреблена в той же второй 1763 году половине без остатку. При руднике подрудка добычи первой того ж 1763 году половине осталось 1775...». ¹⁵

Ведомость за первую половину 1764 г. Рудник разрабатывается уже пятью шахтами: «...Всего в вышеписанных 5 шахтах и штольнях в добыче руды в первой половине сего года было и в завод перевезено, и в плавку употреблено 33232, при руднике налицо осталось 17100, подрудка до 30000 пуд». ¹⁶

Ведомость за вторую половину 1764 г.: «Турьинской, называемой Васильевской...из преднаписанных № 2, 3-го, 4-го, 6-го и 7-го во второй 764 году половине в добыче руды примерным исчислением с 66750 пуд. Подрутков до 170000 пуд. А в 1-м и 5-м № во второй 1764 года половине добычи рудам не было». ¹⁷

Ведомость за первую половину 1765 г.: «Турьинской называемой Васильевской в первой половине сего 765 году разработано: № 2) идена штольна в западную сторону... по железоватому камню и впредь протирается железоватая с зеленою крепкая руда. И работа происходит буровая, порохов...№ 6) Идена шахта, а из оных 2 штольны... И попадалась руда гнездами видом зеленая с куриозом... при упоминаемом 7 номере добыто руды генваря с 1 июля по 1 число 21 450 пуд. Из того зеленой и черной руды отпущено в завод 14 450 пуд. Затем отпуском при руднике состоит примерно руды зеленой до 800, красная до 6200 пуд, обоего 7000 пуд. От оных руд подрудков 3000 пуд. Да медной самороди добыто примерно до 500 пуд, подрудку от самородки до 3000 пуд и имеется при руднике. А при номерах 1-м, 3-м и 5-м в первой сего года половине с генваря по июль месяц работы не происходило». В первой половине 1765 г. тремя шахтами начинает разрабатываться Фроловский рудник, из которого было добыто 14 100 пудов руды и 2900 пудов подрудков. ¹⁸

Ведомость за вторую половину 1765 г. В этот период были найдены новые медные прииски: «1) От называемого Турьинского Васильевского рудника в полуденную сторону, расстоянием например с 400 саж. На ровном месте. Называемой Стефановской. 2) От оног в западную сто-

рону, расстоянием например в ста саженьях. При оных приисках руда простираетца между диким белым камнем в зеленом камне. И благонадежность впредь руды оказываетца. Называемой Першинской. 3) От называемого Фроловского рудника в сторону полуденную, за болотом, на ровном же месте, расстоянием от помянутого Фроловского рудника например одна верста и 200 сажен. Руды простираетца зеленым видом в сером крепком камне».

При Васильевском руднике для разведки руд пробиваются две новые шахты. Разрабатываются и новые рудники: Стефановский двумя шахтами и Першинский одной. С 1-го июля по 31 декабря на рудниках было добыто: при Васильевском из шахт №№ 1, 2, 5, 7 серебристых руд – 31 200 пудов, самородной из шахты № 7 – 1927 пудов; при Фроловском «мягкой и серебристой» – 69850 пудов; при Стефановском – 14800 пудов; при Першинском – 6650 пудов. Всего из Турьинских рудников было добыто – 124 427 пудов медной руды.

Хотелось бы обратить еще на один факт из этого документа. Среди не разработанных медных приисков значится: «...13) **По Турье реке, по течению на левой стороне, в утесе с западную сторону, от воды вверх в одной сажене. Расстоянием от устья оной реки например в 25 верстах.**».¹⁹ То есть тот прииск, который в 1758 г. осматривал Леонтий Яковлев и который до настоящего времени считался Васильевским рудником, оказывается, на 7 января 1766 г. был еще не разработан.

Примечания:

¹ ГАСО. Ф.24. Оп.12. Д.3125. Л.219-219 об.

² Там же. Л.111 об.

³ Там же. Л.115-115 об.

⁴ ГАСО. Ф.24. Оп.12. Д.3125. Л.101-102 об.

⁵ Там же. Л.259-259 об.

⁶ ГАСО. Ф.24. Оп.12. Д.3125. Л.261-261 об.

⁷ Там же. Л.263, 265-265 об.

⁸ Там же. Оп.1. Д.1716. Л.1.

⁹ ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.1716. Л.4-5 об.

¹⁰ Там же. Л.14-14 об.

¹¹ Там же. Л.22 об.

¹² Там же. Д.?. Л.446-446 об., 449.

¹³ ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.1773. Л.451-451 об., 453-453 об.

¹⁴ Там же. Д.1687. Л.31 об.-33.

¹⁵ ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.1746. Л.357 об.-358.

¹⁶ Там же. Л.116 об.

¹⁷ Там же. Д.?. Л.108.

¹⁸ Там же. Д.1788. Л.156-157 об.

¹⁹ Там же. Л.498-503 об.

Борисов Алексей Геннадьевич

Из истории Надеждинского цирка

В 1920-1930-е годы одним из самых любимых развлечений жителей Надеждинска (ныне – город Серов) было посещение цирка, здание которого находилось на углу нынешних улиц Кирова и Зелёной. На протяжении многих сезонов здесь давались разнообразные представления, которые собирали многочисленных зрителей и пользовались огромным успехом. К большому сожалению, сохранилось очень мало документов, которые могли бы помочь восстановить историю нашего цирка. Основным источником, в котором можно найти информацию о нём, является городская газета «Пролетарий», выходившая в Надеждинске – Кабаковске в 1930-е годы. Она публиковала в основном рекламные объявления о представлениях, в нескольких номерах газеты можно найти рецензии на выступления артистов, подписанные «Невский» и «Г.К.» (очевидно, это псевдонимы). Тем не менее, на основе этих материалов и воспоминаний можно составить представление о нашем цирке.

Ещё до революции в Надеждинске существовал частный цирк Павлова¹. После окончания Гражданской войны его национализировали, однако работа цирка была малоуспешной. Такое положение сохранялось до 1930 года, когда прогоравший Надеждинский цирк возглавил Кристап Кристапович Вейланд-Шульц. Шульц – один из самых знаменитых российских спортсменов начала XX века. В жизни Надеждинска он оставил довольно заметный след, поэтому стоит остановиться на его биографии подробнее.

К.К.Вейланд-Шульц родился 2 декабря 1885 года на хуторе Граверы Добленского уезда Курляндской губернии (теперь территория Латвии) в семье латышского крестьянина. С 1899 года работал подручным кузнеца, затем путевым обходчиком на железной дороге. В 1902 году в 17-летнем возрасте впервые принял участие в местных соревнованиях по поднятию тяжестей, где занял первое место, был награждён серебряной медалью «Сила и доблесть» и денежным призом 5 рублей. Затем он уехал на заработки в Ригу, устроился на механический завод братьев Клейн подручным кузнеца. Начал заниматься спортом (поднятие тяже-

стей) во «Втором атлетическом обществе» Риги. В 1905 году за участие в забастовках был уволен с завода и остался без работы.

Обладая огромной физической силой, Кристап Кристапович стал демонстрировать поднятие тяжестей в цирке. По совету известного в то время спортсмена Ивана Романова, вместе с которым тренировался в атлетическом обществе, он переключился на популярную в начале XX века французскую борьбу (позднее она стала называться классической или греко-римской). С 1906 года занялся профессиональным спортом и выступал в соревнованиях по французской борьбе. В том же году на турнире в Риге завоевал свою первую борцовскую награду. В 1908 году впервые приехал в Германию, где многие воспринимали его как соотечественника. Здесь он добился побед на турнирах в Кельне, Мюнхене, стал чемпионом Германии в легком весе на турнире, проходившем в Гамбурге. По рекомендации организатора чемпионата Георга Луриха Кристапу Вейланду присваивают псевдоним «Шульц», ставший впоследствии частью его фамилии. Вейланд-Шульц был семикратным победителем представительных международных турниров. В некоторых материалах они ошибочно называются чемпионатами мира. Скорее всего, это были крупные представительные турниры, которые в рекламных целях организаторы называли мировыми чемпионатами. В списках победителей официальных мировых первенств того времени – ни любительских, ни профессиональных – фамилия Вейланда-Шульца не значится. В 1917 году он победил на чемпионате «Свободной России» в Киеве. Выступал на соревнованиях с такими прославленными российскими борцами, такими как Иван Поддубный, Иван Заикин, Иван Лебедев (Дядя Ваня) и другие. Шульц был равен этим звездам борьбы по титулам, превосходил многих из них по технике и уступал лишь в одном качестве – весил на 20-30 килограммов меньше своих соперников.

Авторитетный в России журнал по атлетизму «Геркулес», издаваемый популяризатором спорта И.В.Лебедевым, писал в одном из номеров: *«Кто не видел Шульца, тот не видел настоящего фейерверка приемов! Смел – до безумия. Силен – до нельзя. Быстр – до умопомрачения. Ловок – до невозможности. Латыш из Риги и бог легковесов»*. В 1912 и 1913 годах Кристап Кристапович становился победителем Международного конкурса по красоте и атлетическому совершенству фигуры «Мистер Европа» (говоря современным языком, чемпионом континента по бодибилдингу). Открытки с изображением Вейланда-Шульца, секс-символа того времени, одетого лишь в фиговый листок, пользовались огромной популярностью у барышень Российской империи.

После революции в 1919-1922 годах он занимал должность инструктора Всеобуча при Подольском полку Особого назначения, в 1922-1923 годах был безработным. В 1923 году в Москве на 1-м Всемирном чемпионате борьбы завоевал первое место и приз 3000 рублей. Тогда же получил направление на работу в цирк борцом-профессионалом. В 1925 году Шульц завершил спортивную карьеру и полностью посвятил себя цирковому искусству. В начале 1930-х годов Управление государственными цирками направляет его в город Надеждинск. Здесь он становится директором цирка и руководит им до 1937 года. Именно его организаторским способностям обязан наш цирк своей успешной работой на протяжении 1930-х годов.

Сезон в цирке начинался обычно поздней осенью, в октябре или ноябре, а заканчивался в конце мая. В течение этого времени почти каждый день в цирке давались представления. Начинались они в 8 часов вечера. В праздничные дни и во время школьных каникул делались специальные детские программы в дневное время. Билеты стоили от 1 до 5 рублей. Можно было купить себе постоянное место на весь сезон, но таким правом могли пользоваться только ударники производства и стахановцы. Кроме основной работы в Надеждинске, цирк регулярно совершал гастрольные поездки по всему Уралу. Так, в местной печати сообщается об успешных гастролях по Башкирии в 1935 году, куда цирк выезжал в полном составе. Вместо нескольких недель они по просьбе зрителей затянулись более чем на три месяца. Везде выступлениям надеждинских артистов сопутствовали огромный успех и восторженная встреча зрителей².

Об успешной работе цирка говорит и такой факт. В 1934 году за перевыполнение заданий по сбору средств и активное участие в агитационной и культурно-просветительской работе Надеждинский городской Совет удостоил директора цирка Шульца почётного звания «Ударник второй пятилетки». Да и всё время своего существования, как директор, так и артисты вносили часть своих гонораров в местные отделения Госбанка на развитие народного хозяйства. После окончания очередного циркового сезона дирекция заключала договора с артистами на следующий сезон. Таким образом, в течение лета набирался состав труппы, которая к осени съезжалась в Надеждинск. Приглашались артисты самых различных жанров: акробаты, эквилибристы, гимнасты, комики, артисты музыкальных жанров. Ну и, конечно же, гвоздём программы была борьба. Да и как могло быть иначе, если во главе цирка стоял такой великий борец как Шульц!

В течение всего сезона в цирке проводились чемпионаты по французской борьбе, на которые съезжались многочисленные участники. Принимал в них участие и сам Шульц, несмотря на то, что было ему в это время уже под 50 лет. Надо отметить, что цирковая борьба несколько отличалась от настоящего спортивного единоборства. В ней всегда присутствовали элементы театрализации, игры на публику, спортивного шоу. Жалко, что в газетах нет ни одного отчёта о поединках борцов, о том, как проходили эти чемпионаты, кто был их победителем. Сохранились фамилии участников или псевдонимы, которые борцы выбирали себе, следуя моде того времени. Вот кто выходил на ковёр нашего цирка в 1935-1936 годах: Альтон, Юсуф, Федя Ёрш, Юдра, Орёл, Сокол, Гаррисон, Али Бурхан, Томский, Гордеев, Новых, Серденко, Иконников, Алексеев, Мортон, Ярош, Лурье, великан Быков, Светлаков, Русаков, Сепник, Яковлев, Форкаш, Геркис, Нормис, Афанас, Лейнерт, Павлик. Говоря о популярности этого вида спорта в Надеждинске, стоит отметить тот факт, что даже при Дворце культуры металлургов работала секция французской борьбы, которой руководил инструктор физкультуры Николай Титов³.

О том, как проходили представления в нашем цирке, рассказывает москвич Василий Павлович Титов, детство которого прошло в Надеждинске:

«Цирковое представление состояло из двух отделений. В первом восхищало почти всё увиденное: силачи-акробаты, воздушные гимнасты, канатоходцы, жонглёры, дрессированные животные и, конечно, клоунада. Да что говорить, все номера, за малым исключением, приводили в восторг и удивление, возбуждая желание увидеть показанное ещё и ещё. Во втором отделении, после небольшого перерыва, была французская борьба. Цирковую программу вёл Иван Владимирович Лебедев, прирождённый цирковой артист, а звали его и артисты, и зрители – Дядя Ваня. Он же был и арбитром во время поединков борцов. Начиналось второе отделение парадом борцов. Они проходили маршем, под музыку, делая полный круг по манежу. Затем начиналась церемония представления. Дядя Ваня называл фамилию борца, откуда он, какой город представляет, его титулы, заслуги и победы. Тот, чью фамилию называл Дядя Ваня, делал шаг вперёд, кланялся публике и вставал на место под бурные аплодисменты зрителей. Ведь у каждого из них был свой кумир, а может быть, и не один. Да и все участники парада вызывали у публики любопытство и восхищение. Представить только, как на манеж выходят человек двадцать борцов-атлетов, с лентами через

плечо, с медалями и наградами на них за спортивные победы на ковре. Все здоровые, стройные, с точёными фигурами и горами бицепсов, с квадратными шеями, неизменно воинственные, настроенные на победу. Фамилии некоторых борцов помнятся и сейчас: Али Бурхан (Башикирия), Савва Гурский (Одесса), Мельников (Саратов). Парад закончен. Снова оркестр играет марш и все уходят под аплодисменты. Дядя Ваня объявляет фамилии борющихся пар сегодня, на ковёр вызывается первая пара и начинается борьба. Шульц в параде участвовал только в те дни, когда сам боролся. Поединок вёл агрессивно, не давая противнику опомниться. Он применял самые неожиданные приёмы и неизменно добивался успеха, положив соперника на обе лопатки. В это время Дядя Ваня волчком вращается вокруг борющихся и, убедившись, что противник Шульца на лопатках, даёт свисток об окончании борьбы, берёт руку Шульца в свою, поднимает её и торжественно объявляет: «Победил Шульц, правильно!»⁴.

Здесь можно добавить, что иногда перед началом поединков проводились «конкурсы красоты телосложения», в которых принимали участие все борцы, а также желающие из других артистов цирка. Победителя выбирали сами зрители. Накануне больших праздников устраивались различные развлекательные мероприятия. Так, например 31 декабря 1935 года в цирке проводился новогодний бал-маскарад. А все зрители, купившие билет на этот день, участвовали в бесплатной «лотерее сюрпризов» на сумму 750 рублей. Первый выигрыш составлял 200 рублей, второй – 150, третий – 100, ещё семь выигрышей от 25 до 50 рублей⁵.

Упомянутый в воспоминаниях В.П.Титова Дядя Ваня – это ещё одна замечательная личность, чей творческий путь прошёл через Надеждинский цирк. В начале XX века он был не менее популярен, чем Шульц. Начинал Дядя Ваня тоже как борец, но наиболее ярко сумел проявить себя в других качествах – как арбитр и организатор чемпионатов французской борьбы, цирковой постановщик и конференсье, актёр, редактор-издатель и журналист спортивных журналов, литератор, артист цирка.

Иван Владимирович Лебедев родился 3 мая 1879 года в Санкт-Петербурге. Учился в 7-й Санкт-Петербургской гимназии. В старших классах увлёкся атлетизмом и достиг в этом больших успехов. Свой спортивный путь начал в 1896 году в кружке доктора В. Ф. Краевского, под руководством которого стал гиревиком-рекордсменом и тренером. В 1901 году, будучи студентом юридического факультета Петербургского университета, И.Лебедев обратился к ректору с про-

ектом организации в высших учебных заведениях занятий спортом. Проект был утверждён Министерством народного просвещения, в университете открылись первые курсы физического развития. Этот день следует считать датой возникновения спорта в высших учебных заведениях России. Заведующим университетских курсов и преподавателем назначили студента Лебедева, которого с тех пор стали называть «профессором атлетики». Затем были организованы кружки в Политехническом и Лесном институтах, других учебных заведениях. По подсчётам 1912 года через Лебедева прошло порядка 10 тысяч учеников.

С 1905 года Лебедев – крупнейший арбитр и организатор соревнований французской (классической) борьбы. Он начал проводить российские чемпионаты, ввёл парад борцов, музыкальное сопровождение, амплуа борцов («под маской», «герой», «комик», «злодей» и другие), включал в состав жюри представителей публики и прессы, изменил функцию арбитра, ставшего своеобразным конферансье. Он сам реализовывал образ самобытного славянофильского арбитра из народа — в картузе, поддёвке и сапогах, был не только профессионально опытным судьёй, но и своеобразным посредником между борцами и зрителями.

В 1912-1917 годах Лебедев издавал выходивший раз в две недели иллюстрированный спортивный журнал «Геркулес», лозунгом которого было: «Каждый может и должен быть сильным». Тираж журнала был по тому времени колоссальным. Журнал печатал материалы не только о тяжёлой атлетике, но и о других видах спорта. Писал он и о спортивной жизни любителей и профессионалов, помещал портреты деятелей спорта, печатал корреспонденцию из провинции, хронику зарубежного спорта. Журнал знакомил читателей с рассказами о спорте и цирке русских и иностранных писателей. Сотрудниками журнала были крупные спортсмены того времени: А.Анохин, Л.Чаплинский, А.Петров и другие, писатели А.Куприн и А.Грин. Из иностранных авторов печатали Д.Лондона и А.Конан Дойла. В числе художников, привлечённых к работе в журнале, был В.С.Сварог. Обложка журнала, изображающая античного Геркулеса, была сделана И.Мясоедовым. В 1921 году Лебедев создал Дворец искусств и спорта в Одессе, был наставником известного борца И.Чуфистова, победившего в 1924 году самого Ивана Поддубного.

Иван Владимирович был человеком действительно интеллигентным, интересным и талантливым, и при том талантливым разносторонне. Это была живая энциклопедия в области борьбы и спорта. Юрист по образованию, он знал несколько языков. Читал подлинники литературы на французском, немецком, английском, польском, древнегреческом, древ-

нееврейском языках и латыни. Без сомнения, он был образованнейшим человеком своего времени. Его друзьями были: писатель А.Куприн, певец Ф.Шаляпин, художники И.Мясоедов и В.Серов. За свою жизнь Иван Владимирович Лебедев не выиграл ни одного значительного титула, но своими усилиями поднял интерес к физической культуре и спорту в России на небывалую высоту. Тысячи молодых людей, вдохновленные его мудрыми наставлениями и показательными выступлениями русских силачей, записывались в спортивные секции. И.Лебедев в своё время был одним из лучших конферансье страны, выступал как актёр разговорного жанра и мастер художественного чтения. Несколько страниц в автобиографическом романе «Разбитая жизнь» посвятил Дяде Ване известный советский писатель В.Катаев. Описывая свои впечатления от борцовских поединков, увиденных им в детстве в Одессе, он даёт яркую картину того, что представлял из себя Дядя Ваня в годы своей наивысшей популярности.

В Надеждинске этот человек работал с 1933 года. К тому времени, конечно, был он уже далеко не молод, пик его популярности понемногу проходил, но, несмотря на это, Дядя Ваня и здесь сумел стать любимцем публики, оставив о себе только хорошие воспоминания. Без всяких преувеличений можно сказать, что Шульц и Дядя Ваня – это два кита, на которых держался цирк в нашем городе.

Кроме них с Надеждинским цирком связана деятельность ещё одного знаменитого артиста. Правда известность к нему пришла позже, после отъезда из нашего города, но начинал свою карьеру он у нас. Речь идёт о Петре Ильиче Рублёве. В 1950-1960-е годы он с успехом выступал как в нашей стране, так и за рубежом со своим оригинальным номером. Заключался номер в том, что стоя на огромном железном шаре, Рублёв с помощью специального коромысла поднимал большое количество гирь, общим весом более 500 кг, и поворачивался с ним вокруг оси. А начинал Пётр Рублёв в Надеждинском цирке как борец. Был он сыном кузнеца из Гаринского района. С детства занимался физическим трудом. В свободное время участвовал в народных играх, требующих силы. Особенно успешно проявлял себя в состязаниях по поднятию тяжестей и борьбе. Однажды он узнал, что в цирке города Надеждинска проводится чемпионат борцов и решил посмотреть на этих сильных и ловких людей. Пётр пешком прошагал 150 вёрст из своей деревни до города, чтобы попасть на представление.

Вот как он описывает то, что было дальше: *«Купил билет подешевле, уселся где-то в последних рядах и стал смотреть. Подивился, помню, на*

акробатов, на жонглёров, посмеялся над дрессированными медведями, совсем не такими, как в тайге, на которых охотился. А потом вышли на арену борцы. Глаз не мог оторвать от них. После представления разыскал администратора: «Хочу стать борцом!». Тот расспросил меня – кто я и откуда. И сказал одному из молодцов: «Испытай его!». Схватились. Стиснул было я противника, хотел положить на лопатки, а он возьми да вывернись и сам каким-то хитрым приёмом швырнул меня наземь. «Силёнка в тебе медвежья, а вот техники никакой, – высказал своё мнение администратор, – ладно, приходи. Будешь учиться». Так я на целых 11 лет угодил в цирковые борцы».

Если говорить об артистах других жанров в Надеждинском цирке, то здесь можно отметить номер «Человек-оркестр», которому была посвящена отдельная заметка в газете «Пролетарий». Автор этого номера – Александр Печерский, рабочий-жестянщик из города Сарапула. В 1929 году он изобрёл специальный аппарат, который позволял ему играть одновременно на нескольких музыкальных инструментах. Он представлял из себя систему резиновых трубок, через которые воздухом инструменты приводились в действие. Первое время оркестр Печерского состоял из двух инструментов: баяна и рояля. Затем он добавил к ним две мандолины, которые впоследствии заменил скрипками, а также английскую концертину-баритон. Газета сообщает, что Печерский продолжает работы по усовершенствованию аппарата. Число музыкальных инструментов хочет довести до 12-ти, чтобы один мог заменить симфонический оркестр или джаз. Выступать Печерский начал у себя в Сарапуле, затем работал в Свердловске, оттуда был послан гастролировать по заводам Урала. Программу его выступлений составляли симфонические, народные и революционные произведения⁶.

Газета «Пролетарий» как о сенсации сообщает о гастролях в Надеждинском цирке Михаила Золло⁷. Здесь он представлял свой аттракцион «Железная дорога», в котором участвовало 300 зверей и птиц. На арене цирка размещалась модель железной дороги, пассажирский поезд с паровозом, вокзал, семафор. Во время представления происходило прибытие и отправление поезда. Все роли железнодорожных рабочих, обслуживающего персонала, пассажиров, провожающих и встречающих исполняли животные. Кроме этого аттракциона Михаил Золло исполнял главную роль в клоунской пантомиме «За монастырской оградой». Об этом номере ничего не известно, судя по названию, можно предположить, что носил он скорее всего антирелигиозный характер в духе того времени.

На страницах городской газеты время о времени появлялись публикации о новых представлениях, которые планировались в цирке:

«Из новых спортивных номеров первого цикла лучшими надо считать «5 Никитас» и «3 Вилларс». Оба номера основаны на доведении тела до рекордов гибкости. Обыкновенно жанр «каучука» производит на арене тягостное впечатление. В номерах Никитас и Вилларс вся работа идёт так легко, что смотрится с удовольствием, а это большое достижение в этом жанре. Определённо рекордными являются прожим на одной руке и всевозможные прогибы. Оформление «лягушачьей идиллии» и велосипедно-каучукового аттракциона Вилларс (велосипедисты на проволоке) хороши»⁸.

Из гимнастических и спортивных номеров в газетах упоминается группа эквилибристов Ступиных, которые представляли эквилибристику на переходной лестнице и акробатику. Особо отмечается 11-летняя Катя Ступина, верхний партнёр в лестнице. В газете пишется, что она выделяется среди всех «чудо-детей», выступавших ранее на арене нашего цирка. Из подобных номеров упоминаются также братья Аристарховы, приехавшие на Урал из Средней Азии. Хороши их классические стойки на руках и чёткий, быстрый ритм выступления. Это настоящие артисты, а не «люди трюков», пишет газета «Пролетарий». Кроме того, младший из братьев Аристарховых успешно выступал как ковёрный комик в типаже Чарли Чаплина, а также был отличным прыгуном-каскадёром. Нравился зрителям воздушный полёт группы Юсемс со сложными пируэтами и сальто, который проходил без малейших срывов и погрешностей. Труппы Никитас и Вилларс представляли так называемых «людей-лягушек». Их номера были основаны на доведении тела до рекордов гибкости. Но, в отличие от других представителей этого жанра, отмечено в рецензии, номер не производит тягостного впечатления. Вся работа артистов идёт так легко, что смотрится с удовольствием, а это большое достижение в этом жанре. Особенно запомнились зрителям прыжки на одной руке и всевозможные прогибы. Хороши также братья Земгани с эквилибром на 5-метровой плечевой лестнице и акробаты Кассини – полёт на зубах через весь цирк. Слегка критикуется в газете выступление группы Дельт на американском батуте (прыжки при помощи резинового трамплина). Отмечается, что сами прыжки хороши и разнообразны, но делают артисты всё со слишком преувеличенной серьёзностью. Высоко оценивается выступление кавказских джигитов Джунтини. Люди и кони «живут на арене», выступление проходит в хорошем темпе и держит внимание зрителя до конца номера. Вполне спортивен и

строго выдержан номер братьев Ольтенс – перелёт с турника на турник в стойке на руках⁹.

Интересные воспоминания о жизни цирка в начале 1930-х годов оставил предшественник К.Шульца З.Лин:

«В ту пору я был директором цирка небольшого уральского городка Надеждинска (ныне город Серов). Теплое деревянное здание вмещало 1200 человек. Рядом располагался Дворец культуры металлургов имени Лепсе; на его сцене играла труппа местного драматического театра.

Обычно перед началом зимнего сезона в цирке театр уезжал на гастроли по городам Урала. Но в тот год (сезон 1931/32 г.) актеры драмы почему-то куда-то не уехали. Таким образом, цирк и театр в условиях небольшого города оказались невольными соперниками. Цирковая программа подобралась у нас на редкость хорошая. Артисты Войницкие – отец и сын – со своим великолепным номером «Переходная лестница», музыкальные эксцентрики Мамино и Морозовский, наездницы Александра и Тамара Монишилины, клоуны Демаши и Мозель, конюшня П. Руссо. Цирк был полон.

В театре же сборы катастрофически пали. Поскольку и цирк и театр принадлежали одному и тому же «хозяину» – Свердловскому управлению зрелищных предприятий или, как в те годы было повсеместно принято говорить – УЗП, то возникла мысль объединить на некоторое время оба коллектива и совместными силами подготовить постановку. На общем собрании было решено поставить пантомиму. Пантомима тогда входила в моду. Особенно успешные постановки были осуществлены в Московском, Ленинградском и Киевском цирках. Сам я находился под большим впечатлением пантомимы Маяковского «1905 год», которую видел незадолго до того в столичном цирке.

Возрождение интереса к пантомиме объяснялось тем, что тогда перед работниками искусства остро стояла задача политического воспитания масс. И манеж становился своего рода трибуной. Боевые пантомимические спектакли тех лет, как правило, несли в себе заряд революционной идейности. И, что также важно, такие постановки открывали перед цирковыми артистами большие творческие возможности.

К сожалению, сейчас при всех успехах нашего цирка традиция создания сюжетных цирковых спектаклей не нашла достойного продолжения. И это очень обидно. Сколько бы ни случалось мне в последнее время смотреть программы, они мало чем отличались друг от друга. Как ни высока исполнительская техника наших артистов, но жонглер есть жонглер, акробат — акробат. Иное дело — содержательный цир-

ковой спектакль. Там артист, сочетая специальную выучку с актерским мастерством, создает образ, эмоционально воздействующий на зрителя. К тому же сегодняшние мастера цирка находятся в куда более выгодных условиях: во многих городах выстроены великолепно оборудованные цирковые здания. И где, как не на таких аренах, создавать массовые постановочные спектакли! Тем паче что теперь мы располагаем кадрами талантливых авторов-профессионалов и режиссеров.

Вот почему по прошествии стольких лет я и вспомнил про дорогой моему сердцу спектакль. Итак, главная трудность, с которой мы тогда встретились, — это сценарий. Найти автора в небольшом провинциальном городке было невозможно. Пришлось рассчитывать на собственные силы. Вместе с режиссером театра (фамилию его, к сожалению, за давностью не помню) мы принялись за работу. Однако долго не могли решить, о чем будет этот спектакль.

Помог случай: под крупными заголовками в газетах с возмущением сообщалось о наглой выходке американского инженера, работавшего по контракту вместе с группой других иностранных специалистов на Сталинградском тракторном заводе. Зарвавшийся расист избил своего соотечественника негра. Рабочие завода потребовали строго наказать хулигана, забывшего, в какой стране он находится. К их требованию присоединились миллионы советских людей. Этот факт и подсказал тему будущей постановки — расовая дискриминация в США. В жанровом отношении наш спектакль не был чистой пантомимой. Он включал в себя и диалоги, и горячий монолог агитатора, и даже кадры из документальных фильмов. В городе интерес к готовящейся постановке был большой; многие местные организации активно помогали нам.

И вот наступил день премьеры. Представление начиналось вступительным словом ведущих. Они взволнованно говорили о тяжелом положении негров в Америке, о судах Линча, рассказывали о борьбе негритянского населения за свои права, вспоминали страницы романа «Хижина дяди Тома». Манеж был разделен тюлевым занавесом на две части. Одна декорирована под ночной бар. Здесь, развлекая богатых бездельников, сидящих за столиками, выступали артисты. Другая половина манежа представляла собой уголок сада. Лучи прожектора, высвечивая одну или другую сценическую площадь, обозначали место действия.

...В саду встретились двое: негр Том и белый Джо, товарищи по борьбе. Белый, убедившись, что за ними не следят, передает своему другу листовки. В это время из бара выходит подгулявшая дама и, не-

ожиданно споткнувшись, падает. Том участливо помогает женщине подняться, видимо, забыв о волчьем законе расистов: если негр прикоснулся к белой женщине, его ждет суд Линча. Дама истерично кричит. Негра схватили – и вот уже на фонарном столбе появляется петля. Том обречен. Но в тот момент, когда должно совершиться злодеяние, мимо проносится всадник и на всем скаку выхватывает жертву из рук озверевших палачей.

В этом спектакле органично сочетались театральное действие и цирковые трюки. Пока готовили следующую картину, которая должна иллюстрировать случай на Сталинградском тракторном заводе, зрители смотрели кадры кинохроники – пятилетка в действии.

...Манеж превращен в цех: у станков стоят рабочие. Двигается лента трансмиссии, уходя за кулисы. (Благодаря такому остроумному решению сцены художником создавалось впечатление, что завод продолжается где-то в глубине, за форгангом.) Инженер-американец ругает негра и, разъяренный, пускает в ход кулаки.

- У нас это не полагается! – твердо заявляют подошедшие рабочие. (Их играли талантливые Демаиш и Мозель.) Они скручивают руки распоясавшемуся расисту и уводят его за кулисы.

Эта сцена стихийно перерастала в митинг. Артисты своим горячим, страстным словом зажигали зрителей, которые становились непосредственными участниками происходящего.

- Как поступить с оголтелым расистом? – спрашивает председатель митинга.

- Выслать его из СССР! – предлагал Демаиш, - Кто за это предложение, товарищи, прошу поднять руки.

И тысяча двести вскинутых рук были ответом. Спектакль заканчивался красочным апофеозом; на экране шли кадры первомайской демонстрации, а на манеже разворачивался парад артистов в живописных национальных костюмах разных народов – белые с неграми об руку. Над их головами плакаты. И как заключительный аккорд – фейерверк. Завертелись огненные колеса, разметывая снопы искр; из-под купола спустились красные полотнища лоз унгов; на зрителей сыпался дождь конфетти...

Думается, что этот опыт создания злободневной сюжетной постановки в годы первой пятилетки представляет некоторый интерес для общей картины истории советского цирка»¹⁰.

Вообще нужно отметить, что с середины 1930-х годов цирк делает установку не на громоздкие аттракционы, а на спортивные и развлека-

тельные номера, которым теперь отдаётся большее предпочтение. Юмор на арене нашего цирка представляли ковёрные комики Франц и Фриц, эксцентрики Пат и Паташон, клоуны Чуд и Бар, сатирики Пётр Угрюмов и Рим-Рэм (музыкальная сатира), юмористка Орлик. Не обходил наш цирк своим вниманием и любителей музыки. Музыкальные номера постоянно включались в программу. Из артистов этого жанра можно упомянуть знаменитую исполнительницу русских народных песен Нину Семёновну Никольскую, оперного певца-баритона А.И.Галенко, артиста Ленинградского мюзик-холла П.М.Поля. Большое мастерство и культура исполнения отличали номер Марии Брунос в жанре балетной трансформации (танцы разных народов с быстрым переодеванием). В июне 1936 года большим событием в культурной жизни нашего города были гастроли Свердловского театра оперы и балета. Один из спектаклей – оперу Леонковалло «Паяцы» артисты поставили на арене цирка (режиссёр Б.Кушнир). Для участия был приглашён настоящий странствующий цирк-шапито из Италии.

Газета «Пролетарий» сообщала в 1936 году: *«Кроме 2-3 номеров программа в цирке переменялась вся. Установка по-прежнему на создание циркового мюзик-холльного жанра. Особенно выделяется иллюзионист Пассе. Собственно говоря, он не иллюзионист-фокусник, так как работает он без той громоздкой аппаратуры, которой привыкли загружать арену артисты этого жанра. Но его фокусы отличаются редкой чистотой, отделкой каждой детали. Эквилибристы братья Аристарховы, приехавшие на Урал из Средней Азии, интересны и по отдельным рекордным моментам своих номеров (надо отметить классические стойки на руках) и по стилю работы: быстрый, чёткий и без малейшего подчёркивания. Это настоящие артисты, а не «люди трюков». Младший из братьев Аристарховых, выступающий ковёрным комиком в типаже Чарли Чаплина, занимает всю массу зрителей своей исключительной весёлостью и является отличным прыгуном-каскадёром. Стильно выдержан воздушный полёт группы Юсемс. Их сложные пируэты и сальто идут без срывов. В полёте хороши и вольтижёры и геркулесовски сложенный «лавитор». С 19 января начались матчи французской борьбы с участием новых борцов»¹¹.*

Спустя месяц зрителя ждали очередные новшества: *«Программа цирка изменена почти целиком. Чисто проделывают свои геркулесовские «три крафт» акробаты братья Ринг. Много мастерства в художественной акробатической эксцентриаде Марии Брунос и Робертса – здесь продумана и отделана каждая деталь, отделана мягко, без шар-*

жа. Каскады через «китайский стол» идут очень весело. Американский батут «3 Дельта» (прыжки при помощи резинового трамплина) подаётся артистами с преувеличенной серьёзностью, но сами прыжки хороши и разнообразны, так что их номер смотрится со спортивным интересом. Мария Брунос, выступающая отдельным номером в балетной трансформации (танцы разных народов с быстрым переодеванием), принадлежит к разряду номеров, желательных для цирковой сцены не только по мастерству танца, но и по культуре исполнения. По-прежнему вносит 100%-ую зарядку веселья «Чарли Чаплин», хорошо работают молодые жонглёры Лямур и Антонида Бар. Начав с 5 марта образцовую декаду, коллектив отметил её созданием нового группового номера, в составе которого выступили Мария Брунос, 2 Ринг, Робертс и Чаплин. Получилась интересная эксцентриада – с колоннами, каскадами и «шари-вари» (групповые прыжки через партнёров)»¹².

Говоря о Надеждинском цирке, нужно остановиться ещё на одной странице его истории. Вторая половина 1930-х годов вошла в историю нашей страны, как время массовых политических репрессий. Не обошли стороной эти события и наш цирк. В начале 1938 года два артиста цирка оказались под следствием по обвинению в работе на немецкую разведку.

18 февраля городским отделом НКВД был арестован Николай Николаевич Морис. Родился он 6 декабря 1885 года в Берлине, по национальности – немец. Постоянно проживал в Москве по адресу: Оружейный переулок, дом 41, квартира 30. В Надеждинске жил в доме №27 по 3-й линии Нового посёлка. В 1918-1922 годах служил в Красной армии. Жена Мария Дмитриевна Иванова работала в Надеждинском цирке контролёром. На допросе в горотделе НКВД Морис рассказал о том, что был завербован агентом германской разведки Бруно Голандом в 1933 году, когда работал артистом Центрального колхозного цирка в Москве. По заданию Голанда он под видом циркового артиста посетил целый ряд крупных промышленных центров СССР – Ленинград, Саратов, Пенза и другие. Там он собирал сведения о работе различных предприятий военной промышленности, расположении воинских частей, политических настроениях рабочих и коммунистов. В 1934 году несколько месяцев проживал в Пензе, где собирал данные о продукции, выпускаемой оборонными предприятиями. Эти материалы он лично передал Голанду при встрече в Москве. В 1935 году, работая в колхозном цирке города Ярославля, при помощи артиста цирка Сергея Федоторского достал подробные сведения о продукции, выпускаемой химическим заводом. В 1937 году выехал на гастроли в Саратовскую область, где удалось собрать

данные о расположении частей саратовского гарнизона и авиационных соединений. Эти сведения были переданы в Москве агенту германской разведки Матвею Дмитриевичу Чепурнову.

Незадолго до ареста по совету Чепурнова Морис приехал в Надеждинск, где находился резидент германской разведки Яков Дмитриевич Чепурнов (брат Матвея): *«Чепурнов посоветовал мне выехать в Надеждинск для работы в цирке и для получения заданий по шпионской работе. Он мне сообщил, что Надеждинск является одним из благоприятных районов. Здесь много иностранцев, перебежчиков и большая ссылка. При этом, это всё-таки промышленный район, где можно было бы вести работу и хорошо жить, будучи не замеченным. В Надеждинске я не смог провести никакой контрреволюционной работы за своё короткое пребывание. Был занят по оборудованию цирка. В начале декабря 1937 года встретился с Чепурновым, который мне сказал о том, чтобы я был осторожен, а то НКВД может нас скоро нащупать и мы будем провалены. Так же он мне сообщил, что в Надеждинске очень большую шпионскую, диверсионную, повстанческую работу ведёт германский разведчик Гайст, но подробно о нём он мне ничего не говорил»*¹³.

Дело было передано в управление НКВД по Свердловской области. На допросе в Свердловске 8 ноября Морис отказался от данных ранее показаний. Он заявил, что протокол допроса 27 февраля 1938 года был подписан им под давлением оперуполномоченного Надеждинского горотдела НКВД Гаврилова, который вёл его дело: *«Членом контрреволюционной шпионской организации я никогда не был и шпионской деятельностью не занимался. Указанные в протоколе лица, как-то: Голанд Бруно, Чепурных мне не известны. Чепурных я узнал только в камере тюрьмы, а Голанда Бруно никогда не видел и не знал. Федоровского Сергея я знал, как артиста в течение 20 лет, но к контрреволюционной деятельности он причастен не был. Протокол от 27 февраля 1938 года был мною подписан исключительно по убеждению следователя»*¹⁴.

По итогам дальнейшего расследования дело в отношении Николая Николаевича Мориса 25 декабря 1938 года было прекращено, он был признан невиновным в предъявляемых ему обвинениях и освобождён из-под стражи.

31 марта 1938 года горотделом НКВД был арестован ещё один артист Надеждинского цирка – Артур Фридрихович Кириш-Туманов. Он родился в Симферополе 27 декабря 1909 года. Отец был немец, мать – армянка (оба умерли в годы Гражданской войны). В 1926 году закончил студию Крымского государственного драматического театра. Там же

начал свою артистическую карьеру, позднее работал в разных театрах. На допросе 4 апреля Кирш-Туманов рассказал, что в 1935 году познакомился в Москве с агентом немецкой разведки Александром Морисовичем Данкманом (в данное время арестованным), одним из ответственных работников Центрального управления госцирками. Часто бывал у него на квартире, где они разговаривали на политические темы, высказывали недовольство существующим в СССР строем. В начале 1936 года дал согласие на работу в пользу германской разведки. В конце 1936 года Данкман устроил его работать в Центральное управление госцирками. Кирш-Туманов, разъезжая по разным городам Советского Союза, должен был заниматься сбором шпионских сведений о военной промышленности, расположении воинских частей, строящихся военных объектах, где это возможно – совершать диверсии и вовлекать лиц, враждебно настроенных к Советской власти, в контрреволюционную и шпионско-диверсионную работу.

О своей работе он сообщил следующее: *«В 1936 году в летний период, будучи в Севастополе, мною было добыто ряд шпионских сведений через увеличительный аппарат (подзорную трубку). Я проводил наблюдение за боевыми кораблями Черноморского флота, производил их описание. Кроме того, через отдельных лиц я выявил расположение воинских частей, произвёл ряд фотоснимков Севастопольского порта. Всё это добытое при приезде в Москву было передано Данкману. В конце 1936 года выбыл в город Краматорск. Будучи на заводе тяжёлого машиностроения в разных цехах, я осматривал их, знакомясь с оборудованием, выпускаемой продукцией. брал всё это на заметку, впоследствии делал записи и передавал Данкману. В 1937 году, будучи в Киеве примерно в июле и августе, через посредство разговоров с отдельными личностями мне удалось получить данные о расположении воинских частей в городе Киеве и его окрестностях, что мною так же было передано Данкману. Зная, что в городе Надеждинске имеется большой металлургический завод, и, кроме того, военный завод, я должен был получить данные об этих заводах. С получением этих данных я должен был выбыть на Дальний Восток с разведывательной целью. За время пребывания в городе Надеждинске каких-либо особых данных мне добыть не удалось, так как я проникнуть на завод №76 не мог. В разговорах с отдельными личностями, интересуясь Надеждинским районом, я выяснил только колоссальное количество трудссылки. Кроме того, узнал о наличии исправительно-трудовых лагерей, находящихся в Ивделе. Кроме*

этого мною ничего сделано не было. Я потерял связь с Данкманом, о котором узнал, что он арестован»¹⁵.

Дело Кириш-Туманова было передано в Управление НКВД по Свердловской области. Здесь на допросе 1 ноября он отказался от своих прежних показаний, заявив, что протокол допроса 4 апреля подписал под давлением оперуполномоченного Надеждинского горотдела НКВД Ожигихина. 22 декабря дело по обвинению Артура Фридриховича Кириш-Туманова было прекращено и его освободили из-под стражи.

Теперь снова вернёмся к рассказу о работе Надеждинского цирка. 1938 год стал последним в его истории, несмотря на успешную работу. К этому времени деревянное здание цирка дореволюционной постройки находилось в удручающем состоянии. Начальник городской пожарной охраны отмечал, что здание пожароопасное, в артистических уборных нет запасного выхода, коридор тупиковый, электропроводка старая, отсутствует водоснабжение, цирк расположен далеко от пожарной команды, телефонная связь очень плохая. С весны 1937 года в помещении цирка осуществлялось круглосуточное дежурство пожарных. Городские власти не смогли найти достаточных средств на ремонт цирка и в 1938 году он был закрыт, а здание в скором времени разобрали.

Сообщения о непригодности здания выглядят несколько странно. Ведь вне так давно, в 1934 году городская газета сообщала о больших ремонтных работах в цирке: *«Ремонт цирка начался с 5 июля. Сейчас идут капитальные работы как по оборудованию самого цирка, так и земляные работы. К годовщине Октябрьской революции ремонт будет полностью закончен. Цирк будет передан Управлению зрелищных предприятий»*¹⁶. Сезон в обновлённом помещении открылся 27 октября грандиозной программой в трёх отделениях. Коллектив цирка работал в структуре Свердловского областного управления государственными цирками¹⁷. Однако в 1938 году было принято решение о закрытии цирка в Надеждинске.

Покинули Надеждинск и перебрались в Свердловск главные «звёзды» Надеждинского цирка. Иван Владимирович Лебедев провёл в столице Урала последние годы жизни. В декабре 1945 года, как старейший спортсмен, Дядя Ваня был командирован в Ленинград для участия в празднике русского тяжелоатлетического спорта. В президиум торжественного собрания были избраны старейшие русские борцы: Иван Заикин, Клементий Буль и Иван Лебедев. Выступление последнего, по свидетельству участников вечера, было самым ярким. После войны он тре-

нировал спортсменов в спортобществе «Локомотив». Умер Дядя Ваня в Свердловске 3 августа 1950 года.

Кристап Кристапович Вейланд-Шульц в 1938-1940 годах возглавлял цирк на Уралмаше, в 1940-1945 – цирк при Свердловской филармонии. Затем много лет занимался организацией спортивной работы на Урале. В самый разгар Великой Отечественной войны передал завоёванные им награды в Государственный комитет обороны на строительство танка «За Родину», за что получил благодарность и телеграмму от Верховного Главнокомандующего И.В.Сталина. В послевоенные годы занимался тренерской работой в добровольном спортивном обществе «Локомотив» Свердловской железной дороги. Скончался бывший директор Надеждинского цирка 7 июля 1987 года в возрасте 102 лет.

Примечания:

¹ АОАСГО. Ф.Р-253. Оп.1. Д.41. Л.45

² Невский. Открытие сезона // газета «Пролетарий» от 27 ноября 1935 года

³ Газета «Пролетарий» от 8 августа 1934 года

⁴ СИМ. Воспоминания В.П.Титова (рукопись)

⁵ Газета «Пролетарий» от 26 декабря 1935 года

⁶ Г.К. Человек-оркестр // газета «Пролетарий» от 11 декабря 1935 года

⁷ Газета «Пролетарий» от 9 февраля 1934 года

⁸ Невский. Новые номера в цирке // газета «Пролетарий» от 21 декабря 1935 года

⁹ Невский. О спортивных номерах // газета «Пролетарий» от 6 декабря 1935 года

¹⁰ Журнал «Советский цирк», июнь 1967 года

¹¹ Невский. Новая программа // газета «Пролетарий» от 6 февраля 1936 года

¹² Невский. Новые спортивные номера // газета «Пролетарий» от 9 марта 1936 года

¹³ ГААОСО. Ф.Р-1. Оп.2. Д.2363. Л.9

¹⁴ Там же. Л.18

¹⁵ ГААОСО. Ф.Р-1. Оп.2. Д.6071. Л.8-9

¹⁶ Газета «Пролетарий» от 29 июля 1934 года

¹⁷ Газета «Пролетарий» от 27 октября 1934 года

Бочкарев Юрий Андреевич

Евгений Дмитриевич Стратанович: путь на Урал

Евгений Дмитриевич Стратанович заведовал Федоровским геологическим музеем с 1900 по 1919 годы, был учеником Е.С.Федорова, продолжателем его дела по изучению геологического строения Богословского горного округа. Его биография остается во многом загадочной. Из-за

ранней кончины Е.Д.Стратанович не оставил о себе воспоминаний и дневниковых записей, о фактах его биографии можно судить лишь косвенно по тем документам, которые сегодня хранятся в архивах Санкт-Петербурга, Перми, Томска, Екатеринбурга. За последние годы частично удалось восполнить пробелы биографии Е.Д.Стратановича, однако еще не все документы нами открыты.

Евгений Дмитриевич Стратанович родился 8 января 1872 года в семье священника. Отец его Дмитрий Симеонович Стратанович служил военным священником. Мать Е.Д.Стратановича – Екатерина Стефанова, была дочерью ревельского¹ купца. К 1872 году Дмитрий Симеонович служил при военно-исправительной роте в Риге, в семье уже было пятеро детей – Евгений был самым младшим. Во время учебы в рижской Александровской гимназии Евгений отличался прилежанием, исправно посещал уроки, по предметам имел отличные и хорошие отметки, за что по окончании гимназии в 1891 году ему была вручена серебряная медаль. Особенно преуспел Евгений в изучении русского и древних языков: греческого и латинского.

Несмотря на свои успехи в языках, в том же 1891 году Евгений подал прошение о поступлении на физико-математический факультет Санкт-Петербургского Императорского университета. Физико-математический факультет в то время был разделен на два отделения или «разряда». Математический разряд, где изучалась физика, астрономия и, соответственно, математика. Вторым разрядом на факультете был – естественный, список изучаемых наук здесь был несколько обширнее: химия, зоология, физиология животных, минералогия, геология, агрономия, география и др. У каждой из перечисленных наук в разряде была своя кафедра. Именно здесь, на естественном разряде физико-математического факультета, Евгений учился.

Санкт-Петербургский Императорский университет в 1890-е годы был местом обитания многих, в будущем выдающихся, деятелей науки. Университетский устав 1884 года ограничивал автономию учебных заведений, что в свою очередь привело к значительной радикализации студенчества. К тому же многие студенты испытывали острую нехватку средств для существования, так как были из самых разных сословий. Требования снизить плату за обучение и вернуть университетам самоуправление были главными требованиями тогдашних студентов.

Евгений Стратанович также как и многие студенты был стеснен в средствах. В то время в Санкт-Петербургском университете действовали различные землячества – неформальные объединения студентов, целью

которых было, в первую очередь, взаимопомощь землякам, оказавшимся в сложной финансовой ситуации. Одним из заметных землячеств было рижское. Так как землячества, как и другие неформальные объединения студентов, были под запретом и списки участников не вели, нельзя с полной уверенностью сказать, что Евгений Стратанович принимал участие в таком объединении. К тому же, рижское землячество было не столько землячеством по территориальной принадлежности, сколько по национальной, а Евгений был выходцем из русской семьи, что могло затруднять его участие в этом кружке. Столкнувшись с финансовыми трудностями, на втором курсе Евгений подал прошение об освобождении его от платы за обучение, однако ему отказали. Необходимые средства он, как и многие студенты, зарабатывал репетиторством. К этому времени отец его уже умер, а на попечении матери находился один из старших братьев, с нервным расстройством.

Ежегодно один из ординарных профессоров Санкт-Петербургского университета составлял отчет для попечительского совета по результатам работы учебного заведения. Важное место в этом отчете занимал раздел о научно-педагогической деятельности университета. Раздел заключал в себе сведения о направлении научной деятельности профессоров, а также сведения о студентах, занимавшихся под их началом на кафедрах. В отчете за 1894 год можно найти упоминание о том, что студент Стратанович представлял подробный анализ никелевой и кобальтовой руды Дашкестана. Эту работу он проводил под руководством приват-доцента П.А.Замятченского – хранителя минералогического кабинета на кафедре минералогии и геологии, возглавляемой профессором А.А.Иностранцевым.

Часть исследований кафедра проводила на Урале. В университетских отчетах можно проследить ту научную работу, которую выполнял физико-математический факультет в 1894 году: А.А.Иностранцев издал работу «О формах выделения платины на Урале» (о Серебряковской жиле в Крутом логу Нижнетагильского массива); консерватор Б.К.Поленов по результатам геологических исследований на Урале опубликовал работу «Коренные месторождения золота на восточном склоне Урала». Такой интерес и близость кафедры минералогии и геологии к Уральскому региону, дает возможность предположить, что и Евгений Стратанович, обучаясь на этой кафедре, заинтересовался Уралом, как местом, где можно применить свои научные знания на практике. Сложно найти другую причину, почему Евгений Стратанович решил летом 1894 года посетить Верхотурский уезд Пермской губернии. Так или иначе, 18 мая 1894

года Евгений подал прошение инспектору университета о предоставлении ему отпуска на период летних каникул. В прошении он указал, что собирается в Богословский горный округ Пермской губернии. Существует мнение, что Е.Д.Стратановича сослали на Урал за беспорядки в университете, так описывает его появление на Урале Л.В. Федорова²: «У Евграфа появился еще ученик – Евгений Дмитриевич, студент, высланный из Петербурга за беспорядки в университете. Славный и серьезный молодой человек»³. Возможно, именно этим свидетельством Л.В.Федоровой можно объяснить, что в книге Г.И.Воронова, Г.М.Каёты упоминается, что «Е.Д.Стратанович был членом партии эсеров, был сослан и вел здесь (в Турьинских Рудниках – *прим авт.*) подпольную революционную работу... Имеются сведения, что в 20-е годы эмигрировал за границу»⁴. Такое суждение автора неплохо вписывается в политический дискурс тех лет, однако, откуда у автора такие «сведения», остается загадкой.

Так Е.С.Федоров в очерке под названием «Детальная геологическая съемка Богословского горного округа» (издано в 1896 г.) упоминает, что Е.Д.Стратанович, будучи выпускником университета, присоединился к работе их партии летом 1895 года. Между этими датами, как видно три года разницы, но и здесь есть неточность. В XIX в. срок обучения в университете составлял четыре года и так, как Евгений Стратанович поступил в университет в 1891 году, он должен был его закончить именно в 1895, однако он его не закончил. Причина того, что Стратанович прервал обучение, не была связана с беспорядками, как и с политической деятельностью эсеров. В конце 1894 года Стратанович вновь испрашивал отпуск, но уже для поездки на родину в Ригу. В чем была причина поездки, пока остается неизвестным, вероятно, неотложные семейные дела потребовали его присутствия. Весной 1895 года, после рижской поездки, Евгений Дмитриевич возвратился на Урал. 2 мая Стратанович отправил прошение о продлении отпуска до конца летних каникул университетскому инспектору и просил отпускной билет выслать ему в Турьинские Рудники Пермской губернии. Здесь он, как мы уже знаем, присоединился к работе Е.С.Федорова по геологической съемке округа.

Проработав до августа (так как занятия в вузах в то время начинались с середины августа) Евгений Дмитриевич отправился в Санкт-Петербург и продолжил обучение в университете. Здесь, как можно увидеть в отчетах университета, он занимался техническим анализом полезных ископаемых под руководством приват-доцента В.Е. Тищенко.

В 1896 году Е.Д.Стратанович закончил университет и получил выпускное свидетельство (по окончании университета в Российской Империи давали именно выпускное свидетельство, а не диплом, как мы сегодня привыкли). Те студенты, кто претендовали на научную степень, должны были представить исследование, по результатам которого присваивалась та или иная степень. Помимо того, что в Государственном архиве Санкт-Петербурга хранится копия выпускного свидетельства Е.Д.Стратановича, также, его имя внесено в годовой отчет, как студента, окончившего университет. Таким образом, можно заключить, что Е.Д.Стратанович совершенно добровольно приезжал в Турьинские Рудники, а не был выслан из Санкт-Петербурга. Обычно иногородние студенты, которых высылали из города за студенческие забастовки, не имели права прописки и жительства в Санкт-Петербурге, в таких условиях было бы невозможно закончить учебу в университете. Ко всему прочему в личном деле времен его учебы в Санкт-Петербурге нет отметок о нарушении им университетского устава.

Конечно, нельзя отрицать, что возможно еще появятся и новые документы, которые снова изменят наше представление об Евгении Дмитриевиче Стратановиче. Под вопросом остаются причины негласного надзора за ним полиции, который был установлен в 1901 году. Неизвестна судьба его жены и детей после его смерти от тифа в 1920 году. Большую часть своей жизни Е.Д.Стратанович отдал на благо Урала и геологической науки, за пафосом этой фразы скрывается повседневный, чаще всего рутинный, труд человека, который будучи еще студентом, приехал в Турьинские Рудники и более двадцати лет оставался верен уральскому поселку.

Примечания:

¹ Ревель – русское название Таллина в XVIII – XIX вв. после присоединения завоёванной в ходе Северной войны территории современной Эстонии к Российской империи.

² Людмила Васильевна Федорова – жена профессора кристаллографии Е.С.Федорова.

³ Федорова Л.В. Наши будни, радости и горести: Воспоминания. Научное наследство. Москва, 1992. С. 176.

⁴ Воронов Г.И., Каёта Г.М. Е.С.Федоров. Свердловск, 1983. С. 103.

Список источников:

Неопубликованные

ЦГИА СПб. Императорский Петроградский университет. Ф.14. Оп.3. Д.28246.

ГАСО. Ф.519. Оп.1.

ГАТО. Ф.Р-350. Оп.1. Д.74.

Опубликованные

Отчет о состоянии деятельности Императорского Санкт-Петербургского университета за 1894 год. Сост. Ефимович В.В. Санкт-Петербург: Типография Б.М. Вольфа, 1895.

Отчет о состоянии деятельности Императорского Санкт-Петербургского университета за 1895 год. Сост. Гоби Х.Я. Санкт-Петербург: Типография Б.М. Вольфа, 1896.

Отчет о состоянии деятельности Императорского Санкт-Петербургского университета за 1896 год. Сост. Веселовский Н.И. Санкт-Петербург: Типография Б.М. Вольфа, 1897.

Федоров Е. Детальная геологическая съемка Богословского горного округа. Пермь: Типо-Литография Губернского Правления, 1896.

Федорова Л. В. Наши будни, радости и горести: Воспоминания. Научное наследство. М.: Наука, 1992.

Гунгер Юрий Владимирович

Главноуправляющий Богословским горным округом Николай Николаевич Шелгунов

«Ужасная драма», «Ужасающее отцеубийство», «К убийству инженера Шелгунова», «Убийца инженера Н.Н.Шелгунова». Такими заголовками пестрели российские газеты в 1909 году. Широкий резонанс преступление получило потому, что убитый был главноуправляющим одного из крупнейших предприятий Российской Империи – Богословского горного округа, сыном известнейшего публициста Н.В.Шелгунова. Кроме того, убийцей была его собственная дочь...

Родословная

Прапрадед и прадед Николая Николаевича Шелгунова были моряками. Дед Василий Иванович Шелгунов – воспитанник Морского кадетского корпуса, но служил потом на гражданском поприще. Свободное время он посвящал музыке и охоте, написал известную в свое время книгу «Способ доводить охотничьи и всякого рода ружья до совершенства». У В.И.Шелгунова *«была широкая натура и после получения денег он тотчас же нанимал оркестр и сам им дирижировал»*¹.

Когда Василий Иванович погиб на охоте, будущему отцу Николая – Николаю Васильевичу Шелгунову (1824 г.р.) исполнилось три года. Его отдали в Александровский кадетский корпус для малолетних, а в 1833-м устроили в Лесной институт. Успешно окончив институт, подпоручик

Н.В.Шелгунов поступил на службу в Лесной департамент в должности таксатора².

В 1850 году Николай Васильевич женился на своей двоюродной племяннице Людмиле Петровне Михаэлис. По воспоминаниям современницы, *«она нехороша собой, довольно толста, носит короткие волосы, одевается без вкуса, руки только очень красивы у нее, и она умеет нравиться мужчинам, женщинам же не нравится»*³.

Шелгуновы вращались в литературных кругах, были знакомы с Н.А.Добролюбовым, М.Л.Михайловым, Д.И.Писаревым, Я.П.Полонским, И.С.Тургеневым, Н.Г.Чернышевским. В 1856 году Шелгунову предложили должность ученого лесничего в Лисинском учебном лесничестве Санкт-Петербургской губернии. Шелгунов, не считая себя достаточно подготовленным, попросился в заграничную командировку. Шелгуновы побывали в Эмсе и Париже, где познакомились с феминисткой Женни д'Эрикур и родоначальником русской политэмиграции А.И.Герценom.

Осенью 1857 года министр государственных имуществ М.Н.Муравьев взял с собой капитана Шелгунова в ревизионную экспедицию по России, после чего назначил его начальником IV отделения Лесного департамента. Кроме того, Шелгунов редактировал газету «Лесоводство и охота», преподавал в Лесном институте, писал для журналов «Современник» и «Русское слово». После смены руководства департамента в мае 1858 года полковнику корпуса лесничих Н.В.Шелгунову, решившему подать в отставку, предоставили полугодовой заграничный отпуск.

В поездке по Швеции, Англии и Франции Шелгуновых сопровождал поэт М.Л.Михайлов. Об отношениях супругов Шелгуновых свидетельствовали современники: *«Она предоставляла мужу полную свободу в его личных делах, и сама пользовалась такой же свободой»*⁴. В 1861 году Людмила Петровна с согласия мужа стала жить с Михайловым, а в 1862-м родила ему сына Михаила.

В том же году Шелгунов с Михайловым написали и издали в Лондоне нашумевшую прокламацию «К молодому поколению». Михайлов за распространение прокламации в Петербурге был арестован и сослан. В конце этого бурного событиями года Людмила Шелгунова вместе с мужем, вышедшим в отставку, и ребенком поехала к Михайлову в Нерчинск. Там они были заключены под домашний арест и отправлены в Иркутск. В марте Николая Шелгунова за связь с государственным пре-

ступником Михайловым арестовали и отправили в Петропавловскую крепость.

Шелгуновой было разрешено возвратиться в Петербург. Осенью 1863 года она уехала за границу, жила в Цюрихе и Женеве, содержа пансионы для русских политических эмигрантов. Сблизилась с одним из руководителей «Земли и воли» А.А.Серно-Соловьевичем и 7 июня 1864 года родила от него сына Николая⁵.

Детство

Н.А.Огарева-Тучкова вспоминала: *«Серно-Соловьевич был моложе ее: горячий, ревнивый, вспыльчивый, он имел с госпожой Шелгуновой бурные сцены, и она стала его бояться. Когда у нее родился сын, то, чтобы покончить все отношения с ним, она решила окрестить ребенка и отослать его на воспитание к мужу своему Шелгунову... Серно-Соловьевич был не в себе, грозил убить госпожу Шелгунову, врывался к ней в комнату и становился в самом деле страшен. «У меня все взяли, – говорил он с отчаянием, – теперь я ничем не дорожу». Не знаю, как госпоже Шелгуновой удалось, для своего успокоения, поместить Серно-Соловьевича в дом умалишенных, но это несомненный факт»⁶.*

Не все в воспоминаниях Наталии Алексеевны соответствует действительности. На самом деле, дети были с Шелгуновой в Женеве, а изоляция больного отца от маленького Коли потребовалась, чтобы спокойно произвести раздел пансиона Шелгуновой, открытого на деньги Соловьевича⁷.

В 1865 году Людмила Шелгунова с детьми вернулась в Россию и сошлась с мужем, просидевшим в Петропавловской крепости два года и высланным в Вологодскую губернию, где он переводился из города в город: Тотму, Устюг, Никольск, Кадников, Вологду. Писал для журналов «Русское слово» и «Дело». Шелгунова приезжала к нему, возвращалась в Петербург, хлопотала о переводе в другой город, посредничала между ним и издательствами, сдавала в печать свои работы, главным образом, переводы. Она перевела «Всемирную историю», арабские сказки «Тысяча и одна ночь», «Сталь и Ролан» Фридриха Шлоссера, рассказы Бертольда Ауэрбаха, романы Жюль Верна, сделала переложение (свободный перевод) романов Чарльза Диккенса. Кроме того, стала автором многих сказок и рассказов для детей, исторических рассказов и повестей «Татарское иго» и «Сердобольная», также автором текста к иллюстрированному изданию «Растения и минералы».

Шелгунова предложила мужу взять на воспитание ее младшего сына, *«что могло скрасить его одинокую жизнь в ссылке»⁸*. В мае 1865 го-

да Шелгунов писал жене, что готовится к встрече Коли: *«Заказал... кровать. Она будет точеная и выкрашена отлично, как снег, белой краской, чтобы не укрылся ни один клоп, которых здесь в каждом доме мириады. Потом заказал уже филейную сетку из белых инурков; ножки в чашках. Будет у него: свой комод, свой гардеробный шкаф, свой стул, свой умывальный стол, ванна»*⁹.

Колю привезли Шелгунову 7 июля, о чем он сообщал в письмах жене: *«Действительно, мальчик славный. Но бедняга хотя и вынес храбро дорогу, но, должно быть, усталость должна взять свое. Сегодня хнычет... Сейчас у него было великое горе, и бедняжка плакал горькими слезами: его стригли. Горе, конечно, великое, но избежать его было невозможно»*¹⁰.

Людмила Петровна позже вспоминала: *«Я в эти три года жила в Швейцарии, ездила лечиться в Наугейм и с осени до января обила в Петербурге все пороги, ездивши хлопотать по делам о переводе Николая Васильевича куда-нибудь в более благоприятный город»*¹¹.

В январе 1866 года Шелгунов был переведен в Никольск, в январе 1868-го – в Вологду. О сыне он сообщал матери: *«Посылаю тебе карточки – Коли и свою... Зато Коля, когда я сказал ему, что едем в Калугу, пришел в козлиный восторг и стал прыгать. Я спрашиваю: «Чему ты радуешься?» – «Увижу Мишу и маму», – ответил он мне. В этот вечер он усердно целовал свою галерею праотцев, или, вернее, фамильную галерею. Галерея эта – над его кроватью портреты: твой, бабушки и мой»*¹².

В Калуге семья, наконец, воссоединилась, о чем известно из донесений полицмейстера майора Козакевича в июне 1869 года: *«Отставной полковник корпуса лесничих Шелгунов. Занятий не имеет. Жена и дети находятся при нем»*. В октябре Людмила Петровна уехала с детьми в Санкт-Петербург *«искать себе переводных журнальных работ»*. Скоро Шелгунов снова затребовал к себе Колю, который жил с ним с января по май 1870 года. С января 1871 года Людмила Петровна обосновалась в Калуге окончательно, что отметили полицейские донесения: *«Жена и дети при нем»*¹³.

В 1874 году Н.В.Шелгунова перевели в Новгород, где семья прожила больше года. Затем Николая Васильевича перевели в Выборг. Людмила Петровна *«переехала совсем в Петербург, где дети поступили в гимназию»*¹⁴.

Морское училище

В 1880 году Николай Шелгунов поступил в Морское училище. Летом 1884 года он находился в учебном плавании, а Шелгунов-старший строил планы дожидаться *«возвращения из плавания Коли и уехать на мельницу»¹⁵*. 28 июня Н.В.Шелгунова снова арестовали, но он и в доме предварительного заключения продолжал принимать участие в судьбе Коли¹⁶.

Гардемарин Николай Шелгунов, между тем, возглавил образовавшийся в училище революционный кружок. Кружковцы сочинили проект программы подготовки народной революции с участием армии и начали заводить связи с петербургскими офицерами и студентами¹⁷. Видный народоволец М.А.Брагинский вспоминал: *«В переговорах с социал-демократами от военной организации были делегированы Шелгунов и я. Я не могу теперь припомнить содержания наших переговоров. Во всяком случае, они ни к каким положительным результатам не привели...»¹⁸*.

В декабре 1885 года Николай навестил Шелгунова-старшего в Воробьево, где он отбывал очередную ссылку¹⁹.

В следующем году Н.Н.Шелгунов окончил Морское училище (вторым по списку) и приказом по Морскому ведомству за № 307 от 29 сентября 1886 года произведен в мичманы. Получил назначение на Балтийский флот²⁰. Н.В.Шелгунов испросил Департамент полиции разрешить ему проезд на неделю в Петербург для проводов Николая в кругосветное плавание: *«Посмотрел на его клипер «Наездник» – все хорошо, но просидеть на нем три года, в одной и той же компании – стоит предварилки»²¹*. *«Коля, зачисленный уже на клипер «Наездник», жил на нем и взял отпуск в Петербург до 14 сентября. В этот день я проводил его в Кронштадт, распростился...»*, – писал Шелгунов С.Н.Кривенко. Сам Николай Васильевич уезжал из Петербурга на следующий день: *«Проводы свершили, как следует, в одном из кабинетов вокзала Николаевской дороги. Были тут Успенский, Михайловский, Южаков, Миша, Коля (его послал командир проводить меня) и еще три особы женского пола (виноват, четыре)»²²*.

12 ноября Н.В.Шелгунов имел сведения, что *«Коля уже в Бразилии, и скоро будет на мысе Доброй Надежды, затем уйдет в Японию. Чтобы не забыли России, я выслал ему в Капштадт»²³* *«Русскую мысль»* и *«Северный вестник»²⁴*.

«Дело восемнадцати»

Между тем, в декабре 1886 года в Киевском губернском жандармском управлении началось дознание по обвинению М.Мацера, И.Акцентовича и других в государственных преступлениях установившего существование в Санкт-Петербурге *«тайного преступного сообщества, составившегося из воспитанников военных и морских училищ, а также лиц гражданского звания»*²⁵.

К делу были привлечены мичманы Николай Хлодовский, Александр Доливо-Добровольский, Лев Бобровский, Николай Черневский, воспитанники Морского училища гардемарины Николай Стронский и Евгений Дейновский²⁶. Согласно свидетельству академика А.Н.Крылова, *«группа была захвачена в момент, когда сам Шелгунов находился в заграничном плавании. Его арестовали на борту корабля»*²⁷. Императору Александру III *«благоугодно было положить»* следующую резолюцию: *«Передать все это дело не в Министерство юстиции, а в военное и морское министерства, кроме лиц гражданских»*²⁸.

4 августа 1887 года главный военно-морской прокурор К.Я.Яневич-Яневский доносил управляющему Морским министерством адмиралу Шестакову: *«Мичман Шелгунов при допросах, отобранных у него по возвращении из заграничного плавания, признал себя виновным лишь в принадлежности к революционному кружку. Между тем дознанием установлена не только принадлежность его к военному кружку, но и руководящее значение в этом кружке. По соображениям вышеизложенного я полагал бы обвиняемых мичманов Черневского и Шелгунова предать суду военно-морским судом»*²⁹.

13 – 18 октября 1887 года Петербургский военно-окружной суд в закрытом процессе рассматривал дело 18 офицеров, обвинявшихся по статье 250 «Уложения о наказаниях» в составлении тайного общества с целью ниспровержения государственного строя. Главным обвиняемым был Николай Николаевич Шелгунов.

Председательствовал на суде генерал В.М.Цемиров. Защита подсудимых была представлена семью адвокатами, в числе которых были знаменитые В.Н.Герард, В.О.Люстиг и А.А.Герке. Защитники следовали согласованной линии и пытались вывести обвиняемых из-под, чреватой смертными приговорами, 250-й статьи, доказывая лишь попытку подсудимых *«составить сообщество, имеющее целью противодействие распоряжениям правительства или возбуждение неповиновения от одного властям»*. Подсудимые *«выразили полное раскаяние и просили суд о снисходительном к ним отношении»*³⁰.

Суд все же вынес суровый приговор: семеро были приговорены к каторжным работам (в т.ч. Н.Н.Шелгунов – на 8 лет), остальные – к ссылке в Сибирь. Но за осужденных вступились министр морских сил адмирал И.А.Шестаков и военный министр П.С.Ванновский, представившие совместный доклад Императору с ходатайством о смягчении приговора на несколько ступеней. Александр III, признав все же приговор справедливым, снизошел к *«чистосердечному глубокому раскаянию осужденных»* и согласился с ходатаями.

17 осужденных были разжалованы в рядовые с последующим (через 2 года) производством в унтер-офицеры, А.О.Доливо-Добровольскому было вменено в наказание предварительное заключение³¹.

Писатель П.В.Засодимский свидетельствовал: *«Шелгунову постигло большое горе: один из ее сыновей привлекался к суду по обвинению в государственном преступлении. Тогда Шелгунову разбил паралич, и после того ее здоровье уже не могло вполне оправиться»*³².

Хлопоты по облегчению судьбы Николая достались Н.В.Шелгунову, писавшему журналисту С.Н.Кривенко: *«В Петербурге же я был по делу Коли... Впрочем, с нашими обходились очень внимательно, даже берегли их и вообще этому делу не придавали важности по существу и признавали нужным придать ему внешнюю строгость в видах дисциплины. Шестаков, например, сказал про моряков: «Их нужно наказывать строго, чтобы флот знал, что нельзя заниматься болтовней». Но тот же Шестаков говорил, что в молодости он тоже шалил, хоть и не так, как эти (Шестаков был сослан из училища в Черноморский флот за то, что читал Пушкина). Колю очень огорчило, что его в солдаты, а не в матросы. Но Шестаков говорит, что ему некуда их деть и что у него нет никаких приспособлений для надзора. Но зато мне удалось, что Колю назначили в Александрополь (Эриванской губернии). Теперь уж он на пути туда и, кажется, плывет по Черному морю. Это все лучше, чем от Владикавказа идти этапом 550 верст. Теперь от Тифлиса ему останется всего верст 250. Да, печально. А, впрочем, утешал Колю, что не всякому достается в его года такой опыт жизни. Был и в океане, видел Африку, Америку, Суэзский канал, сидел в крепости, был под военным судом, пережил мыслями каторгу, попал, наконец, в солдаты. Коля со мной, однако, не согласен, и я нахожу что он прав»*³³.

Кавказ

В феврале 1888 года Н.В.Шелгунов тому же С.Н.Кривенко сообщал: *«Теперь он... рядовым в 6-м Кавказском резервном батальоне. И живет так: книги отобрали, письма все читаются, знакомых иметь не разре-*

ишли, часы отобрали, в город отпускают с провожатым, и фельдфебель запретил ему пить чай с дядькой. Такой есть у него наставник, поучающий шагистике и ружистике. Беднягу жаль. Живет в казарме, в крепостном каземате, фельдфебель и унтер грубы, еда плохая. Вообще тягостно, ибо начальство глядит на него недоверчиво и смотрит в оба. Хотелось бы перевести его во флот: не знаю, выгорит ли»³⁴.

Тогда же Н.В.Шелгунов просил С.Н.Кривенко прислать Николаю, разрешенную ему, «Всеобщую историю» Вебера: «Во всяком случае поспеши, что бы было, что Коле читать. Скушает он бедный без книг, и только все его и развлечение, что ходит из угла в угол по казарме и из крепости никуда не выпускают. Не позволили даже поступить в певчие, потому что певчие выходят из казарм без надзора»³⁵.

Немного позже он пенял жене: «Кто у тебя исполняет книжные поручения Коли? Высылают ему совсем не то, что он просит»³⁶.

Впрочем, нашлось время у Н.Н.Шелгунова и для занятий литературным творчеством. По некоторым сведениям, в Александрополе он написал и издал книгу «От зеленых островов до Рио-де-Жанейро: Отрывок из путевых заметок моряка»³⁷.

В июле 1889 года Н.В.Шелгунов отправился на Кавказ и сообщал жене из Кисловодска: «В Тифлисе редко бывают все в сборе, а здесь не только оказались в сборе все власти, но водяной режим очень упростил все сношения с ними»³⁸.

Результаты хлопот Николая Васильевича сказались в октябре: «Колю из Александрополя перевели в Пятигорск»³⁹. Здесь Н.Н.Шелгунов служил в Ахульгинском резервном батальоне, был произведен в подпоручики⁴⁰. В мае 1890 года Н.В.Шелгунов ездил на воды в Пятигорск, о чем писал жене: «Колю вижу по десяти раз в день и думаю, что он будет моим лучшим лекарством»⁴¹. Николай Васильевич Шелгунов скончался в 1891 году.

Горный институт

В 1892 году Николай Николаевич Шелгунов женился на Александре Александровне Лакиер. Александра родилась 25 июля 1864 года в семье Екатерины Марковны и Александра Борисовича Лакиер, автора известных книг «Русская геральдика» и «Путешествие по Северо-Американским штатам, Канаде и острову Кубе». Первым браком Александра была замужем за богатым таганрогским купцом Марком Спиридоновичем Деллапорте⁴².

Вместе Шелгуновы прожили недолго. Александра, заболевшая скоротечной чахоткой, лечилась в Нальчике⁴³, где и умерла, родив за 9 дней

до смерти дочь. Похоронена Александра Шелгунова в Таганроге, ее могила сохранилась по сей день⁴⁴.

Шура Шелгунова родилась 8 февраля 1894 года⁴⁵. Если верить газетам (им можно верить не во всем), Н.Н.Шелгунов *«вел рассеянный образ жизни. После жены его осталось огромное состояние, которое она завещала своим детям. Последние годы супружеской жизни прошли в семейных неладах и покойная Шелгунова отстранила мужа даже от опекунов над детьми»*⁴⁶.

Жандармский полковник Н.Ф.Бабчинский (ему много чего пришлось узнать о Шелгуновых) писал пермскому губернатору в 1909 году: *«С малых лет Александра попала под попечение бабушки, очень любившей ее и крайне баловавшей, но оставшейся совершенно чуждою ее душевному миру. Унаследовав от отца его умственные способности, настойчивый характер и вместе с тем его же страстность и необузданность натуры, Александра, вырастая на полном просторе среди взрослых, развивалась раньше времени как физически, так и умственно, но за направлением ее развития никто не следил. Отец был занят своими служебными и личными делами и был лишь гостем в семье у бабушки, где дочь слышала о нем рассказы, не располагавшие ее к отцу»*⁴⁷.

В 1895 году Николай Шелгунов поступил в Санкт-Петербургский горный институт⁴⁸. В феврале 1896 года он стал героем резонансного происшествия. В журнале «Северный вестник» (редактор Л.Я.Гуревич) были опубликованы «Воспоминания об А.И.Герцене» Н.А.Огаревой-Тучковой. Автор позволила *«себе говорить об отношениях госпожи Ш. с М. и с С.-С. младшим, что это было в то время всем известно, и она этого не скрывала»*. В примечаниях к воспоминаниям были раскрыты фамилии М.Л.Михайлова и А.А.Серно-Соловьевича, фамилия Л.П.Шелгуновой осталась нераскрытой⁴⁹.

Николай Шелгунов усмотрел в публикации оскорбление матери. Явившись в редакцию, потребовал редактора для вызова на дуэль. К нему вышла Любовь Яковлевна Гуревич. Увидев женщину, Шелгунов потребовал указать какого-нибудь мужчину, который бы согласился выйти на дуэль вместо нее. Гуревич отказалась, не желая подвергать опасности жизнь своего брата. Тогда Шелгунов плюнул ей в лицо и ушел. Она оставила его поступок без последствий, но не преминула написать в газету «Новое время»⁵⁰.

В 1898 году Н.Н.Шелгунов окончил Горный институт (четвертым по списку)⁵¹.

Южные заводы

Известный металлург М.А.Павлов вспоминал: *«Это был молодой горный инженер, человек, который много перетерпел в жизни. Он был морским офицером, затем сидел в тюрьме и, отбыв срок, поступил в Горный институт, выйдя оттуда уже пожилым человеком. При встречах на Таганрогском заводе, куда Шелгунов попал после окончания института, он произвел на меня очень хорошее впечатление»*⁵².

В 1900 году Н.Н.Шелгунов познакомился с мартеновскими фабриками в Витковице, Тчинице и Тернитце. Своими наблюдениями он поделился в статье «Комбинированный бессемеровско-мартеновский способ производства стали в Австрии», опубликованной в «Горном журнале»⁵³.

В 1901 году Николай Николаевич похоронил мать, Людмилу Петровну Шелгунову.

По совету Павлова, владельцы Сулинского металлургического завода Пастуховы пригласили Шелгунова заведовать мартеновским цехом. В начале 1902 года Пастуховы командировали его для осмотра зарубежных мартеновских фабрик. Он осмотрел и описал производство стали в Бохуме, Дюссельдорфе, Кнейтингене, Бурбахе, Борзигверке (Германия), Помпе, Лонгви (Франция), Угро, Серене, Антверпене (Бельгия)⁵⁴. Без трудностей не обошлось. Например, при осмотре завода в Помпе: *«Не скажу, чтобы я был особенно тепло принят на этом заводе друзей-французов. Прежде, чем было получено позволение его осмотреть, пришлось представиться владельцу завода, который подверг меня целому допросу не особенно любезной формы. Особенно господин Фульд возмущался, что из России начали вывозить чугун... Но все же, в конце концов, хотя и немилостивое, разрешение было дано»*⁵⁵. Не позволили Шелгунову осмотреть строящийся завод и в Антверпене, поэтому пришлось *«ограничиться лишь весьма немногим, что удалось заметить»*⁵⁶. В «Горном журнале» вышла статья Шелгунова «Описание мартеновских отделений некоторых заводов Западной Европы».

Шелгунов разработал особый способ передела сернистого чугуна, накопленного в цехе его нерадивым предшественником Э.Зиммерсбахом, при попустительстве директора завода С.А.Гайля. *«Инцидент... поколебал положение Гайля, по крайней мере, он счел за лучшее вскоре оставить завод. Директором сделался Шелгунов»*⁵⁷. В 1904 году в «Горном журнале» вышла его статья «Плавка стали в мартеновских печах из сильносернистых чугунов»⁵⁸.

В 1906 году Шелгунов взял двенадцатилетнюю дочь к себе, «поручил все воспитание гувернанткам, за которыми сам же ухаживал и с

коими сходил. Во внутреннюю ее духовную жизнь совершенно не входил: он по-своему довольно горячо любил ее, но, будучи натурой эгоистической, и человеком, придающим значение внешности, он предъявлял к ней суровые требования, чисто внешней дисциплины. За пустяки: прическу, мелкие недостатки в одежде и тому подобное! Он придирался, делал строгие выговоры, кричал и даже бил ее, иногда даже грозил выгнать из дому, обставлял ее прислугой, доносившей ему обо всем»⁵⁹.

Богословск⁶⁰

В феврале 1908 года горный инженер Н.Н.Шелгунов принял должность главноуправляющего Богословским горным округом. Известно, что перед отъездом в Богословск он приобрел браунинг⁶¹. Ничего удивительного, по тем временам, в этом не было: здесь еще хорошо помнили беспорядки 1907 года, террор «лесных братьев» и убийство директора Надеждинского сталерельсового завода К.Н.Прахова и управляющего коммерческой частью Богословского горного округа Г.О.Кампо-Сципио⁶².

Шелгунов был увлечен деятельностью «водворения порядка в распущенном Богословском округе, со свойственной ему страстностью ушел в дело борьбы с распущенностью рабочих масс, твердо и решительно преследовал свои цели, совершенно не разбираясь в средствах, с полной циничностью в кругу своих служащих излагал свои поступки и действия в этом направлении», — свидетельствовал пермский вице-губернатор В.И. Европеус⁶³.

По оценке губернатора А.В.Болотова, «Николай Николаевич Шелгунов был стойкий человек порядка, выдающийся энергичный деятель. Он сумел поднять рушившиеся дела Богословских горных заводов и шел рука об руку с администрацией в деле восстановления общественного порядка в этом обширном округе, где большинство рабочих состоит из пришлых крайне неустойчивых элементов и где подбор служащих бывшими управляющими, особенно [Н.И.] Владыкиным, производился всегда очень скверный в политическом отношении, благодаря чему там ранее почти и не прекращались волнения»⁶⁴.

От былой революционности Шелгунова не осталось и следа. Например, главе петербургской администрации Р.Ф.Цейдлеру он писал: «От доктора Петрова, занявшего место доктора Ментова, я в восторге. В настоящее время такой врач на вес бриллиантов. «Товарищей» гонит из больницы не стесняясь. Лечиться, быть может, у Петрова я бы и не стал, но для того, чтобы «товарищи» в своих требованиях не заходили далеко, надо иметь врачей именно таких»⁶⁵.

Между тем, у Шелгунова усугублялись проблемы с дочерью. По свидетельству И.А.Бурова, *«глубоко безнравственная и удивительно рано развитая физически, Шелгунова, вращаясь большей частью среди прислуги, выучилась курить табак, пить вино и, видя интрижки подчиненных людей, сама скоро почувствовала влечение к половой жизни. В таком состоянии А.Н.Шелгунова и прибыла в Богословский завод»*⁶⁶.

Николай Николаевич предпринял *«крутые меры к ее исправлению»* и почти лишил свободы. Но *«капризная, своенравная, упрямая и уже испорченная»* Шура не хотела слушаться. В ответ режим становился еще строже, внушения учащались, а дочь еще сильнее *«озлоблялась на своего отца»*⁶⁷. Шелгунов требовал от прислуги полного подчинения дочери, называя ее молодой хозяйкой, в то же время из той же прислуги *«учредил сыск за дочерью»*, о чем Александра была осведомлена. Впрочем, Шелгунов открыто ухаживал за гувернантками Шуры и с *«некоторыми из них был в связи»*, что также не составляло тайны для дочери⁶⁸.

Н.Ф.Бабчинский зафиксировал: *«Александра с минувшего лета начала увлекаться чтением Золя, Арцыбашева и тому подобных писателей, которые имелись в библиотеке ее отца и которыми она пользовалась бесконтрольно. Она только думала о любви и сближении с мужчинами. В доме Шелгунова молодежи не бывало, только во время катанья и прогулок она встречалась с несколькими молодыми людьми и с ними кокетничала»*⁶⁹.

«Будущая владелица громадного состояния и небезинтересная по внешности», Александра Шелгунова была *«желанной невестой»* вообще, а для богословских претендентов особенно. У нее появились поклонники: управляющий Богословским медеплавильным заводом, горный инженер А.П.Иванов и сын управляющего Богословско-Сосьвинской узкоколейной железной дороги, студент Ауэрбах⁷⁰. Как тому, так и другому Шура жаловалась на *«строгие обращения отца»*. Шелгунов решил категорически прекратить, принявшими *«такой интимный характер»*, отношения Шуры с Ауэрбахом, что *«наоборот сильнее развило в них страсть, а злоба Шелгуновой на отца все усиливалась»*⁷¹.

Убийство

29 января 1909 года земский начальник В.М.Дружинин сообщил телеграммой пермскому губернатору А.В.Болотову: *«Сегодня два часа дня управляющий округом Шелгунов убит на крыльце своего дома четырьмя пулями браунинга своею дочерью, которая его спокойно поджидала»*⁷².

По свидетельству В.И.Европеуса, *«факт убийства... подействовал на все группы населения Богословского завода положительно ошеломляющим образом... Через несколько часов после убийства управляющий медного Богословского завода Иванов заявил конторе, что он немедленно же оставляет свое место»*. Нервное состояние А.П.Иванова понятно: недавно, 17 января, он получил письмо «с угрозою лишить его жизни за притеснение рабочих»⁷³.

Растерявшаяся администрация завода, *«безапелляционно приписав убийство влиянию террористических организаций»*, сообщила о том своему начальству в Петербурге⁷⁴.

Уже на следующий день, 30 января, администрация Богословского горнозаводского общества, которую *«некоторые данные заставляли подозревать постороннее влияние террористических организаций»*, попросила пермского губернатора А.В.Болотова *«назначения возможно полного дознания и следствия»*⁷⁵.

Между тем, российские газеты надрывались: *«На Богословском заводе разыгралась тяжелая драма: управляющий заводом Николай Николаевич Шелгунов, сын известного писателя, убит своего дочерью, пятнадцатилетней девушкой. Покойный только что вернулся из Петербурга, и чем именно вызвано это потрясающее отцеубийство, установить пока еще не удалось»*⁷⁶.

31 января помощник верхотурского уездного исправника Л.И.Гомолицкий доложил губернатору об обстоятельствах преступления: *«Шелгунов отправился в главную контору, где и пробыл до двух часов дня. Около двух часов дня вышел из конторы с помощником своим [И.И.] Широких, который поравнявшись с квартирой Шелгунова простился и пошел дальше, а Шелгунов пошел к себе. Войдя на крыльцо, Шелгунов позвонил и лишь отворил дверь, как спрятавшаяся за дверь дочь его Александра произвела в него в упор один за другим два выстрела из браунинга. Раненый Шелгунов пошатнулся и, поворотившись, бросился бежать с крыльца. Дочь выскочила за ним и вдогонку еще произвела четыре выстрела в него. Отбежав несколько сажень, Шелгунов упал мертвым. Выстрелы привлекли внимание стоявших неподалеку от квартиры Шелгунова рабочих Шелконогова, Харлова, Свалова, Евтенева и не успевшего еще отойти далеко помощника Широких, а также стоявшего на посту близ квартиры стражника Зыкова и находившегося поблизости другого переодетого стражника Самойлова, которые, схватив на бегу браунинги, бросились к убийце»*.

В этот момент Александра Шелгунова, держа дуло браунинга по направлению себя, произвела выстрел и упала, а потом тотчас же вскочила и с хохотом побежала в комнаты, но тут схватил ее за руки стражник Самойлов, провел в первую от прихожей комнату и там задержал до прихода околоточного надзирателя Попова. Когда Самойлов схватил Шелгунову за руки, последняя, приняв его, видимо, за рабочего, сказала: «Не бойся, товарищ, я убила вашего кровопийцу, теперь вам будет свободнее. Ты к какой партии принадлежишь? Я к социал-демократической. Мне нужно во что бы то ни стало повидать Фомина». Во время этого разговора внесли труп Шелгунова...

Прибывший вскоре на место происшествия Попов опросил Шелгунову, которая объяснила, что отца убила она и, если выяснить подробности, побудившие ее это сделать, то нужно рассказать биографию своей жизни: до 12 лет она жила у бабушки на юге России, там ей жилось весело и свободно, затем отец взял ее к себе, характер у него скверный, своими неосновательными придирками и частой бранью озлобил ее, он, например, прогнал ее любимую прислугу, шпионил относительно табакокурения, она давно вознамерилась отделаться от него и сегодня решила убить. Около двух часов, наблюдая в окно верхнего этажа, заметила его браунинг, спустилась вниз к входной двери парадного крыльца и, когда раздался звонок, отворила дверь, и только отец вошел, произвела в него в упор несколько выстрелов.

По наружному осмотру турьинским земским врачом [И.А.] Левиным, на теле покойного обнаружены четыре пулевых раны, безусловно, смертельных. Относительно убийцы врач высказался, предварительно осмотрев ее, что она душевнобольная. При дальнейших расспросах представом, Шелгунова отказалась давать какие-либо объяснения, говорила, что отца убила потому, что не любила.

По обыску в комнате Шелгуновой, кроме трех пачек папирос под подушкой, больше ничего не оказалось»⁷⁷.

Александра Шелгунова содержалась «в отдельной комнате под охраной стражи»⁷⁸.

1 февраля Н.Н.Шелгунова похоронили на богословском кладбище⁷⁹.

Дознание

В Богословск прибыли начальник Пермского губернского жандармского управления полковник Н.Ф.Бабчинский, его помощник в Верхотурском уезде ротмистр Н.Л.Ружицкий и прокурор Екатеринбургского окружного суда М.С.Крюков⁸⁰.

Ночью со 2 на 3 февраля ротмистр Н.Л.Ружицкий произвел безрезультатные обыски у лиц, подозреваемых в угрозах А.П.Иванову⁸¹. Обыск в квартире девятнадцатилетнего выпускника Турьинского горного училища, десятника Ивана Фомина также не дал ничего, кроме книжек К.Маркса «Кельнский процесс коммунистов» и «Манифест коммунистической партии»⁸².

Ночью со 2 на 3 февраля прокурор М.С.Крюков писал губернатору: *«Убийство Шелгунова – тяжелая семейная драма... Богословские сплетни, надо думать, много-много преувеличивают неудачные поступки девочки... Обращает на себя внимание, что девочка питает слабость к спиртным напиткам и начала курить. Об увлечении Шелгуновой некоторыми молодыми людьми было известно отцу... Модными авторами, воспевающими свободную любовь, девочка зачитывалась, благо этого добра в библиотеке было достаточно, и с особым удовольствием смаковала арцыбашевского «Санина». Злые языки говорят, что Шелгунова уже отведала от древа познания сладости любви, но она утверждает, что девственность еще не потеряна»*⁸³.

Также Крюков излагал предшествовавшие убийству обстоятельства: *«Шелгунов возвратился из поездки ночью на 29 января. Утром проснулся, когда дочь уже занималась с учительницей. Навишись чаю, он позвал дочь к себе и отдал ей подарки, после чаю вскоре ушел в контору. В первом часу Шелгунова окончила занятия и пришла в кухню позавтракать (кухню она охотно посещала). Здесь ей прислуга сообщила, что утром отец нашел в ее комнате папиросы и предупредил домашних служащих, что тех, которые способствовали дочери в приобретении папирос, выгонит. Расследование по этому поводу Шелгунов отложил до возвращения из конторы. По словам Шелгуновой, рассказ прислуги произвел на нее тяжелое гнетущее впечатление: на нее напал панический страх, т.к. в перспективе предстоял колоссальный скандал, и, быть может, ручная расправа. Из кухни Шелгунова отправилась наверх, где вследствие сильного волнения что-то играла на пианино. Дальнейшие события, как утверждает она, развивались вне ее сознания: она помнит лишь, что увидела в окно отца, шедшего из конторы, и что брала его браунинг... Шелгунова признает, что отца после переселения в Богословск возненавидела за его дурное обращение и что она 29-го боялась расправы не только за папиросы, но и другие самовольные поступки за время его отсутствия (довольно невинные, надо сказать, например, вопреки запрещению отца, встречала Новый год в клубе). К сказанному надо добавить, что 29-го у нее была менструация, которая вообще от-*

зывалась болезненно на ее настроении. По-видимому, Шелгунова убила отца в состоянии патологического эффе́кта»⁸⁴.

На следующий день, 4 февраля, постановлением Крюкова Александра Шелгунова была *«заключена под стражу в Верхотурский тюремный замок»*⁸⁵.

Видимо, не совсем доверяя выводам Бабчинского и Крюкова, губернатор телеграфировал ротмистру Ружицкому: *«Имею сведения: на Шелгунову сильно влиял Ауэрбах-сын»*⁸⁶. Кроме того, А.В.Болотов направил в Богословск вице-губернатора В.И.Европеуса, который 7 февраля докладывал: *«Александра Шелгунова производила впечатление дегенератки, она физически и умственно вполне развита, хотя в ней много детского, она курит, пьет, в Богословском заводе два раза напивалась пьяной. Александра вполне осведомлена во всех тонкостях половых отношений, хотя по всем данным, невинна: сама лично сохранение своей невинности объясняет недостаточной смелостью мужчин, ее окружающих, такими были: студент Ауэрбах и горный инженер Иванов, последний человек глубоко развращенный, циничный, но большой трус, хотя по отношению к женщинам был очень нахален: надо думать, что Иванов на Шелгунову имел растлевающее влияние. В отношениях Ауэрбаха и Шелгуновой, видимо, лежало чувство довольно искренней симпатии, а сам Ауэрбах составляет полную противоположность Иванову»*⁸⁷.

Дополнительное расследование *«относительно драмы в Богословском заводе»* провел пристав Мотовилихинского завода И.А.Буров, о чем 13 февраля рапортовал губернатору: *«Дело обстояло несколько иначе, как установлено гласным следствием... Чисто политической подкладки в данном случае не было, хотя в числе побудительных причин к убийству были отчасти и мотивы социалистической окраски... Шелгунова познакомилась с Петровой (арестована), Иваном Фоминым и другими лицами из низшей среды, крайне неблагонадежными в политическом отношении. Лица эти, в удобные моменты (на катке, в клубе, на увеселительных вечерах) развивая свои теории, внушали ей о том, что она своим влиянием на отца может много помочь обездоленным рабочим-товарищам»*⁸⁸.

Еще у Букова было *«основание предполагать, что Шелгуновой одним из поклонников, вероятнее всего Ауэрбахом, в личных интересах (чтобы завоевать себе более доверия) сообщено было о небрежном отношении отца к ее наследству и внушено сомнение в кровном родстве как дочери к покойному Шелгунову. Это только подлило масла в огонь»*⁸⁹.

Судьба Шуры

Дальнейшее расследование пошло по направлению, высказанному Болотовым министру внутренних дел еще 5 февраля: *«Некоторые из приближенных к семье покойного удостоверили, что они замечали за Шелгуновой ненормальные выходки и что в роде Шелгуновых было до пяти душевнобольных»*⁹⁰.

В Перми Александра Шелгунова *«была подвергнута судебно-медицинскому освидетельствованию»* особой комиссией врачей-психиатров, признавшей ее психически-больной⁹¹.

В газетах писали, что Екатеринбургский окружной суд *«постановил на основании 95 ст. «Уложения о наказаниях», поместить А.Шелгунову в психиатрическое отделение на два года»*, а опекун С.И.Мавро (муж тети Александры – Софии) возбудил ходатайство о помещении ее в московское или петербургское психиатрическое отделение⁹².

Через два года Екатеринбургский окружной суд удовлетворил ходатайство бабушки Е.М.Лакиер (урожденная Комнено-Варваци) об освобождении внучки из лечебницы и об отдаче ей на поруки⁹³.

Александра родила незаконнорожденную дочь Шуру. Затем вышла замуж за двоюродного дядю Константина Комнено-Варваци, родила ему дочь Лялю⁹⁴. Ушла от мужа, оставив дочерей бабушке, уехала в Москву, где стала танцовщицей и танцевала в труппе знаменитой балерины Е.В.Гельцер⁹⁵. Внучки Н.Н.Шелгунова – Шура и Ляля – тоже стали балеринами, проживали в Ленинграде⁹⁶.

Примечания:

¹ Шелгунова Л.П. Из далекого прошлого: Переписка Н.В. Шелгунова с женой. СПб, 1901. С.8.

² Оценщик леса по стоимости деревьев.

³ Штакеншнейдер Е.А. Из дневников 1855 – 1858 гг. // Голос минувшего: Журнал истории и истории литературы. 1915. №11. С.168.

⁴ Засодимский П.В. Из воспоминаний. М., 1908. С.427.

⁵ РГВИА, ф.400, оп.17, д.10818, ч.1.

⁶ Тучкова-Огарева Н.А. Воспоминания. Л., 1929. С.365.

⁷ Воспоминания Л.П. Шелгуновой и М.Л. Михайлова. Т.2. М., 1967. С.507.

⁸ Там же. С.506.

⁹ Там же. С.180.

¹⁰ Там же. С.186-187.

¹¹ Там же. С.212.

¹² Там же. С.223-224.

¹³ Н-н М.Л. Н.В. Шелгунов в Калуге // Голос минувшего. №11. 1915. С.249, 253, 255, 260.

- ¹⁴ Воспоминания Л.П. Шелгуновой и М.Л. Михайлова... С.232.
- ¹⁵ Мельница в имении Поповых, друзей Н.В. Шелгунова.
- ¹⁶ Воспоминания Л.П. Шелгуновой и М.Л. Михайлова... С.240, 242, 523.
- ¹⁷ Троицкий Н.А. Дело о военно-революционных кружках 1887 года (процесс «18-ти») // Военно-исторические исследования в Поволжье. Вып.5. Саратов, 2003. С.137.
- ¹⁸ Брагинский М.А. Из воспоминаний о военно-революционной организации (1884-1886) // Народовольцы 80-х и 90-х годов: Сборник статей и материалов, составленный участниками народновольческого движения. М., 1929. С.125-126.
- ¹⁹ Письма Н.В.Шелгунова к С.Н.Кривенко // Вестник Европы. 1911. №4. С.225.
- ²⁰ Приказ по Морскому ведомству №307 от 29 сентября 1886 г.; Из этого выпуска Морского училища капитан 2-го ранга В.И.Берлинский и лейтенант Н.Н.Хлодковский геройски погибли в Русско-японскую войну. И.И. Гиляровский убил руководителя восстания на броненосце «Князь Потемкин-Таврический» Г.Н.Вакуленчука, но и сам был убит матросами. Лейтенант П.П.Шмидт поднял восстание на крейсере «Очаков». Стали контр-адмиралами С.Н.Ворожейкин, В.И.Галанин, Р.Д.Зеленецкий, А.Л.Лятошинский, А.К.Небольсин, П.И.Паттон-Фантон-де-Веррайон, генерал-майорами – А.А.Долгоруков, Ф.В.Раден, К.М.Ратьков и Н.А.Типольд.
- ²¹ Письма Н.В. Шелгунова к С.Н. Кривенко... С.230, 232.
- ²² Там же. С.231-232.
- ²³ Ныне Кейптаун Южно-Африканской республики.
- ²⁴ Письма Н.В. Шелгунова к С.Н. Кривенко... С.232-233.
- ²⁵ Шигин В.В. Лейтенант Шмидт. Герой или авантюрист? М., 2015. С.27.
- ²⁶ Шигин В.В. Лжегерои русского флота. М., 2010. С.111.
- ²⁷ Крылов А.Н. Мои воспоминания. СПб, 2003. С.473.
- ²⁸ Шигин В.В. Лжегерои русского флота. М., 2010. С.111.
- ²⁹ Шигин В.В. Лжегерои русского флота. М., 2010. С.112.
- ³⁰ Троицкий Н.А. Дело о военно-революционных кружках 1887 года: Процесс «18-ти» // Военно-исторические исследования в Поволжье. Вып.5. Саратов, 2003. С.137-139.
- ³¹ Троицкий Н.А. Указ. соч. С.140.
- ³² Воспоминания Л.П. Шелгуновой и М.Л. Михайлова... С.480.
- ³³ Письма Н.В. Шелгунова к С.Н. Кривенко... С.236.
- ³⁴ Там же. С.236-237.
- ³⁵ Памяти Виктора Александровича Гольцева: Статьи, воспоминания, письма / под ред. А.А. Кизеветтера. М., 1910. С.180.
- ³⁶ Воспоминания Л.П. Шелгуновой и М.Л. Михайлова... С.250-251.
- ³⁷ Стаценко В. История одного убийства [Электронный ресурс] // URL: <https://ok.ru/group51542815408326/topic/66060049899718> (дата обращения 05.10.2021).
- ³⁸ Воспоминания Л.П. Шелгуновой и М.Л. Михайлова... С.251.
- ³⁹ Письма Н.В. Шелгунова к С.Н. Кривенко... С.240.

- ⁴⁰ РГВИА, ф.400, оп.17, д.10818, ч.1.
- ⁴¹ Памяти Виктора Александровича Гольцева... С.183.
- ⁴² Цымбал А.А. Семейство Лакиер // Вехи Таганрога: Историко-литературный альманах. 2005. №26. С.29.
- ⁴³ Стаценко В. Указ. соч.
- ⁴⁴ Александра Лакиер [Электронный ресурс] // URL: <https://bogatov.info/Genbase6?p=aleksandra;n=lakier> (дата обращения 05.10.2021).
- ⁴⁵ РГВИА, ф.400, оп.17, д.10818, ч.1.
- ⁴⁶ Ужасающее отцеубийство // Голос Москвы. 1909. 13 февраля.
- ⁴⁷ ПермГАСПИ, ф.65, оп.2, д.1080, л.37.
- ⁴⁸ Воспоминания Л.П. Шелгуновой и М.Л. Михайлова... С.527.
- ⁴⁹ Огарева-Тучкова Н.А. Воспоминания об А.И. Герцене // Северный вестник. 1896. №2. С.87.
- ⁵⁰ Толстой Л.Н.: Полное собрание сочинений. Т.59. М., 1954. С.57.
- ⁵¹ Список лиц, окончивших курс в Горном институте с 1723 по 1923 год // Горный журнал. 1923. №11. С.758.
- ⁵² Павлов М.А. Воспоминания металлурга. М., 1945. С.244.
- ⁵³ Шелгунов Н.Н. Комбинированный бессемеровско-мартеновский способ производства стали в Австрии // Горный журнал. 1901. №1. С.1-17.
- ⁵⁴ Шелгунов Н.Н. Описание мартеновских отделений некоторых заводов Западной Европы // Горный журнал. 1902. №2. С.119.
- ⁵⁵ Там же. С.130.
- ⁵⁶ Там же. С.136.
- ⁵⁷ Павлов М.А. Указ. соч. С.263.
- ⁵⁸ Шелгунов Н.Н. Плавка стали в мартеновских печах из сильносернистых чугунов // Горный журнал. 1904. №1. С.103-139.
- ⁵⁹ ПермГАСПИ, ф.65, оп.2, д.1080, л.37.
- ⁶⁰ Ныне Карпинск Свердловской области.
- ⁶¹ Кирьякевич Е.В. Чувство собственного достоинства горных инженеров Урала начала XX в. в истории повседневности // Пятые Татищевские чтения. Духовность и нравственность на Урале в прошлом и настоящем: тезисы докладов и сообщений, Екатеринбург, 22-23 апреля 2004 г. Екатеринбург, 2004. С.62.
- ⁶² Гунгер Ю.В. Турьинские Рудники: Исторические очерки. Челябинск, 2007. С.202.
- ⁶³ ПермГАСПИ, ф.65, оп.2, д.1080, л.37.
- ⁶⁴ Там же. л.16.
- ⁶⁵ Чьи же это кумиры? // Правда. 2007. 26-29 октября.
- ⁶⁶ ПермГАСПИ, ф.65, оп.2, д.1080, л.25.
- ⁶⁷ Там же. л.25.
- ⁶⁸ Там же. л.33.
- ⁶⁹ Там же. л.37.
- ⁷⁰ Выяснить, кто из сыновей Федора Андреевича Ауэрбаха – Вениамин или Лев – стал участником описываемых событий. См.: Бессонов М.С. История Северно-

го Урала в лицах (1589 – 1917): Биографический справочник. Вып.1 (А-Д). Екатеринбург, 2011. С.47.

⁷¹ ПермГАСПИ, ф.65, оп.2, д.1080, л.26.

⁷² Там же. л.1.

⁷³ Там же. л.9.

⁷⁴ Там же. л.33.

⁷⁵ Там же. л.6.

⁷⁶ Ужасающее отцеубийство // Голос Москвы. 1909. 13 февраля.

⁷⁷ ПермГАСПИ, ф.65, оп.2, д.1080, л.10.

⁷⁸ Там же. л.11.

⁷⁹ Метрическая книга 1909 года [Электронный ресурс] // URL: <https://karpinskimuseum.ru/metricheskaya-kniga-1909-goda/> (дата обращения 05.10.2021).

⁸⁰ ПермГАСПИ, ф.65, оп.2, д.1080, л.21.

⁸¹ Там же. л.9.

⁸² Там же. л.11.

⁸³ Там же. л.8.

⁸⁴ Там же. л.9.

⁸⁵ Там же. л.24.

⁸⁶ Там же. л.12.

⁸⁷ Там же. л.33.

⁸⁸ Там же. лл.25-27.

⁸⁹ Там же. л.27.

⁹⁰ Там же. л.15.

⁹¹ Стаценко В. Указ. соч.

⁹² Там же.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Хилкова О.С. Воспоминания о семье Лакиеров // Вехи Таганрога. 2005. №26. С.57.

⁹⁵ Цымбал А.А. Указ. соч. С.30.

⁹⁶ Соболева Н.А. Род Лакиеров // Гербовед. 2005. №79. С145.

Дерябина Галина Александровна

Дерябины из деревни Матюшино

Деревня Матюшино – небольшая деревенька дворов на 34-40, население более 100 человек. Расположена как бы на взгорке, село Отрадновое в километре как на ладони. Перед деревней с обеих сторон небольшие поля, засеянные рожью и пшеницей, радовали в то время глаз человека. Два родника с чистой питьевой водой поили и кормили и людей, и скотину. В деревне находился скотный двор для откорма крупного рогатого

скота, овчарник, недалеко от родника - кузница, около мостика запруженный пруд-пожарка. на окраин деревни стояли склады, зерноток, заправочная станция для заправки тракторов. Люди работали с утра до вечера, дети учились в школе, малыши ходили в детский сад. Днем в деревне никто не слонялся без дела. Почти у всех была одна фамилия – Дерябины. Пожилые люди себя считали по породе, т.е какую фамилию носили раньше предки, они так и говорили: Максимлятская порода, Антоновская порода и т.д.

Когда-то жили в Матюшино пять братьев Дерябиных: Тимофей, Александр, Михайло, Данил, Роман Дмитриевичи. Все братья женились и создали семьи. Была одна улица в деревне Матюшино, там стояли крепкие дома крепких хозяев Дерябиных. У Тимофея Дерябина родился сын Иван Дмитриевич Дерябин, у Ивана Дмитриевича родился сын Анатолий Иванович Дерябин. Анатолий служил в армии на Украине, после службы вернулся домой. Работал почтальоном, возил почту из села Дерябино в село Отрадново. После выучился на тракториста, работал на тракторе, весной пахал огороды для населения. Все только его и приглашали. Умел пахать, любо дорого посмотреть. Летом 1958 года женился. Приглянулась ему девушка - агроном Воложанина Антонина Дмитриевна, 1937 года рождения, родом она была из деревни Бочкарево Усть – Салдинского сельсовета. Антонина Дмитриевна вспоминает: «В 1958 году по направлению Красноуфимского сельскохозяйственного техникума я была назначена агрономом в колхоз «Заря» Отрадновского сельсовета. Весна. Я окунулась в аромат цветущих черемух, огромные заросли на берегу реки Туры. Изобилие журчащих родников с холодной живой водой. Эта вода снимала усталость, бодрила, придавала сил. В самой деревне Матюшино было три родника, один до сих пор течет с такой же скоростью, как те далекие времена моей молодости. Расположен под косягом с северной стороны. Жители деревни Матюшиной за этим родником ухаживали, три ступени деревянных долбленых колод содержали в чистоте. С первой колоды вода падала водопадом, где набирали воду ведрами, по второй колоде текла более спокойно, в третью колоду как в большое корыто, где полоскали белье зимой и летом, мыли половички. Дальше вода уходила в Матюшинское болото. Зимой обилие снега, заметало дорогу к роднику, но жители по очереди с лопатами в руках шли и чистили дорожку, и за доброту людей этот родник снабжал их чистой водой. Давно уже нет деревни, а родник течет и снабжает приезжих людей чистой живой водой». И вот Антонина Дмитриевна и Анатолий Иванович - оба красивые, умные, молодые - сыграли свадьбу. И ста-

ла Антонина Дмитриевна Дерябиной. Сначала жили с родителями мужа, но семья большая, места в доме мало. Перешли Анатолий и Антонина в колхозный дом. Появились у них дети: дочь Валентина и сын Михаил. Шли годы, дети выросли. После реорганизации колхоза Антонина Дмитриевна перешла работать в Отрадновскую школу. Преподавала биологию и географию. С 1963 по 1976 годы Антонина Дмитриевна проработала в школе, пока ее не закрыли. Школу закрыли, дороги в то время были очень плохие. Население начало разъезжаться в другие населенные пункты. Началась реорганизация близлежащих деревень в совхоз «Дерябинский». Село Дерябино сделали центральной усадьбой. Анатолий Иванович и Антонина Дмитриевна переехали тоже в Дерябино. Он работал трактористом в совхозе, она главным экономистом. Дочь Валентина проживает в городе Реж и часто навещает село. Сын Михаил проживает в Дерябино. Так же всю жизнь отработал в совхозе на территории села. Рано не стало Анатолия Ивановича, жить бы да радоваться на внуков, но болезнь не спрашивает. Антонина Дмитриевна пережила такое горе. Проработала экономистом до выхода на заслуженный отдых. Продолжала жить в Дерябино. Одна управлялась с хозяйством и огородом. Сын всегда помогал. А в трудную минуту вместе с сыном посещали могилу мужа и отца. Дети и внуки постоянно гостили у бабушки в селе. Множество дел и увлечений было у Антонины Дмитриевны на заслуженном отдыхе. Чисто женское увлечение - это крючок и спицы. Много замечательных, полезных и нужных вещей было создано руками этой прекрасной женщины. В 2020 году не стало такого общительного, доброго, отзывчивого и внимательного человека к людям. Она никогда не сидела на месте, движение – жизнь. Общалась с односельчанами, молодежью, школьниками. Школьники всегда бывшей учительнице помогали с различными хозяйственными делами, а она в свою очередь поводила патристическое воспитание. Антонина Дмитриевна навсегда останется в памяти односельчан.

Желвакова Светлана Константиновна

Верхотурцы – участники парадов 1941 и 1945 годов

78 лет назад, в разгар боев за Москву на Красной площади прошел легендарный военный парад 1941 года. Почему он был необходим, для чего оркестр проводил репетиции в конном манеже, и как руководство страны обращалось к жителям со станции метро «Маяковская?». Её ве-

стибюль вмещал 2 тысячи человек. Мало кто знает, что в день 24-й годовщины Октябрьской революции в СССР состоялся не один парад, а целых три – в Москве, Куйбышеве (Самара) и Воронеже.

6 ноября 1941 года на традиционном праздничном заседании Моссовета И.В. Сталин объявил членам правительства о решении провести традиционный парад. Командирам частей, принявших участие в параде, объявили об этом только в 23 часа 6 ноября. Большое внимание уделялось и авиационному прикрытию парада: 5 ноября советские бомбардировщики наносили упреждающие удары по ближайшим аэродромам, занятым немцами.

Первый прошел в столице: из соображений безопасности на 2 часа раньше обычного - в 8 часов утра. Парадом командовал генерал-лейтенант Павел Артемьевич Артемьев, командующий Московским военным округом, а принимал легендарный маршал Семен Михайлович Буденный. На трибуне Мавзолея собралось все высшее руководство СССР. Ровно в 8 часов все громкоговорители страны транслировали парад из столицы: «Говорят все радиостанции Советского Союза, Центральная радиостанция Москвы начинает передачу с Красной площади парада частей Красной армии, посвященной 24-й годовщине Великой Октябрьской революции».

После традиционного объезда парадных расчетов и доклада Верховному Главнокомандующему И.В. Сталину обратился к войскам и населению страны с речью, в которой подчеркнул: «Главные цели немецкой операции «Тайфун» достигнуты не были, взять стремительным наступлением столицу фашистам не удалось».

Всего в параде участвовало пехотинцев, кавалеристов, стрелков и пулеметчиков, артиллеристов и танкистов 28,5 тысяч человек, 140 артиллерийских орудий, 160 танков, 232 автомашины. Он оказался самым коротким – всего 25 минут.

Войска с парада уходили прямо на фронт, всего месяц оставался до контрнаступления Красной армии под Москвой. Но уже 7 ноября каждый гражданин СССР, на фронте и в тылу знал из речи Сталина: «Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет Вас в этой войне мужественный образ наших великих предков - Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Александра Суворова, Дмитрия Пожарского, Михаила Кутузова».

В Воронеже парад начался в 11 часов утра на центральной площади. Прохождением войск – пехотинцев, артиллеристов, мотоциклистов и танкистов – командовал заместитель командующего Юго-Западным

фронтом генерал Фёдор Яковлевич Костенко, а принимал парад командующий Юго-Западным фронтом маршал Семен Константинович Тимошенко. Было пасмурно и хмуро, при температуре -3^0 шел мокрый снег. Парад завершился демонстрацией жителей города и области.

Самый яркий и необычный парад был в Куйбышеве, резервной столице СССР. Туда были эвакуированы многие государственные учреждения во главе с председателем Президиума Верховного Совета Михаилом Ивановичем Калининым и также иностранные представительства.

Собравшиеся увидели не только торжественный марш наземных войск от пехоты до танков, но единственный за всю войну воздушный парад. В Москве тогда погода была нелетная, а вот под Куйбышевом пролетали до 700 (!) боевых самолетов, преимущественно новых типов. Зрители не подозревали, что 230 экипажей 8 авиаполков и 5 авиашкол подготовили этот пролет всего за 3 дня. Такого впечатляющего зрелища никто не видел ни до, ни после.

Неудивительно, что полторачасовой парад, а за ним еще и часовая демонстрация трудящихся, в которой участвовало без малого 200 тысяч человек, произвели на иностранцев сильнейшее впечатление, заставив поверить, а затем и рассказать всему миру, что Советский Союз не сломлен и сил у него еще много.

На параде в Москве 7 ноября 1941 года был наш земляк Шулаков Андрей Иванович 1918 года рождения. На фронте с 1941 по 1944 год. Старшина. Помощник командира по технической части отдельной транспортной роты. Защищал Москву в составе 102-й дивизии 72-й армии. Воевал на Курской дуге в отдельной авиатранспортной роте. Освобождал Курск, Харьков, Витебск, Минск. В Польше был ранен. Награжден орденом Отечественной войны 2-й степени, медалями «За отвагу», «За освобождение Москвы», «За освобождения Курска».

Тупицину Сергею Павловичу нашему земляку выпала честь участвовать в двух парадах, в 1941 и 1945 году. На фронте с 1941 по 1945 год. Старшина, зенитчик. Воевал в составе 7-го мотострелкового полка войск НКВД. Участвовал в обороне Москвы. Награжден орденом «Трудового Красного Знамени», «За оборону Москвы», «За победу над Германией». Был участником Ялтинской конференции на встрече глав трёх государств: СССР, США и Англии. Охранял резиденцию Черчилля в Воронцовском дворце в Алушке. Участник парада на Красной Площади 7 ноября 1941 и парада Победы 24 июня 1945 года. Решение о проведении парада было принято, Верховным Главнокомандующим вскоре после 9 мая 1945 года. Сталин прекрасно понимал важ-

ность этого праздника для народа, только что избавившегося от смертельной опасности, возможно, самой страшной в своей истории, стоявшего на пороге тяжкого труда по возрождению лежащей в руинах страны. Именно поэтому он торопил военное командование с проведением парада в Москве, в котором по его требованию, должны были быть представлены все фронты и все рода войск.

Уже 24 мая 1945 года Генштаб представил Сталину предложения и запросил два месяца на подготовку. Однако Верховный главнокомандующий дал на это только тридцать дней. Всего в предстоящем торжественном марше должны были пройти десять сводных полков фронтов и сводный полк Военно-морского флота. Кроме того. В параде участвовали слушатели военных академий, курсанты военных училищ и войска Московского гарнизона, а также военная техника, включая самолеты. Фронтовики плохо подходили для парада. Немедленно начался подбор бойцов для сводных полков. Одним из главных критериев кандидата в члены парадного расчета были личный героизм и боевые заслуги. В первую очередь рассматривались кавалеры орденов Славы, Герои Советского Союза, участники штурма Берлина, отличившиеся солдаты и офицеры. Но этого было недостаточно. Участник парада должны были быть не старше 30 лет и не ниже 176 сантиметров и быть подтянутыми в строевой подготовке.

Отправляясь в Москву, счастливчики еще не знали, что им предстоит по 10 часов в день заниматься строевой ради трёх с половиной минут безукоризненного марша по Красной площади. О том, насколько серьезные были требования, свидетельствует драматическая история знаменитой группы Знамени Победы, водруженного над рейхстагом. С выноса, которого планировалось начать парад.

Герои – разведчики Егоров, Кантария и Берест, которые должны были быть ассистентами знаменосца, оказались слабоваты в строевой подготовке – на фронте от них требовались другие навыки. А их отважный комбат Степан Неустроев, который должен был нести знамя, имел множество тяжелых ранений и прихрамывал (к 22 годам имел 5 ранений, ноги повреждены). Однако о том, чтобы Знамя победы нес кто-то другой, речи быть не могло. Маршал Жуков распорядился передать его в Центральный музей Вооруженных сил. В первый раз Знамя Победы вынесли на парад в 1965 году.

Помимо сложности со строевой подготовкой у фронтовиков были определенные проблемы и с парадным обмундированием участников. Тысячи прибывших в столицу фронтовиков необходимо было обеспе-

чить парадной формой. Причем тщательно подогнанной, которая сидела бы на них как влитая. На решение этой задачи в предельно сжатые сроки были брошены швейные фабрики Москвы и Подмосковья.

Штандарты для сводных полков, сотни орденских лент для 360 боевых знамен изготовили лучшие специалисты художественно-производственных мастерских Большого театра. «Особый парад», как его называл Сталин, знаменовал не только триумф советского народа. За месяц до того, как Сталин приказал готовиться к параду Победы, Уинстон Черчилль в апреле 1945 года, когда Германия подписала безоговорочную капитуляцию, распорядился начать планирование нападения на СССР. План этой операции был подготовлен и представлен британскому премьеру 22 мая 1945 года. Согласно этому документу, нападение на СССР должно было начаться 1 июля 1945 года неожиданным ударом 47 английских и американских дивизий, которые были поддержать 10—12 немецких дивизий, которых «союзники» держали нерасформированными.

Разумеется, эти планы были известны Кремлю, и парад должен был стать еще и вполне конкретным посланием «союзника», -мощь Советского Союза несокрушима. Все должны были увидеть: по Красной площади идут шеренги непобедимых, как будто отлитых из стали воинов, разбивших орды объединенной Европы. И всех последующих завоевателей будет ждать точно такая же судьба. И поэтому все должно было быть абсолютно безукоризненно. Все - участники парада, и его организаторы понимали его значение и готовились к нему, может быть, даже более скрупулезно, чем к боевой операции. И все пошло так, как надо. Двухчасовой парад проходил под непрерывным дождем, из-за чего пришлось отказать от авиационной части, однако все остальное прошло как по нотам - грандиозно, торжественно, величественно.

За 15 минут до парада пошел дождь, перешедший в ливень. Распоздилось только к вечеру. Сталин был одет в плащ и резиновые боты. А вот маршалы вымокли насквозь. Промокший парадный костюм Рокоссовского, когда высох, сел так, что снять его оказалось невозможным — пришлось распырывать.

После прохождения сводных полков гигантский оркестр почти в полторы тысячи человек смолк, и в неожиданной тишине зарокотала дробь 80 барабанов, 200 солдат несли опущенные знамена и штандарты разбитой армии Гитлера и бросили их к подножью Мавзолея, на котором находилась трибуна высшего руководства СССР. Все бойцы, несшие вражеские знамена, были в перчатках, что символизировало отвращение.

шение и брезгливость к нацистским регалиям. Германские штандарты бросили на специально сколоченный помост, чтобы не осквернять священную московскую землю, под громкие аплодисменты с гостевых трибун.

Зачастую маршала Жукова, да и все советское командование, обвиняют в «тактике заваливания трупами», в стремлении отметить очередную дату «взятием рубежа», не считаясь с потерями. Утверждают, что и Берлин «брали в лоб», исключительно- лишь бы опередить союзников. Эти обвинения далеко не всегда справедливы. В ходе Берлинской операции в результате блестяще проведенного маневра наши войска отсекли от столицы Третьего Рейха, а затем окружили части 9-й немецкой армии.

Маршал Победы, как и другие военачальники, вовсе не «устилал костями» дорогу к Рейхстагу и рейхсканцелярии, а минимизировал потери. Под Берлином была окружена 200-тысячная группировка вермахта. Саму столицу рейха в результате обороняли не только закаленные в боях фронтовики, сколько фольксштурм, охранные подразделения СС, полицейские отряды, отряды ПВО. Конечно, бои в городе, тем более таком большом как Берлин, всегда сопряжены с потерями. Но если бы не Жуков, их было бы несравненно больше. На этом же примере «хальбского котла» как его называют в западной историографии, соотношения сил: наши войска имели преимущества в живой силе 1,4 раза, в артиллерии – 3,7 раза, в бронетехнике было примерное равенство. Эти цифры должны что-то говорить об умелом руководстве грандиозной войсковой операции.

Участвовали в парадах и наши земляки. Мосин Яков Иванович родился в деревне Полуденная Пермской области. На фронте с 1942 по 1945 год. Гвардии старшина. Радист, командир танка. Воевал на Юго-Западном, Воронежском, 1-м Украинском фронтах в составе 12-й гвардейской ордена Суворова танкового корпуса. Освобождал города и села Ворошиловградской, Ростовской, Донецкой областей. Участвовал в боях на Курской дуге, освобождал территории Украины, Прагу. Награжден двумя орденами Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За освобождение Праги». Участник парада Победы в Москве.

Кордюков Леонтий Алексеевич родился 22 мая 1916 года в деревни Овраг Верхотурского района. На фронте с 1941 по 1945 год. Старший сержант. Командир отделения минометчиков, воевал на Ленинградском, 1-м Прибалтийском, 2-м, 3-м Белорусском фронтах. Участник боёв на Волховском направлении, Курской дуге. Освобождал Литву, Латвию, Польшу, Восточную Пруссию, дошел до Берлина. Закончил войну в По-

мерании. Награжден орденом Красной Звезды, орденом Славы 3 степени, орденом Отечественной войны 2 степени, медалями «За отвагу», «За взятие Кенигсберга». Участник парада Победы 1945 года в Москве.

Халявин Иван Григорьевич, родился в 1915 году в селе Меркушино Верхотурского района. На фронте с 1941 по 1944 год. Старший сержант. Стрелок. Боевое крещение принял в декабре 1941 года под Вязьмой. Защитник города Москвы. Был тяжело ранен в январе 1943 года. После госпиталя был направлен на учебу в Высшее командное училище. Воевал на Калининском фронте. Участвовал в боях на Смоленском направлении. Награждён медалью «За победу над Германией».

Зырянова Тамара Александровна

Елизар Александрович Постников

Пылливость ума Елизара Постникова

Видела я его всего один раз и то между делом. Случилось это в 70-х годах прошлого века. Спокойный пожилой (как мне казалось тогда) человек высокого роста зашёл в читальный зал к казначею профкома Любови Валериановне, чтобы заплатить профсоюзные взносы. Он тогда уже был на пенсии и в Злыгостевской библиотеке не работал, а вот взносы платил регулярно. Чем-то неуловимым этот посетитель привлёк внимание к себе. Даже спустя примерно 45 лет представляю его образ.

От заведующей отделом культуры Зои Александровны Кокоулиной слышала, что Елизар Александрович Постников передал много экспонатов в создаваемый тогда краеведческий музей, что наблюдал за природой и отправлял в Ленинград результаты наблюдений. Позднее я увидела по первой программе Всесоюзного телевидения передачу. Называлась она «Род. Родник. Родина» и посвящалась подвижнику из деревни Постниковой Верхотурского района. Только этим летом установила по найденному источнику, что показывали её 29 октября 1977 года. С того момента и остался в памяти чудесный образ этого деревенского мудреца, хранителя старины.

Передо мной фотография не молодого уже, но и не старого ещё Елизара Александровича. Умные, проницательные глаза многого испытавшего на своём веку человека. Пытаюсь представить, каким он был в жизни. Чувствую его внутренний мир, который мне очень симпатичен.

Внешний его мир, то есть милую сердцу деревню Постникову, так получилось, что видела только однажды. Середина 70-х. Жаркое лето.

Мы с сотрудниками райисполкома на покосе недалеко от этой уже заброшенной деревеньки. Ходили, перелезая через жерди, похоже, к тому знаменитому роднику напиться. Место, где стояла деревня, было заросшее, но не бурьяном ещё, а доброй травой, оставалось несколько нежилых построек. Вспоминаю ощущение покоя, защиты и бывшей совсем недавно здесь неторопливой и основательной сельской жизни.

И сейчас я представляю Елизара Александровича именно жарким летом и в этой деревне. Вот он спокойно идёт, высокий в светлой рубашке, к своему ухоженному дому, где его ждут дела в саду и на пасеке, музейные экспонаты, увлечения, всё, что составляет смысл и счастье жизни.

Сам о себе он напишет в анкете 1951 года: «Я, Постников Елизар Александрович, родился в семье крестьянина-середняка д. Верхней Постниковой Прокоп-Салдинского сельсовета Верхотурского района Свердловской области (по нынешнему административному делению). Обучался в Злыгостевской начальной школе в объёме 4 групп. В 1918 году (во время Гражданской войны) прекратил учёбу, после чего уже учиться не пришлось, ввиду семейных обстоятельств».

В том году Елизару исполнилось одиннадцать лет. В Верхотурском уезде начались сражения между белыми и красными. Он запомнил звуки оружейной стрельбы боёв в Актае и Верхотурье, пулемётных очередей во время знаменитого Путимковского боя. Врезались в память подростку разведчики-белогвардейцы, что разъезжали по деревням в поисках активистов советской власти, расправлялись с которыми без суда и следствия.

«До апреля 1930 года находился в составе семьи моего отца и работал по хозяйству, а зимами работал вместе с отцом на лесозаготовках», - напишет он в анкете.

Перелистаем страницы его жизни.

В Красноуральске

В годы первых пятилеток строился неподалёку медеплавильный комбинат (Уралмедьстрой) и город Красноуральск при нём. Многие верхотурцы отправлялись туда на заработки. Пешком ходили на разведку и жители Постниковой и близлежащих деревень в поисках лучшей жизни. Видели, что жили строители нового города в землянках, и труд был тяжёл. Но трудности не пугали молодых. Елизар в двадцать три года женился и, посоветовавшись с родными и получив благословение, с молодой женой уехал из родных краёв на новостройку. В верхотурских деревнях активно шла коллективизация...

С апреля 1930 года начался в жизни сельского парня красноуральский городской период. Сначала поступил работать регистратором в Церабкоп (Центральный рабочий кооператив), но через полгода из-за квартирных обстоятельств перешёл в леспромхоз. По направлению от производства повышал квалификацию через очные и заочные курсы в течение ряда лет и к ноябрю 1939 года был заместителем главного бухгалтера Леспромхоза. Основной своей профессией и в последующем считал мирную профессию бухгалтера. Бухгалтерия воспитала любовь к порядку, бережному отношению к вещам. В Красноуральске родились и росли дочери Тамара и Галя.

В леспромхозе Елизар проработал до дня мобилизации в Красную армию во время Великой Отечественной войны.

152-я стрелковая

22 декабря 1941 года командир дивизии полковник Вехин и полковой комиссар Иванов в Красноуфимском районе Свердловской области (Урал ВО) приступили к формированию 152 стрелковой дивизии. В её состав были призваны военнообязанные 17 национальностей, на 75% совершенно не обученные. Вошли также поправившие здоровье в Красноуфимских госпиталях после ранения красноармейцы. 16 февраля 1942 года дивизия в составе: 480, 544, 646 стрелковых полков, 333 артиллерийского полка, противотанкового дивизиона, сапёрного батальона, батальона связи, медсанбата, зенитной батареи, разведроты, химроты, автороты общей численностью 11371 человек из г. Красноуфимска выступила на Карельский фронт (ЦАМО. Ф. 152 сд. Оп. 1. Д. 1).

Дивизия передислоцирована в район города Сокол Вологодской области, а в апреле 1942 года направлена в распоряжение командующего Карельским фронтом в г. Кемь, во второй эшелон войск фронта, затем 30 апреля 1942 года переброшена в Мурманск.

Обучались мобилизованные в Архангельской области. Смотрю на фотографию в журнале «Уральский следопыт» (№ 5 за 2015 г.), где изображён наш земляк Савелий Лукич Шельпяков, работавший в детском доме и призванный Новолялинским военным комиссариатом. Стоят вдвоём с другом в полной боевой амуниции, гимнастёрка, ботинки, через плечо скатка, в правой руке винтовка, на переднем плане пулемёт. Фотографировались на тех учениях. Вероятно, что и солдат Постников может быть изображён в таком же виде, например, на фотографии, посланной семье в Красноуральск. Савелий Шельпяков оказался в той же дивизии, что и Елизар Александрович. Встречались ли они? Неизвестно.

В ночь накануне 1 мая 1942 года дивизию подняли по тревоге, погрузили в эшелоны и отправили в Мурманск. Пушки, боеприпасы, кухня, продовольствие должны были прибыть позже другими эшелонами. Переправившись через Кольский залив, дивизия совершает 80-километровый марш на передовую по безлюдной голой тундре, чтобы принять участие в оказавшейся безуспешной Мурманской наступательной операции войск 14-й армии с рубежа реки Западная Лица (Заозёрск, Североморск-7, Мурманск-150).

Переход начался 2 мая, а через пять суток 152 стрелковая дивизия почти полностью погибла... Стояла по-весеннему солнечная погода, поэтому солдаты были одеты в летнюю форму, а к ночи пошёл тяжёлый мокрый снег. С моря подул морозный ветер, и гимнастёрки мгновенно превратились в ледяные скафандры. А потом – пурга. Буран был такой сильный, что крики о помощи тонули в свисте ветра. Огонь развести было невозможно, полевые кухни затерялись в кромешной темноте, как и поклажа с одеждой.

Одному из полков авангарда пришлось ещё и принять бой. Пока остальные сражались со снежной бурей, передовые части погибали под огнём немецкой артиллерии. Ни первым, ни вторым помощи ждать было неоткуда. Стихия прекратилась так же неожиданно, как началась. 7 мая выглянуло солнце, осветив тёплыми лучами жуткую картину...

Одна из местных легенд о боях на Севере в годы Великой Отечественной – легенда о «Замерзшей Дивизии». Легендарность дивизии пронизывает смертельным холодом. В официальных источниках об этой трагедии ничего не писалось, а ветеранам видимо было запрещено об этом даже вспоминать. Красноармеец Постников 34-х лет был живым свидетелем и участником этой «майской эпопеи». Позднее вдове Шельпякова пришло извещение от командира, что со слов выживших в той трагедии солдат, он был отправлен в первый медсанбат. Но в Книге памяти числится как пропавший без вести.

Воспоминаний Елизара Александровича о его фронтовом пути я не нашла. В анкете об этом он написал кратко: *«Мобилизован 08.01.1942 Красноуральским горвоенкоматом. Находился в составе 152 Краснознамённой стрелковой дивизии, которая формировалась у Красноуфимска. Северный фронт с 04.04.1942, участник майской эпопеи за Мурманский залив в составе 646 полка 55-я рота (писарь-каптенармус). Держали оборону в Заполярье с мая 1942 г. до марта 1943 (майская эпопея). С 23.02.1943 в должности кладовщика интендантской службы 152 дивизии».*

После воевал на Юго-Западном фронте – Северный Донец, оборона, сержант; на Украинском фронте от Изюма до Правого Рога; на Первом и Третьем Белорусских фронтах с мая 1944 по апрель 1945. Проходил через Польшу в Германию на Берлин. За селом Подгородним был ранен. Родные рассказывали по его воспоминаниям, как раненым он продолжительно оставался лежать на земле. После боя собирали раненых и убитых. Подъехал санитар на лошади, увидел, что живой: «Сам на телегу забраться сможешь?». Как-то вскарабкался.

Находясь в рядах Советской армии до 25 октября 1945 года, был в должности рядового, писаря (1942-1943гг.), каптенармуса с ноября 1943 до 25 октября 1945 года. Демобилизовался по Указу Президиума Верховного Совета.

Елизар Александрович писал в анкете, что за весь период военных действий дивизия трижды основательно пополнялась. 152 стрелковая дивизия стойко вынесла все испытания Великой Отечественной войны.

Снова на родине

Прошла война, и солдат вернулся к мирной жизни. Он снова работает в Красноуральском леспромхозе заместителем главного бухгалтера. Принимает решение вступить в ряды ВКП (б). Заявление о приёме его в кандидаты рассматривается в партбюро Красноуральского Рудоуправления 27 августа 1946 года.

Но через полтора года решает вернуться на родину. Его не отпускали, но своё решение Елизар принял. Как напишет: «Выбыл в связи с переходом на работу счетоводом колхоза». В колхозе имени Жукова Прокоп-Салдинского сельсовета грамотному специалисту были рады. После укрупнения колхозов в 1950 году трудился старшим счетоводом.

Что бы там сейчас не говорили про коммунистов, а в свои ряды партия принимала достойных людей. Председатель исполкома Верхотурского райсовета Павел Кузьмич Немытов написал в характеристике: *«К работе относится добросовестно, исполнительен, аккуратен... Тов. Постников над повышением своего политического уровня работает, в вопросах внутренней политики и международного положения разбирается, ведёт агитационную работу среди колхозников. Идеологически выдержан, морально устойчив».*

По истечении кандидатского срока Елизар Александрович принят в члены партии Верхотурским райкомом ВКП (б) и вскоре его избирают секретарём Прокоп-Салдинской партийной организации. Партстаж с мая 1949 года.

17 декабря 1950 года состоялись выборы депутатов в местные Советы. Елизара Александровича Постникова избрали на руководящую должность - председателем Прокоп-Салдинского сельсовета.

Краевед

З.А.Кокоулина, заведующая отделом культуры, написала о нём: *«Как краевед был настолько знаток старины глубокой, что мы его считали главным консультантом почти по всем темам, особенно крестьянского быта, помогая школьным музеям как в городе, так и в селе. Беседовал на рабочих местах в своём Прокоп-Салдинском совхозе. Когда Бальчугов Александр Дмитриевич повёл экспедицию научную по Бабиновской дороге, у него было желание заехать в Прокоп-Салдинский Совет, но Постников Е.А. очень убеждал меня не разрешать этого, и пока экспедиция шла по Бабиновской дороге, мы с ним собрали в деревнях всё, что интересовало и складировали в его двух амбарах. И всё, что было собрано, он передал музею (когда здание было передано) более 600 экспонатов, да каких... - крестьянский быт, ремесленные инструменты. Сам уже в музее изготовил рогожи, изделия из шерсти, попоны для покрытия лошадей и другие. Он не только подарил, а показал нам, краоведам, как это делает. Как человек он настолько был интересным собеседником, что рассказы его о природе, об орудиях, с которыми крестьянин работал, завораживали душу человека и когда он приехал в музей, мы обязательно просили провести экскурсию. Как он интересно рассказывает, слушали его с большим удовлетворением. Задавали так много вопросов, что он уставал отвечать».*

Масштаб деятельности сельского краеведа удивляет своей многогранностью.

Он составляет списки погибших фронтовиков. Собирает материал по истории деревни Постниковой и города Верхотурья. Делает выписки из Словаря Кривощёкова. Проводит в Постниковой и деревнях Прокоп-Салдинского сельсовета учёт всех деревянных строений, имеющих архитектурную или историческую ценность. Среди них отмечает дома, имеющие возраст сто и более лет. Обобщает воспоминания о событиях Гражданской войны в Прокоп-Салде. Восстанавливает биографию Якова Демидовича Постникова, адвоката, первого комиссара земледелия Верхотурского уездного Совдепа, погибшего от рук белых. Начал собирать материалы о Донате Евгеньевиче Сенянском, балтийском матросе-большевике, приехавшем в июне 1918 года в Верхотурский уезд для организации записи добровольцев в РККА, убитом кулаками в Прокоп-Салде в июле того же года. Выступает перед школьниками, предвари-

тельно подготовив вопросы. Ведёт большую переписку. К нему обращаются за помощью. В 1977 году его просили помочь, когда в Свердловске создавался областной музей истории здравоохранения. Участвует в работе ВООПИК в Верхотурье. Добивается настойчиво организовать экспедицию к горе Городишной (Буксинскому городищу), месту предполагаемого древнего поселения. Собирает исторические экспонаты.

12.07.1973 исполком верхотурского райсовета принимает решение № 155 «Об организации народного краеведческого музея и оформления экспозиции». С этой даты Е.А.Постников становится членом совета по организации музея. Позднее связь с музеем он поддерживал всегда.

Бережливость и уважение к вещам, сделанным руками человека, Елизар унаследовал от отца Александра Осиповича. В его амбарах хранились предметы минувшей эпохи, изготовленные из дерева и железа. Коробы плетёные, остроги, корчаги, большие и маленькие фонари, в которых горели свечи, бродни, решёта... Амбар был как музей. Всех гостей и приезжих хозяин водил туда показывать свои экспонаты.

К собранным экспонатам им составлена историческая справка и указания по применению. Сколько вещей обихода крестьянского он описал!!!! Родом я из деревни, но читая эту справку, даже и не подозревала о существовании многих сельскохозяйственных предметов.

Елизар Александрович вспоминал, что речь свою отец его пересыпал яркими образными пословицами: «Не носить лачёного – не видать злачёного», «Худому детищу отцов живот не в помощь». И сын старался не быть «худым детищем».

Фенолог

В 60-е годы фенологическая сеть Географического общества СССР насчитывала более 3,5 тысяч корреспондентов-фенологов на добровольных началах. Одним из сотен подлинных любителей природы, бескорыстно принявших на себя благородные обязанности изучения родного края, был наш земляк, единственный в Верхотурском районе.

Наблюдать за природой Зорю тоже научил в детстве отец. Сам неграмотный, заставлял зимой каждый день записывать погоду. Погода летом совпала по зиме, так считали крестьяне, видимо, не без основания. А подросток привык наблюдать за природой. Уже в 1928-29 гг. Елизар Александрович самостоятельно делал фенологические наблюдения и отсылал записи в Москву.

Шестого марта 1962 года из Ленинграда ему пришло официальное предложение вступить, по рекомендации Б.С.Нассухи, в число корреспондентов добровольной фенологической сети Географического обще-

ства Союза ССР. Он получил программу и бланки наблюдений за природой и, успешно выдержав годичный срок выполнения заданий по фенологии, был пожизненно зачислен корреспондентом-фенологом ГО СССР. И сам, хорошо понимая важность наблюдений за природой, рекомендовал нескольких своих знакомых в корреспонденты-фенологи Географического общества.

В музее хранится тетрадь Е.А.Постникова «Запись фенологических наблюдений с января 1964 года». Подробный большой научный перечень пунктов фенологических наблюдений с указанием точных дат. Много лет фенолог-любитель фиксировал сезонные явления: таяние снегов, прилёт грачей, крик перепела, особенности поведения животных и птиц в определённых условиях... Результаты наблюдений отправлял в Академию наук в Ленинград.

21 декабря 1971 года Президиум Географического общества СССР наградил Почётной грамотой Елизара Александровича Постникова за отличные многолетние фенологические наблюдения в д. Постниково Свердловской области.

Фольклор

Немецкий альбом для марок «Альбум маркен» Елизар привёз с войны и он ему пригодился для хорошего дела. В нём собиратель старины и фольклора записывал песни, частушки. Особенно любил старинные свадебные, величальные песни. Столько образов, столько поэзии в каждой нашей русской уральской песне! Имеются свидетельства, что сам он великолепно пел старинные русские песни и обладал сильным, красивым голосом.

Впервые записал свадебные причитальные и величальные песни от Анастасии Дмитриевны Постниковой в 1958 году. Много песен помнилось с детства. Частушки Елизар, прежде всего, слышал от отца Александра Осиповича Постникова, сестры Степаниды Александровны Лихановой, матери отцова друга Никифора Андреевича Постникова. Записывал от односельчан и от жителей близлежащих деревень. Приведу один показательный пример. За два вечера записал от неграмотной Матрёны Евдокимовны Дружининой 1895 года рождения до 300 частушек.

С 1959-го по 1976 год в областной Дом народного творчества Елизар Александрович отослал 14 свадебных и 35 народных песен, 13 плясовых напевов и 769 частушек, бытовавших в нашей местности. Как итог большой и нужной работы по собиранию фольклорного материала. Активно переписывался со старшим методистом Галкиным. Эти письма по сбору народных песен хранятся в музее.

Кстати сказать, у П.П.Ершова, большого знатока фольклора, есть упоминание о ягоде журавлице. И пометка: так в Прокоп-Салдинской округе называют клюкву. Так вот, узнал Павел Петрович об этом от Постникова, как говорил сам Елизар Александрович.

О забытом промысле

Елизар Александрович Постников внёс вклад в открытие учёными одного из забытых уральских народных промыслов – кистевой росписи по дереву.

В 1962 году во время первой экспедиции института художественной промышленности на Урал была открыта уральская кистевая роспись по дереву – самобытный вид русского народного творчества. Экспедиция прибыла в один из центров производства туесов в Верхотурском районе – селения Прокоп-Салдинского сельсовета. Ещё в первой половине 20-го века здесь делали расписные и чеканные туеса, «бураки» по-уральски.

Сопровождал гостей Елизар Александрович и предложил в окончание посмотреть старый дом с расписными стенами. *«После солнечной улицы в комнате ничего не было видно, но стоило отворить ставни, смхнуть со стен пыль, как открылось удивительное зрелище. Эта встреча определила на долгие годы направление практической и научной работы сотрудников института. С того дня было проведено ещё 14 экспедиций, изучено громадное количество литературы, исторических и архивных материалов, разработано немало научных тем, проведено экспериментально-творческих работ, связанных с уральской росписью».* Москвичи тогда лично отмывали стены деревенской избы, копировали проявившиеся узоры и рисунки старой кистевой росписи, делали зарисовки, фотографировали.

Посылая в октябре 1979 года Елизару Александровичу газету со статьёй, В.А.Барадулин, кандидат искусствоведения, писал: *«Посылаю вам статью, опубликованную в Соликамске. Не могу не упомянуть Вас, как человека, первого указавшего на росписи в крестьянских домах».* Наш земляк стоит в одном ряду с другим подвижником Иваном Даниловичем Самойловым, создавшим в 70-е годы в Нижней Синячихе Алапаевского района единственный в стране музей уральской народной росписи.

Личность в библиотеке

В послевоенные 40-50-е годы в Верхотурском районе работало много мужчин заведующими избами-читальнями и клубами. Уже давно в библиотеках редко, где встретишь работающими представителей сильного пола. А ведь, как из истории известно, лучшие библиотекари – это мужчины.

Елизар Александрович из их числа. Наш коллега в шестидесятые годы трудился в Злыгостевской сельской библиотеке. Это его последнее место работы, где и посвятил себя любимому делу; отсюда 19.08.1967 он ушёл на пенсию.

Работая с архивом верхотурского отдела культуры, мне удалось отыскать несколько приказов, касающихся работы Елизара Александровича в Злыгостево. Приказ № 135 от 25.06.1963. *Принять на должность заведующего Злыгостевским сельским клубом Прокоп-Салдинского с/совета т. Постникова Елизара Александровича с 20 июня 1963 г.* Зав. отделом (подпись неразборчива). Приказ № 121 от 12.09.1964. *В связи с тем, что заведующий Злыгостевским клубом т. Постников Елизар Александрович ведёт библиотечную работу, а в Прокоп-Салдинском сельском Совете имеются средства на доплату, приказываю: производить доплату заведующему Злыгостевским клубом т. Постникову Е.А. за работу библиотеки с 1 июля 1964 года 50 % ставки заведующего библиотекой.*

Был и библиотекарем, и заведующим клубом. Помещение, в котором он работал, являлось универсальным: здесь и клуб, и читальный зал, здесь же и выборы проходили. В этом помещении ставил спектакли и концерты, которые с удовольствием посещали жители деревни. Ему нравилось работать с людьми, особенно с детишками. Он любил детей и, наверно, поэтому у него в клубе и библиотеке всегда было много ребятшек. В библиотеку выписывалось 18 газет и журналов, и в читальном зале хоть весь вечер можно было сидеть и читать.

Как бы мы сейчас сказали, процент охвата населения чтением был гораздо выше нормы, благодаря и добровольным распространителям книги. Так, например, в деревне Шумковой, помогая сельскому библиотекарю, выдавал книги у себя на дому Алексей Степанович Камыш, в Никитиной - Касьян Дмитриевич Романюга. Простые люди, но по-хорошему любящие книгу, печатное слово.

В семье, где он родился и вырос, не было грамотных, и сам имел только начальное образование. Как и великий пролетарский писатель А.М.Горький, своим университетом тоже мог бы назвать чтение. Елизар Александрович считал день прожитым напрасно, если не удавалось почитать. Когда бывал в городе, обязательно посещал книжный магазин и что-нибудь покупал. Внучка А.С.Шейна (Батракова) вспоминает: «Мы, внуки, часто гостили у дедушки. Из детства и юности запомнились семейные традиции. По вечерам мы собирались всей семьёй в просторной уютной гостиной, где вдоль стен были расставлены большие деревянные окрашенные лавки. Посередине комнаты располагался стол, на ко-

тором стоял огромный самовар. Во время семейных посиделок мы пили ароматный чай из стаканов в подстаканниках с душистым домашним мёдом. У дедушки была пасека. Он занимался пчеловодством. За чаепитием дедушка Зоря (так мы его называли) читал нам вслух произведения русских писателей. У дедушки была большая библиотека русских писателей-классиков. Особенно дедушка любил произведения Некрасова и Тургенева. Да и сам он был великолепным рассказчиком. Он так увлекательно и реалистично рассказывал разные истории из жизни, что мы чувствовали себя участниками этих событий».

Эпилог

Люди, кто знал и помнит Е.А. Постникова, и с кем я смогла пообщаться, говорили о Елизаре Александровиче только в превосходной степени и добрыми словами. Обладал огромной житейской мудростью, помогал решать различные конфликтные, проблемные ситуации родным и всем, кто к нему обращался. Человеколюбец, подвижник.

Случай вспоминает бывший корреспондент районной газеты: *«А какое пиво варил! Мы как-то, редактор А.Н.Ахмадеев, фотокор Ю.П.Макаров и я, заехали к нему, чтобы сделать фоторепортаж о нем, была жара невыносимая, а Елизар Александрович достал из подпола 3-литровую банку. Думали, квас, а он посмеивается с хитрицей: угощайтесь! Пока сидели, поняли, что это за квас. Он и в дорогу нам банку дал. Интересный был человек, простой, но не простецкий. И ведь как-то ладил с директором совхоза "Авангард"..."».*

Из переписки с В.М.Панкратовым: *«Крестьянский интеллигент, шестидесятник, председатель сельского совета (а потом сельский библиотекарь) Елизар Постников собрал более 600 экспонатов народного быта, которые вместе с находками Ады Суворовой в 1970-х годах послужили основой для вновь открывшегося Верхотурского краеведческого музея».*

Выгод не искал, на пенсию не роптал. Он никогда не курил, не сквернословил, не злоупотреблял спиртным, вёл здоровый образ жизни. Бывшие колхозники запоминали, что именно Елизар Александрович им справки на пенсию выписывал. И все говорили о нём, как о великолепном рассказчике.

С красивой сказкой, непридуманной, схожа жизнь деревенского мудреца, хранителя старины, исполнившего свою миссию на земле.

Список литературы

Барадулин В.А. Уральская народная роспись по дереву, бересте и металлу. – Свердловск, 1982. - С. 30.

Бародулин В.А. Уральская роспись по дереву // Соликамский рабочий. – 1979. – 27 сент.

Бародулин В.А. // Алапаевский рабочий. – 1972. – № 92. – 1 авг.

Бурдин Г. Сельская библиотека. // Новая жизнь. – 1966. - № 15. – 4 февр.

Воробьев А. Вот оно, Постниково // Урал. рабочий. – 1974. – 2 июля.

Воробьев А. Вот оно, Постниково // Новая жизнь. – 1977. - № 129. – 29 окт.

Воробьев А. Серебряный звон родника // Новая жизнь. – 1973. – 3 июля.

Желвакова С. Его пылливый ум и сердце / Желвакова С., Няникова Э. // Новая жизнь. – 1982. – 31 июля, 14 авг.

Зырянова Т.А. Библиотечные портреты // Мухлынинские чтения. Материалы региональных научно-практических конференций (1999-2007 гг.). – Екатеринбург: ООО «Изд-во УМЦ УПИ», 2019. - С. 94-114.

Лучшие краеведы города: Постников Е.А. // Новая жизнь. – 1996. – 21 авг. – С. 3. – (Краеведческая копилка).

Павлов В. Елизар Александрович Постников // Новая жизнь. – 1978. – 30 дек.

Постников Е.А. // Истоки. – 1998. – Вып. 2. – (Лучшие краеведы города).

Постников Е. В колхозе «Золотой колос» // Ленинское знамя. – 1958. - № 65. – 1 июня. – С. 2.

Телеочерк о земляке // Новая жизнь. – 1977. - № 129. – 29 окт.

Черемных Е. На культурные нужды колхоза / Е. Черемных, Е. Постников // Ленинское знамя. – 1956. - № 94. – 25 нояб. – С. 1.

Кашин Владимир Викторович

«Освободитель» северных заводов Урала ротмистр М.М. Манжетный

Согласно изысканиям современных исследователей и историков ряд населенных пунктов Северного Урала в ходе Гражданской войны в России был отвоеван отрядом Белого движения под руководством некоего ротмистра Манжетного, входящего в Сибирскую армию Временного Всероссийского правительства (г.Омск). Так, 17 октября Советская власть пала с появлением белых кавалеристов в Сосьвинском заводе, а 20 октября 1918 г. - Надеждинском, Богословском заводах и Турьинских Рудниках ¹.

Так кто же этот командир, который сравнительно небольшими силами одолел Советы и части Красной армии в сугубо пролетарских районах Пермской губернии?

Оказалось, что Михаил Михайлович Манжетный (1887–1958) вплоть до Февральской революции служил в рядах Отдельного корпуса

жандармов, потеряв сначала завидную и престижную службу, а в октябре 1917-го все остальные привилегии дворянского происхождения и высокого общественного положения. Поэтому он сразу безоговорочно и до конца своей жизни стоял на стороне антибольшевистских сил. В его жизненном пути содержится много интересных поворотов и неординарных поступков, на которые спустя век стоит взглянуть пристальнее. В этом нам помогут недавно вывезенные из Австралии и опубликованные его мемуары².

Михаил родился в семье кадрового военного и поэтому его путь во многом был предопределен стезей защитника Отечества. После окончания военного училища (1907) молодой корнет попал в 17-й уланский Новомиргородский полк, переброшенный из Польши в Пермскую губернию для умирения протестующих масс, в том числе ликвидации боевой организации «лбовцев» во время первой русской революции. А его эскадрон дислоцировался прямо в рабочем поселке бунтующей Мотовилихи, в трех километрах от Перми, где и проходила военная служба офицера в лесных дозорах по охране губернской столицы.

Вскоре молодой офицер стал известен в полку не только отличной кавалерийской подготовкой и меткостью стрелка, но и как надежный товарищ.

По службе корнет Михаил Манжетный быстро сошелся с полковым адъютантом поручиком Владимиром Каппелем и оказал ему неоценимую помощь в устройстве личной жизни, а именно в похищении 18-летней девицы Ольги Стрельман из родительского дома. После чего, 27 апреля 1908 г., состоялось тайное венчание влюбленных в церквушке села Фролы. Горный начальник Пермских пушечных заводов С.А.Стрельман изначально был против какой-либо дружбы единственной дочери с молодыми офицерами, считая их беспечными кутилами и прожигателями жизни. Отношения молодой пары с родителями восстановились только через пару лет после поступления зятя в Николаевскую академию Генерального штаба, окончание которой позволяло рассчитывать на успешную военную карьеру. Впоследствии В.О.Капель стал известным русским генералом и одним из руководителей Белого движения³.

В Пермской губернии два уланских эскадрона и штаб полка задержались до начала 1909 г., пока полностью не были ликвидированы или арестованы несколько сотен «лесных братьев», а губернатор не отменил чрезвычайного положения.

Кроме прочих достоинств Манжетный был хорошо известен в полку как заядлый картежник, любитель веселья и ветреных спутниц. Как-то его мать в присутствии командира и полковых дам публично призвала сына к ответственности: *«Ты что же это, голубчик, затеял жениться на девке из кабака?»*. Пришлось молодому повесе спасти свою репутацию, избавляясь от связи с очередной гастролирующей певичкой.

В конце концов, повеса-улан остановил свое внимание на жене полкового врача Монкевича. В целях экономии средств, две служивые семьи проживали под одной крышей и вместе столовались. Возникшим обоюдным отношениям не помешало даже недавнее рождение ребенка, произошедшее буквально на глазах семьи Манжетных. Удивительно, но мать Михаила, полковничья вдова, смирилась с неприкрытым адюльтером и не чинила препятствий распутному сыну.

Через пять лет службы, буквально в кавалерийском седле, 25-летний уланский поручик, не видя никаких перспектив в полку, подал рапорт о переводе в жандармский корпус. Ему не пришлось долго ждать вызова и 1 октября 1912 г. он прибыл в Санкт-Петербург для обучения на восьми-месячных курсах. По-видимому, нестрогая проверка кандидата в соответствии с «Правилами для определения в Корпус жандармов вновь поступающих лиц» не выявила препятствующих тому оснований.

Холостой кандидат прибыл в столицу вместе с возлюбленной, которая оставила в провинции не только мужа, но и младенца. В столице молодую пару встретил адъютант Санкт-Петербургского ГЖУ ротмистр Н.В.Иванов, бывший однополчанин и напарник по охоте. Этот лихой кавалерист при смене рода службы со скандалом увел жену пермского миллионера С.М.Грибушина, мать четверых детей. Эти известные обществу скандальные факты не помешали Иванову служить в штабе Корпуса жандармов, а в 1914 г. получить два ордена ⁴.

Манжетный снял квартиру в С.-Петербурге, но из-за опасения скандала вынужден был инициировать сложную процедуру церковного развода, наняв и оплатив услуги пробивного частного поверенного. Отвергнутый муж согласился отдать беглянке ребенка и расторгнуть брак при условии, что «изменщица» возьмет на себя вину. Когда молодая мать вернулась в столицу с двухлетней дочерью и няней, то оказалось, что ее избранник накануне проиграл в карточную «железку» тысячу рублей. От неминуемого позора в случае огласки репутацию офицера спас ломбард, куда были срочно снесены все ценные вещи.

Только через полтора года Святейший Синод завизировал развод (02.1914), наложив наказание на Людмилу Николаевну Монкевич, ви-

новную в разрушении брачных уз. Ей разрешалось завести новую семью только после семи лет ограничения. Интересно, как можно было обеспечить неукоснительное соблюдение епитимьи без жертвенного и осознанного самоограничения.

29 апреля 1913 г. последовал приказ за подписью Императора о зачислении в Корпус жандармов успешно сдавшего экзамены М.М.Манжетного, а затем - первое назначение на должность адъютанта начальника Виленского жандармско-полицейского управления железной дороги (ЖПУ ж.д.). Именно служба на магистралях, особенно на частных железных дорогах, наиболее хорошо оплачивалась и ценилась. Офицеру не пришлось заново шить мундир стоимостью 120 руб. после зачисления в Корпус, так как с XIX века жандармы переняли уланский серо-голубой мундир и систему воинских званий кавалерии. Честолюбивый офицер стал добиваться вакансии на железных дорогах Урала и его план сработал. В марте 1914 г. он был переведен в г.Пермь с окладом 250 руб., что превышало предыдущее жалование на сотню. К новому месту службы хитрый штаб-ротмистр прибыл один. С учетом того, что генерал-майор И.Н.Петров возглавил Пермское ЖПУ ж.д. год назад после оставления г.Вильны (ныне г.Вильнюс), то бывшему сослуживцу повезло «с двух слов» получить отпуск для приведения семейных дел в порядок.

Виленский начальник жандарма А.В.Ковалинский изначально понимал, что бракосочетание подчиненного с получением обязательной санкции столичного руководства на первый брак невозможно устроить законным путем и поэтому попросту закрыл глаза на личную жизнь адъютанта, окончившего, как и он сам, Елисаветградское кавалерийское училище. Полковник к тому же осознавал временное пребывание офицера в Прибалтике.

Организацию свадебной аферы взял на себя начальник Либавского отделения Виленского ЖПУ ж.д. подполковник Иван Попов, выходец из казачьей среды. Венчание по-походному варианту без письменной санкции столичного и местного начальства планировали провести быстро и без шума. За 400 верст в латышском городе и порту Либаве (ныне г.Лиепая) удалось найти священника привокзальной церкви, который согласился переступить каноны, так как определением Святейшего Синода венчание офицеров совершались только по письменному разрешению воинского начальства.

Полковник Ковалинский отказался присутствовать на церемонии, однако помог в выделении отдельного вагон-салона молодоженам и их

родственникам, а также разрешил начальнику Лидского отделения железной дороги жандармскому подполковнику К.Л.Ильину выступить в качестве поручителя жениха. Первым потрясением для прибывших молодоженов оказалась торжественная встреча на перроне, устроенная группой блестящих морских офицеров в парадной форме при орденах и с букетами цветов. Они представляли шаферов и родственников с женской стороны. Сам жених был одет скромно и в полевом обмундировании «с дырками». Дальше в лес, больше дров... Как только невеста вступила на ковер церкви, то мощный приглашенный хор грянул из-под купола: «Голубица, гряди...». *«Я чуть не ахнул от испуга, схватившись в суматохе за саблю, и совершенно растерялся к вящему удивлению проказника Попова. Жена была поражена и испугана не меньше»,* - вспоминал позднее жандарм. После церковного обряда всех ожидал банкет в зале I класса с серебром и хрусталем, лакеями и цыганами. После такого размаха назвать венчание скрытым и скромным было невозможно. Но зачинщик разгульного характера мероприятия легко оправдался: *«Если венчание было незаконное, то нужно было провести его с помпой и по высшему разряду, как будто все в порядке, в противном случае недоброжелатели донесли бы и в Синод, и Штаб ОКЖ. В результате получился бы грандиозный скандал»*⁵.

Расчетливый жандарм из донских казаков провел свадьбу с надлежащей гласностью и пышностью, так что никто не догадался о попрании церковных запретов и жандармских приказов. Только после церковного акта (4.04.1914) Манжетный вместе с избранницей смог нанести прощальные визиты семейным офицерам. До этого момента нормы домо- строя запрещали им переступать порог домов семейных пар. Таким образом, в Пермь вскоре приехала вполне законная супружеская пара. Манжетный умудрился решить и последующие формальности по внесению сведений о первом несанкционированном браке с разведенной избранницей с непогашенной епитимьей, а в послужном списке он значился женатым. Дело в том, что выделение служебного жилья и *квартирное довольствие от казны прямо учитывало членов семьи*⁶.

Михаил Манжетный вспоминал, что его служба на Урале потекла сказочным образом. 60-летний начальник Управления И.Н.Петров частенько говорил адъютанту: *«Вы, Михаил Михайлович, не обязательно ежедневно приходите на службу. Быть может, у Вас дома дело или на охоту соберетесь. А мне старику, делать нечего, я уж буду копаться в переписке»*. Чем больше задерживался подчиненный, тем ласковее был с ним седовласый руководитель. И штаб-ротмистр являлся с намеренным

опозданием, взяв за правило утром завтракать с чашкой хорошего кофе у родственницы, которая проживала рядом с канцелярией. Оказывается генерал имел твердую привычку самому принимать и вскрывать утреннюю почту, а с некоторыми документами и письмами вообще не знакомить подчиненных. Дело в том, что в состав Пермской ж.д. входили частные, например, Богословская и другие строящиеся железнодорожные ветки. Видимо у жандармского генерала были «темные делишки» с их владельцами и строительными подрядчиками, а адъютант мог послужить помехой в тайных махинациях ⁷.

После начала германо-русской войны М.М.Манжетный был командирован на Финляндские железные дороги на границу империи со Швецией в г.Торнео, где через единственный пограничный пункт проходил огромный поток перемещенных гражданских лиц из Европы в Россию и обратно. Среди десятков тысяч поданных Российской империи ему довелось лично встречать младшего брата царя Михаила Романова, возвращавшегося из Англии под фамилией Брасов.

Весной 1915 г. награжденного орденом св.Станислава 3 ст. ротмистра назначили помощником начальника Челябинского отделения Омского жандармско-полицейского управления железной дороги, а уже осенью, он стал начальником отделения на ст.Курган Транссибирской магистрали с окладом 300 руб. На Южный Урал семейство сознательно отправилось по старой Горнозаводской линии через ст.Чусовая и Нижний Тагил, чтобы наблюдать виды Уральского хребта.

Жандарм легко вписался в новое общество и добился расположения местных чиновников, чему помогли его давние и страстные увлечения охотой и карточной игрой. Получив казенную усадьбу, он завел обширное личное хозяйство, оказавшимся весьма выгодным вложением сил и средств. Манжетные в эмиграции часто с ностальгией вспоминали сытую жизнь в полном достатке на юге Тобольской губернии. Предприимчивый офицер скупал на бойнях у крестьян некондиционных свиней за бесценок. Дело в том, что армейские интенданты принимали хряков более 5 пудов (80 кг), ну не гнать же исхудавших недомеров за несколько верст обратно... Таким образом на его ферме постоянно содержалось и откармливалось по дюжине хрюшек. Корм стоил дешево, а скотская требуха отдавалась бойнями бесплатно, только вывози сам. Во дворе был сооружен огромный котел, в котором прислуга часами вываривала брюшину с примесью отрубей. Поэтому в леднике круглый год имелись в наличие окорока и колбасы, оставшиеся после реализации свинины. Весной он

развел огород, культивируя *«цветную и брюссельскую капусту, калерябию и редиску, которые сеялись периодически»*. Подчиненный унтер-офицер из Ишима присылал ему домашних гусей и уток, а также всегда была в излишках разнообразная дичь, так как *«охота в тех краях была просто царская»*. В сезон было столько дичи, что ее некуда было девать, так как привозили возами. Приходилось посылать кучера развозить по знакомым чиновникам белых куропаток, стрепетов и тетеревов, зайцев и коз.

И вдруг этой сытой жизни с регулярными карточными посиделками и вкусными настойками пришел конец. «Великая и бескровная» Февральская революция вмиг упразднила жандармерию и полицию. Во избежание преследования Манжетный вроде подался на германский фронт, но каким-то образом вернулся и стал владельцем 16 тяжеловозов, выгодно занимаясь конскими перевозками в тыловом Кургане. А вскоре Октябрьская революция лишила его движимого капитала и всех лошадиных сил, превратив в кучера на консервном заводе.

Очевидно, что Манжетный принял всей душой антибольшевистские выступления и приход чехословаков в Курган 2 июня 1918 г. Он сразу вступил в добровольческий офицерский отряд, и, согласно приказу полковника И.С.Смолина, возглавил небольшой конный отряд, оперируя в северо-восточном направлении против 3-й армии РККА.

В начале 1919 г. Манжетный, оставив пехотные части, пытался было закрепиться во вновь формирующемся Екатеринбургском уланском полку, но через пару месяцев вернулся в действующую армию. Возглавляя конно-егерский дивизион в составе 18-й дивизии, которой командовал полковник Н.Н.Казагранди, отступал с Русской армией Колчака, испытал на себе всю тяжесть арьергардных боев с сильной Красной армией. В его дивизион входило 400 всадников (3 эскадрона и пушка) из спянных боями воинов-уральцев из Ильинской и Вознесенской волостей Пермской губернии дошел до Красноярска, где вынужден был оставить женщин и детей, а также бросить обозы.

Манжетный ставил себе в заслугу, что зачастую, нарушая воинские приказы, он вывел свою часть весной в Читу, а в ноябре 1920 г. пересек границу Маньчжурии с оставшимися тремястами подчиненными⁸.

В конце 1920 г. он оставил военную службу в Русской армии, зарабатывая строительными подрядами на КВЖД, а в 1922 г. сумел вызвать из Красноярска больную туберкулезом жену с сыном и приемной дочерью. Затем в его жизни последовала вновь тяжелая и бессмысленная

служба наемником у китайских милитаристов, погрязших в междоусобной гражданской войне.

За время тридцатимесячной армейской службы Манжетного среди его сослуживцев сложилось неоднозначное и даже негативное отношение к ротмистру как недисциплинированному и эмоционально неуравновешенному офицеру. Подтверждением этому служат их мемуары и его личные «Воспоминания...», из которых следует, что, уходя из полка в жандармы, он грозил пистолетом своему командиру; в июле 1918-го расстрелял без суда взятого врасплох комиссара; в ноябре 1920-го *«уничтожил собственноручно своих пленных-красноармейцев»*... А как расценить убийство интенданта, отказавшего ему в выдаче воинского имущества при отступлении из Омска. В 1927 г. в Китае Манжетный прилюдно застрелил подполковника Немчинова, якобы за агитацию и разложение наемных солдат его отряда.

Не заладилась не только служба на чужбине. Любимая и единственная жена, которую он звал исключительно «Золотко» умерла в пекинском госпитале в начале 1930 г., после чего последовал переезд на Филиппины и в Австралию в сопровождении падчерицы Галина и сына Михаила.

Сквозь воспоминания М.М.Манжетного явно прослеживаются обиды на то что *«даровитым, но молодым людям, не давали продвижения»*, считал себя обойденным боевыми наградами, повышением в звании и должности. Так и окончил свою жизнь русский офицер и жандармский ротмистр, колчаковский командир дивизиона и полковник китайской армии в глубинке «пятого» континента, навсегда лишенный Родины и душевного покоя.

Примечания:

¹ Гунгер Ю.В. Ситников М.Г. Боевые действия на Бабиновской дороге в октябре-декабре 1918 года // Вестник истории Верхотурского уезда. Вып. 12. Екатеринбург: ВГИАМЗ, 2021. С. 107–108.

² Манжетный М.М. Воспоминания русского полковника китайской армии. М.: Кучково поле, 2019. 416 с.

³ Подробнее см. Кашин В.В. Браки вопреки устоям: уланские офицеры Каппель и Манжетный // Белая армия. Белое дело. № 27 (2020). С. 102–111; Кашин В.В. Как жандармский ротмистр Манжетный пренебрег требованиями пристойности брака // Тайная стража России. Очерки истории отечественных органов госбезопасности. Книга 4. М.: Алгоритм, 2020. С. 119–126 (692).

⁴ Иванов Николай Васильевич (1882–1957) в должности адъютанта С.-Петербургского ГЖУ с 1911 г., после Гражданской войны эмигрировал в Сербию, где служил в Русском корпусе, в 1945 г. переехал в США с женой и па-

сыном. Определением Пермской епархии 15.05.1909 г. брак «чайного короля» Сергея Михайловича Грибушина (1870–1915) и Елены Васильевны (1873–1967) был расторгнут по вине и прелюбодеяния жены.

Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов. Петроград. 1915. С. 706.

⁵ Манжетный М.М. Воспоминания... С. 101, 102.

⁶ Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов. Петроград. 1915. С. 757.

⁷ Манжетный М.М. Воспоминания... С. 140, 141.

⁸ Манжетный М.М. Воспоминания... С. 199–203.

Колбина Эльвира Минировна

«Говорит Верхотурье» (из истории Верхотурского радиовещания)

В Верхотурье радио появилось предположительно в 1930 г., но полноценно работать стало лишь в декабре 1934 - начале 1935 гг. Заведующим узла связи был Зарихин Иван Иванович. Затем заведовал Чесноков Николай Гаврилович, который в 1934 г. был командирован в Верхотурье монтировать радиооборудование. После Чеснокова Н.Г. заведовал радиоузлом Герман Преснецов - сын репрессированного директора одного из заводов города Кушвы¹.

Верхотурское радиовещание начало свою историю ещё в довоенный период. Об этом свидетельствует Е.Ф.Коркина. В своих воспоминаниях она указывает, что где-то в 1937-38 гг. часто выступал редактор колонской газеты «За новую жизнь» Таскин, работавший, по-видимому по совместительству. Т.М.Вишнякова из посёлка Пролетарий тоже подтверждает существование местного радиовещания с довоенных лет. В годы войны редактором местного радиовещания работала Мария Давыдовна Гефан, из эвакуированных. В штате редакции было четыре человека: редактор, два литсотрудника, машинистка.

В последующие годы на местном радиовещании работали редакторами, радиорганизаторами много людей. Вот их имена: Любовь Васильевна Кокоулина, Галина Петровна Глазунова, Тамара Васильевна Павлова, Валерий Всеволодович Рагозин, Любовь Васильевна Рыжова, Самсонов, Яговкин, Матушкин, Мария Николаевна Захарова, Пётр Сергеевич Новосёлов, Лидия Ивановна Минькина, Валерий Евлампович Глазунов, Нина Петровна Отраднава, Наталья Никифоровна Татаринава, Лариса Николаевна Сабурова. Техники радиоузла: Вера Васильевна Гребенкина,

Любовь Трифоновна Клюкина, Лариса Болотникова, Олег Сербин, Саша Петров. Это далеко не полный перечень тех, кто связан с местным радиовещанием².

С 1 июня 1960 г. в г. Верхотурье возобновила свою работу редакция местного радиовещания, которое возглавил Н. Матушкин. Первыми ведущими стали общественные дикторы: Яков Евгеньевич Шадрин, Тамара Коршунова, Светлана Ткалич. По местному радио сообщали новости по городу и району, о работе коллективов предприятий, учреждений, колхозов, РТС, о культурной и общественной жизни. Местные радиопередачи выходили в эфир каждую среду в 7 часов 15 минут вечера (по местному времени)

Редакция местного радиовещания призывала граждан к написанию отзывов и пожеланий о радиопередачах, принимало заявки на исполнение произведений, песен, стихов и т.д. по адресу: г. Верхотурье, райком КПСС, отдел пропаганды и агитации³.

Из газеты «Новая жизнь» за 1965 г. известно, что в Верхотурском районе насчитывается 3497 радиоточки, три радиоузла. Жители района имели около 4500 радиоприемников и всего 530 телевизора. Такой численный перевес радиоприёмников еще много лет наблюдался в нашем городе и районе⁴.

Из воспоминаний редактора радиовещания Сабуровой Ларисы Николаевны

Весной 1979 года моя семья переехала в Верхотурье из Слободы Туринской, так как мужа перевели по службе госавтоинспектором Верхотурского РОВД. В райкоме партии мне сразу предложили вакантную должность организатора районного радиовещания. Работа была хорошо знакома, так как на родине, в редакции местной газеты, я проработала шесть лет, из них на радио – три года. Поэтому с удовольствием взялась за дело. В то время работники радиовещаний были в штатах местных газет. Так я оказалась в дружном молодежном коллективе «Новой жизни», возглавляемом замечательным редактором и просто хорошим человеком, наставником Ахмадеевым Александром Николаевичем. Идеологический контроль осуществлял отдел пропаганды и агитации райкома партии, курировал третий секретарь РК КПСС Семенов (к сожалению, не помню имя, отчество), в дальнейшем его сменил Мызников Федор Михайлович.

Подчинялось радиовещание областному комитету по телевидению и радиовещанию. Там, на Свердловском телевидении, освоила двухгодич-

ную школу журналистского мастерства, где деканом был известный радиожурналист Ян Хуторянский.

И еще одно ведомство в Верхотурье было задействовано в организации местного радиовещания. Это районный цех связи, руководителем которого долгие годы был Петров Николай Владимирович. Надо сказать, связисты в своем помещении оборудовали прекрасную профессиональную студию звукозаписи, с двумя стационарными магнитофонами для записи и монтажа передач, обеспечили меня переносным записывающим магнитофоном «Репортер», снабжали его батарейками, ремонтировали, если случались неполадки. Дежурные техники принимали у редактора радиовещания готовые передачи под роспись, проверяли качество записи и затем в отведенное «окно» в сетке областных и центральных радиопередач, точно в назначенное время, включали трансляцию. И не дай, Бог, допустить какую-то оплошность, ухудшение качества передачи или «залезть» на «центральные новости» - все было достаточно строго. Я была и редактором, и диктором, и монтажером передач, которые длились 20 минут. Такова техническая сторона организации местного радиовещания в то время.

Надо сказать, что работалось легко, когда столько «помощников» и кураторов. Все было налажено так, чтобы работник радиовещания мог спокойно творить, готовить качественные радиопередачи. Творчество радиожурналиста начиналось с составления месячного тематического плана, а на его основе разрабатывался - недельный. Вместе с коллегами «Новой жизни» мы колесили по району, бывали во всех хозяйствах, на предприятиях, фермах, я записывала репортажи с места событий, интервью руководителей, специалистов и просто рядовых тружеников. Это были «живые» голоса и звуки, передающие атмосферу события. На первом месте в передаче, конечно, присутствовали горячие информации, новости, затем интервью или репортажи, зарисовки о людях, выступления разных специалистов, новости культуры и многое другое. Часто радио рассказывало о земляках, поздравляло с юбилеями, в конце передачи звучала любимая песня. Были и чисто тематические передачи, например, пионерские выпуски, где дикторами выступали школьники городских школ. Готовили эти передачи ребята под умелым руководством Надежды Петровны Афониной, в то время методиста Дома пионеров. Получались они замечательно, ребята вели себя в студии непосредственно, прекрасно владели своими звонкими голосами, все это сопровождалось задорными пионерскими песнями.

Нужно было находиться в постоянном творческом поиске, чтобы передачи удовлетворяли потребности верхотурских слушателей, шли в ногу со временем и действительно являлись средством массовой информации. И еще один большой плюс можно поставить руководству района и коллективу цеха связи. Передачи районного радиовещания транслировались по всему району: в каждом населенном пункте, даже самом отдаленном. Везде, почти в каждом доме Верхотурского округа, были радиоприемники, и люди слушали «свое» радио, которое начиналось словами «Говорит Верхотурье...». К сожалению, через несколько лет, в связи с известными «перестроечными» событиями, трансляция передач местного радиовещания значительно сократится, и село не станет их принимать, а затем районное радио совсем исчезнет. «Золотой век» районного радиовещания закатится, но те восемь лет, которые я посвятила работе местного радио в Верхотурье, останутся в памяти как лучшие годы журналистского творчества⁵.

Одинцов Вячеслав Михайлович

Родился 7 марта 1938 года в Курской области. В 1945 году пошёл в школу и в 1955 г. её закончил. После окончания школы пошёл работать на сахарный завод, а в 1956 г. по комсомольской путёвке уехал на стройку Дальнего Востока. В 1957 г. был призван в ряды Советской Армии, в 1959 году демобилизовался. Вернулся на родину, где опять работал слесарем на сахарном заводе. В 1960 г. женился, а в 1965 г. уехал на родину жены, на Урал. С июня 1965 г. работал воспитателем и учителем в Мостовской восьмилетней школе. С 1967 г. – ответственный секретарь общества «Знание». С 1969 г. - инструктор идеологического отдела РК КПСС. С 1972 по 1980 гг. – заместитель председателя Райпо по кадрам и оргработе. С 1980 по 1987 гг. - инженер производственной части Верхотурской детской колонии, начальник. С 1987 по 1991 гг. – ответственный секретарь районного общества «Знание». С 1991 по 1998 гг. редактор Верхотурского местного радиовещания. Вячеслав Михайлович много занимался общественной работой: являлся помощником депутата Государственной Думы, членом уездного Совета ветеранов труда, членом общества любителей Верхотурского края, народным заседателем районного суда.

Вячеславом Михайловичем был заведен журнал регистрации передач радио г. Верхотурье, где он фиксировал сведения о проводимых радиопередачах, дату, краткое содержание и того, кто выступал. В этих радиопередачах освещали злободневные вопросы, выездные репортажи о жизни села, сотрудники музея выступали с докладами из истории города,

звучали любимые песни в честь пар – юбиляров города, встречи с фронтовиками и многое -многое другое. всего и не перечислишь. Главное – радиовещание жило проблемами и радостями всего Верхотурского района. Всего за время работы В.М. Одинцова с 25 октября 1991 по 29 декабря 1998 гг. было проведено 600 радиопередач!

Наступили тяжелые 1990-е годы. В городе и районе, как практически по всей стране, прекращали свою работу одно за другим предприятия. Не обошло стороной безденежье и Верхотурское радиовещание. Ряд предприятий и организаций, особенно сельскохозяйственные, а также отдельные граждане оказались неспособны платить за пользование сетью проводного вещания. Во многих деревнях и поселках области оно стало убыточным, а это привело к сокращению ремонтных работ, снижению качества и надежности сети. За 1993-1995 гг. число радиоточек в Свердловской области сократилось на 157 тысяч. В области и стране в связи с убыточностью повсеместно стали отключать радиовещание. В Верхотурье проводное радио полностью отключили 1 декабря 1994 г.

Из журнала регистрации радиопередач. Практически в самом конце журнала рукой Одинцова В.М. записано обращение следующего содержания: «Дорогие мои, уважаемые радиослушатели! Эта передача стала моим последним выходом в эфир. Я ухожу от Вас. Ухожу, как раньше говорили, на заслуженный отдых. Мне грустно расставаться с Вами. Я к Вам очень привык за семь лет работы на местном радиовещании. За эти годы шестьсот с лишним раз мы встречались с Вами в радиоэфире. Я всегда старался быть откровенным и говорить только правду, совместно с Вами сопереживал, делился радостями и горестями. Мы были, как одна большая семья.

А сейчас я устал. Устал не физически, а морально, так как очень близко принимаю к сердцу всё, что происходит в стране, области, уезде. И это угнетающе действует на меня. Поэтому я и решил уйти.

Благодарю Вас за то, что Вы воспринимали меня таким, какой я есть, за Вашу постоянную поддержку, за добрые отзывы о моей работе. Ну, а если что-то было не так, то простите меня, и не поминайте лихом. Всего Вам хорошего, мои дорогие радиослушатели. С Новым годом Вас! Не говорю «Прощайте», ведь мы с Вами живем в одном городе и будем постоянно встречаться. Поэтому, как и прежде – до свидания. С Вами всегда был и будет Вячеслав Одинцов»⁶.

В мае 2001 г. В.М. ушел из жизни. На сороковой день в местной газете «Новая жизнь», которую он много лет возглавлял, целую страницу

отвели в память о Вячеславе Михайловиче. Хотелось бы привести некоторые из отзывов.

Раиса Николаевна Огаркова, председатель общества любителей Верхотурского края: «Моё сотрудничество с В.М. Одинцовым началось в то время, когда она работала в краеведческом музее. Он часто его посещал и однажды предложил Раисе Николаевне периодически, раз в месяц выступать перед горожанами с материалами по истории города. Так начался цикл передач по краеведческой тематике. А с 1996 г. Вячеслав Михайлович сам стал активным членом краеведческого общества. По признанию Р.Н.Огарковой В.М. Одинцов был краеведом от Бога. Он сам отыскивал тему и кропотливо работал над ней. Каждый его поиск - открытие».

Мария Николаевна Захарова, член общества любителей Верхотурского края отмечала, что В.М.Одинцов внес ощутимый вклад в изучение истории нашего края⁷.

Примечания:

¹ ОЛВК, 1043/2

² В.Одинцов. Говорит Верхотурье // газета «Новая жизнь» (г.Верхотурье) №34 от 6 сентября 1995 г.

³ Газета «Ленинское знамя» (г.Верхотурье) №67 от 5 июня 1960 г.

⁴ Газета «Новая жизнь» №68 от 7 мая 1965 г.

⁵ Воспоминания Л.Н.Сабуровой

⁶ ОЛВК, 1043/2

⁷ Там же.

Новиченков Николай Николаевич

Цитадель (кремль) Милана – Московский кремль – Верхотурский кремль. Итальянский след в оборонительных сооружениях Верхотурского кремля

Зубцы, венчающие стены Верхотурского кремля, живо ассоциируют-ся с кремлёвскими стенами Москвы.

Белокаменные стены Московского кремля, облицованные известняком, построенные ещё при Дмитрии Донском, пришли в негодность ко второй половине XV века. Нужно было не просто восстановить разрушенное, необходима была фундаментальная реконструкция. Лучшими фортификаторами в Европе в то время считались итальянцы, которых и

пригласили в Москву. За период с 1485 по 1516 годы старые стены и башни были заменены на кирпичные, толщиной от 3,5 до 6,5 метров, высотой от 8 до 13 метров, завершённые отличительным итальянским «ласточкиным» хвостом.

Один из первых строителей каменного Московского кремля в XV веке итальянец Пьетро Антонио Солари, будучи выходцем из Милана, не мог не восхищаться цитаделью своего родного города и увенчал возводимые им укрепления такими же, как у неё зубцами в форме ласточкиного хвоста. Двурогие, «смотрящие» в противоположные стороны зубцы высотой от 2 до 2,5 метров, именуемые мерлоны, смотрелись очень внушительно и дополнялись ярусом навесных бойниц (машикули).

«Ласточкин хвост» был характерен для итальянского крепостного зодчества эпохи Возрождения. Подобные зубцы-мерлоны можно увидеть не только на цитадели Милана, но и на других оборонительных стенах этого времени, например, замка города Вероны XIV века. Поэтому, вслед за Солари итальянцы Антон Фрязин, Марко Руффо, Алевизо де Карпано (Алевиз Фрязин) продолжали возводить укрепления с двурогими зубцами «ласточкин хвост» (некоторые увидели в этом символическое изображение двуглавого орла). Кремль – символ власти и «ласточкин хвост» выглядел внушительно, придавая характерный облик укреплениям. Всего на стенах Московского кремля 1054 таких зубцов.

По замыслу Петра I город Верхотурье должен был стать сначала центром горного освоения края, а затем центром уральской металлургии. Именно символом столь высокого предназначения должен был стать каменный верхотурский кремль. Именно поэтому чертежи будущих укреплений были присланы из Москвы. Из Москвы были присланы и мастера, которые должны были руководить строительством. Так «ласточкин хвост» и машикули попали в Верхотурье. По старой памяти Москву называют «белокаменной». Белокаменным был когда-то её кремль. Нынешний кремль краснокирпичный, но если, скажем, Кутафью башню кремля Московского перенести в Верхотурье, она по стилю и архитектурным особенностям после побелки легко впишется в ансамбль Верхотурского кремля, несколько выделяясь только размерами.

Верхотурский каменный кремль построен в 1700-1712 годах, то есть в XVIII веке, но он является прямым продолжателем русского военного зодчества XV-XVII веков, свой вклад в которое внесли итальянские инженеры.

Вскоре после начала строительства Верхотурского кремля началась длительная и кровопролитная война с лучшей армией Европы, оснащён-

ной по последнему слову военной техники того времени. Русская армия потерпела страшное поражение под Нарвой, ожидалось вторжение вражеских войск в глубь страны. Вкладывать средства и силы в возведение средневековых каменных крепостей стало затратно, поэтому Верхотурский кремль стал последней каменной крепостью России.

Литература:

- 1.Бродский Б. Сердце Родины – Кремль. М., изд-во «Изобразительное искусство», 1996.
- 2.Кюи Ц. История крепостей Европы и России. М., изд-во «Абрис», 2019.
- 3.Носов К. Итальянцы и «итальянизмы» в русском военном зодчестве Великого княжества Московского (последняя треть XV – первая половина XVI вв.) // «Военно-исторический журнал», №3, 2020.

Панкратов Вячеслав Михайлович

Свет любви и добра

Мне было поручено подготовить в газету «Новая жизнь» выступление передового пастуха. В райсельхозуправлении дали кандидатуру, сколько помню, из Усть-Салдинского отделения совхоза «Красногорский».

Собеседник оказался словоохотливым. Как-то незаметно, само собой, разговор свернул с пастушьей колеи на фронтовую дорогу. И он поведал, что в одном из боев попал под минометный огонь, получил множество ранений. В медсанбате прооперировали и отправили в тыловую госпиталь на излечение. Но спустя годы война догнала солдата. Он стал ощущать боли в области сердца. Обратился к медикам. Рентген показал: возле сердца инородный предмет. Хирург предположил, что это старый немецкий осколок - при медсанбатах не было рентгеновского оборудования, вот и не заметили. Консилиум врачей решил: лучше осколок не трогать – большой риск. Стали оформлять инвалидность, и тут потребовалось официальное подтверждение о ранении. Через военкомат сделали запрос в Ленинград, в архив военно-медицинских документов. И там отыскалось его дело, куда писари внесли все, что положено в таких случаях: что за ранение, как получено, кто делал и когда операцию, куда потом был эвакуирован, как проходило лечение в госпитале и когда выписан.

Почему вспомнилась та давняя, полувековая, встреча с пастухом, вы поймете из дальнейшего повествования.

Однажды в «Одноклассниках» появилась фотография Константина Никитича Новикова с наградными планками. И тут же посыпались отклики бывших учеников Верхотурской средней школы № 1, и кто-то даже поинтересовался: что это за ордена и медали? Снимок же был черно-белый, и невозможно по планкам разобрать, какие же это награды. И в самом деле, мы никогда не видели Константина Никитича при боевых наградах. Моя одноклассница Люба Шинкаренко из Красноярска пишет: «Новиковы ходили к Лихановым мимо нашего дома, и я не видела у него ни наград, ни планок». Да и на многих фотоснимках, что выложили в «Одноклассниках» Тамара Тихонова-Архипова, другие выпускники, Константин Никитич запечатлен без наград.

Надо признать, верхотурская пресса не обходила вниманием Константина Никитича. Краевед, бывшая заведующая районной библиотекой Тамара Александровна Зырянова прислала мне список публикаций о нем в разные годы и его выступлений в газете. Директор Качканарского архива Михаил Иванович Титовец, в прошлом учитель, переслал книгу воспоминаний о Константине Никитиче, изданную в 1997 году. Но в этих статьях и мемуарах речь идет о Новикове-учителе, директоре школы. А вот о Новикове-фронтовике крайне скупое. Правда, в качканарской книжке говорится, что капитан Новиков закончил войну в должности заместителя начальника штаба отдельного батальона. Из переписки выяснилось, что Титовец написал об этом с чужих слов. Я же имел на руках копии наградных листов, и они опровергали эту информацию. Зачем кому-то понадобилось повысить его в звании и в должности?

И все-таки, почему о фронтовых путях-дорогах Константина Никитича ничего не говорится в публикациях? Вот и в уже упомянутой брошюре, изданной в Качканаре, А.С. Шелепов, который приходился племянником Ольге Владимировне, жене Константина Никитича, ни словом не обмолвился об участии того в Великой Отечественной войне. Там есть об огороде Новиковых, всегда ухоженном, где росли яблони и крыжовник, помидоры и огурцы, баклажаны и кабачки, перец, капуста, картофель, даже арбузы и дыни, плоды которых по размеру были маленькими, но на вкус очень хороши; о том, что любил возиться с машиной, рыбалку, пристрастился к «тихой» охоте – сбору грибов. И ничего о войне. С трудом верится, чтобы мальчишка не интересовался боевыми делами дяди Кости.

Тут причина, думается, в ином. За полвека журналистской деятельности мне многожды доводилось общаться с фронтовиками, в большинстве своем они не любили рассказывать о войне, об участии в боях из

них приходилось вытаскивать клещами. А иной просто отмахнется: что прошлое ворошить?!

Не берусь судить: правы ли были они? Нам, не прошедшим через горнило войны, через все круги кровавой и беспощадной бойни, не дано понять, почему они уходили от воспоминаний – должно быть, слишком тяжкими и жестокими были бы эти рассказы, а переживать заново – это, значит, снова оказаться там, где царил крошечный ад, где жизнь твоя могла оборваться в любую минуту... Это только говорится, что время лечит душевные раны.

А еще их правда о войне разительно отличалась от киношной, особенно от тех лент, где немцы представлялись карикатурно, недотепами, глупцами. Как же тогда эти болваны смогли дойти до Москвы, до Волги?.. У солдат была своя правда, окопная. И все разговоры, что большая война – это всегда большая кровь и колоссальные жертвы, не что иное, как желание прикрыть не всегда обоснованные потери, обелить высшее командование, его просчеты, ошибки, допущенные в военной стратегии и тактике, закрыть глаза на сумасбродство отдельных средних командиров, желавших выслужиться, отдававших заведомо невыполнимые приказы, тем самым посылая солдат на верную гибель. Мало того, на глазах ветеранов историю войны неоднократно переписывали: то выделяя заслуги Сталина, то – Жукова, то – Хрущева, то – Брежнева...

Нет, конечно, были и фильмы, и книги, и мемуары, где война изображена без прикрас и с разных сторон; они будто срывают шоры с глаз. Можно только представить, насколько трудно было писать о войне, особенно когда ты сам был участником или свидетелем тех событий.

Константин Никитич Новиков в Красную армию был призван 25 декабря 1941 года Новолялинским райвоенкоматом (в некоторых документах ошибочно указано: 26 декабря, Нижне-Лялинский или Верхотурский РВК). Возникает вопрос: почему призвали только в декабре, тогда как в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР о всеобщей мобилизации с 23 июня 1941 года призыву подлежали военнообязанные от 1905 по 1918 год рождения включительно? Он же родился 26 декабря 1916 года.

Причина в том, что до 1940 года учителей вообще не брали на военную службу, а в 1941-м и до первой половины 1942 года они имели право на отсрочку. Константин Никитич работал в школе с января 1935 года – вначале учителем начальных классов в поселках Лангур и Талая Ивдельского района, с 1936 января года – учитель начальных классов в

Верхотурье, с марта 1939-го заведовал Прокоп-Салдинской неполной школой, преподавал географию (в 1938-м поступил на географический факультет Свердловского педагогического института), с 1939-го – директор Верхотурской неполной средней школы, в 1941-м возглавил среднюю школу.

К концу сорок первого, как известно, положение на фронте было не в пользу СССР. Превосходящие силы противника наносили нашим войскам поражение за поражением. По официальной статистике, за первые шесть месяцев войны наши потери составили 28 процентов от всех убитых за войну. Так что восполнить эти потери пришлось, хоть в какой-то степени, прекратив бронь у некоторых отсрочников.

С 23 декабря сорок первого К.Н. Новиков - красноармеец 116-го отдельного лыжного батальона, который входил в подчинение 1-го гвардейского кавалерийского корпуса и взаимодействовал с 239-й стрелковой дивизией. В то время сложилась крайне сложная, напряженная и нервная обстановка на Московском направлении. С начала контрнаступления под Москвой батальон находился во втором эшелоне. Но во второй половине дня 28 декабря вместе с дивизией с боем выдвинулся на рубеж Кудрино, Давыдово и продолжал наступать в западном направлении. Потом были бои за Козельск, Хотень, Клесово, Серпейск, Кирсаново, Пятница, Шершнево, Красный Холм...

Надо сказать, что оборона немцев состояла из опорных пунктов, входивших в систему узлов сопротивления, построенных, в населённых пунктах, имела хорошо организованную систему огня в комбинации с различными препятствиями зимнего типа – снежными валами, траншеями, минными полями. У противника кроме пехоты, хватало подвижных соединений – танки и мотопехота быстро перемещались по Варшавскому шоссе к угрожаемому участку и отбивали наши атаки. Несколько немецких лыжных батальонов активно действовали и вне дорог. Немецкие лыжники были опасным противником для прорвавшихся через шоссе небольших групп кавалеристов и лыжников. Немцы начинали атаковать сами и часто успешно. Тем не менее, наши лыжники и кавалеристы проникали к шоссе, проникали во вражеский тыл между опорными пунктами, но закрепиться на шоссе не смогли.

Так, 23 января части 239-й стрелковой дивизии с 116-м и 118-м лыжными батальонами, овладев Макаровка, перехватили шоссе на участке Федоровка – Долгое. Многие группы кавалеристов и лыжников прорвались через шоссе задолго до прорыва основных частей кавалерийского корпуса, эти группы, прорвавшись в тыл противника, уходили

подальше от переднего края и занимали деревни, готовые к обороне. В последующем эти группы смогли соединиться с основными силами корпуса.

Из боевого донесения № 70 штаба 325-й стрелковой дивизии 25 января 1942 года: «116 лыжный батальон начал прибывать в мое распоряжение только к 12.00 25.1.41 г. <...> отдельными подразделениями и только в 16.00 весь батальон был сосредоточен в Груздово без 82 мм минометов, оставшихся в 239 сд. Личный состав был очень утомлен и в течение суток не принимал пищи».

Из воспоминаний командира 1-го гвардейского кавалерийского корпуса генерал-майора П.А. Белова: «В ночь на 26 января 1942 года вслед за своим 115-м батальоном на подступы к Варшавскому шоссе вышли 116-й лыжный батальон и 1092-й стрелковый полк дивизии. На рассвете гитлеровцы обнаружили советские головные части и попытались отбросить их назад. В лесу восточнее села Подберезье завязался бой. Противник начал было теснить 116-й лыжный батальон и 1092-й стрелковый полк. Но на помощь подоспели 57-я кавалерийская дивизия и 115-й лыжный батальон. Фашисты отступили, понеся очень большие потери. Тогда 1092-й стрелковый полк, преследуя немцев, захватил мост на шоссе севернее Подберезья. Полку было приказано, во что бы то ни стало удержать занятый рубеж».

Дальнейшая служба Константина Никитича, с февраля сорок второго, проходила в составе 202-й стрелковой дивизии. Обстановка тогда на Северо-Западном фронте была крайне драматичная. Советские воинские части вели непрерывные бои и подвергались постоянным ожесточённым бомбёжкам. Тем не менее, все же удалось окружить немцев, клещи замкнулись восточнее населенного пункта Ловати. Немецкие дивизии оказались заблокированными в нескончаемых лесах и болотах южнее озера Ильмень. В «демянский котёл» попали шесть дивизий. Фашисты, однако, сдаваться не собирались, надеясь на помощь извне.

6 февраля части 202-й стрелковой дивизии возобновили наступление в районе деревни Малый Калинец, расположенной в нескольких сотнях метров к югу от полотна железной дороги, представлявшей собой мощный опорный пункт врага. На взятие деревни ушло более недели. Постоянные атаки русских и контратаки немцев следовали одна за другой, то верх брали одни, то другие. Гитлеровцы на помощь гарнизону вызвали подкрепление из дивизии «Мертвая голова» во главе со штурмбанфюрером СС Модером, танки; пикирующие бомбардировщики Юнкерс-87, или, как их называли немцы, «штукасы», постоянно

бомбили наши позиции... Роттенфюрер СС Стански, бывший в числе подоспевших на зов помощи фашистов, сообщал: «Кажется, что бомбы не произвели на русских должного впечатления, так как, когда мы снова атакуем деревню, сопротивление русских усиливается...».

Из журнала боевых действий 202-й стрелковой дивизии: «13 февраля во второй половине дня подразделения врываются в Малый Калинец. В 23.00, подтянув из Веретейки подкрепление до 80 человек пехоты и две повозки с боеприпасами, противник переходит при поддержке двух танков в контратаки. Артиллерийская батарея 682-го стрелкового полка прямой наводкой уничтожила оба танка, вражеские экипажи пытались спастись, но были убиты. Всю ночь продолжался бой за этот населенный пункт». Из 240 человек немецкого гарнизона в Малом Калинце в живых осталось лишь 14; здесь нашла свою гибель и группа штурмбанфюрера СС Модера.

Из журнала боевых действий 652-го артиллерийского полка: «Ужасное зрелище представлял собой М. Калинец после столь длительных боев!.. Дома все сожжены и разрушены; в них валялись части разбитого немецкого оружия и убитые солдаты и офицеры... Там, где ранее проходили улицы, теперь зияли черные воронки. Черные со свастикой остовы разбитых нашими снарядами танков... Всюду разбросаны части тел фашистов; у пулеметов, орудий и минометов лежали груды убитых и горы гильз... По документам было установлено, что гарнизон д. М. Калинец состоял исключительно из эсесовцев 1290 пехотной дивизии...»

За восемь дней непрерывных боев 202-я стрелковая дивизия понесла большие потери. Среди раненых 13 февраля был и красноармеец 645-го полка Новиков. В сражении за Малый Калинец он, должно быть, находился в рядах наступающих стрелков, а уж потом, после выздоровления, его определили в 357-й отдельный медико-санитарный батальон. Иначе как бы он получил ранение, находясь за 6-10 километров от линии фронта, где, как правило, располагались дивизионные медсанбаты.

В армии приказы не обсуждают. И должности не выбирают. Делай то дело, на которое тебя поставили. А уж тем более в военную пору. Новикова назначили в писари. Значит, тому были свои причины. Образованный, был директором школы, значит, имеет навыки руководителя. Это только невежда может считать должность фронтового писаря безмятежной и хлебной. Мол, в бой не ходил, писал там разные бумажки...

Теперь представьте, хотя бы на миг, каково было писарю заполнять документы на скончавшихся от ран, на не перенесших операцию солдат и офицеров... Поставьте себя на его место. А ведь сердце – не камень, это самый что ни на есть нежный «инструмент» человека, он что скрипка, извлекающая из нашей души самые возвышенные, благородные и святые чувства. Вполне возможно, что среди тех, на кого писал старшина Новиков похоронки, могли быть верхотурцы. И даже отцы бывших его учеников. В тылу не было страшнее слова «похоронка»: это самый горестный атрибут войны – с ним нельзя было смириться, с ним предстояло жить – горько, тяжело, скорбно... Как писала Раиса Кремена:

...Ждали почту, ее и боялись, А платки все росли, как грибы. Черны, траурны, полны печали, Похоронки несли, как гробы.

Но похоронка давала право на выплаты пособий семьям погибших воинов и некоторые льготы. Потому извещение о гибели должно было быть оформлено, как нельзя более тщательно, чтоб не возникло никаких недоразумений при назначении выплаты и социальных пособий.

Но вот о каком поразительном факте я узнал, просматривая мемуары фронтовых врачей. Оказывается, во время операции рядом с хирургом, медицинской сестрой и наркотизатором находился писарь, который под диктовку записывал ход операции и всю историю болезни. Потом, после войны, на основании вот этих записей будет обобщен богатейший опыт проведения операций (в 1952 году выйдет книга «Опыт советской медицины в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» в 35 томах), который на многие годы определит развитие хирургии в Советском Союзе. А скольким фронтовикам записи писарей медсанбатов и госпиталей помогли получить подтверждение о ранениях! Был среди них и мой давний знакомец-пастух.

Великий сталинский «перелом», сломавший судьбы многих тысяч крестьян, не обошел и семью Новиковых — она была раскулачена и выслана из станицы Приближной Прохладненского района (Кабардино-Балкария) в Ивдельский район Свердловской области. Чтобы помочь маме, Марии Трофимовне, в четырнадцать лет Константин пошел работать. И все же главные испытания были впереди.

В июне сорок первого армады фашистских самолетов осыпали родину бомбами, начисто сносили, превращая в руины, города и села, деревни, тысячи танков и самоходных орудий ожесточенно топтали траками поля и сады, миллионы гитлеровцев, на ременных пряжках которых были выбито: «Gott mit uns» («С нами бог»), расстреливали, заживо

сжигали огнеметами стариков, женщин, детей... Теперь, когда на страну накатила лихая беда, все прежние обиды, если они у кого и были, отошли на задний план. Теперь во главу угла встал призыв: «Враг будет разбит. Победа будет за нами».

В «Капитанской дочке» отец давал Петру Гриневу следующее наставление: «Служи верно, кому присягнешь; на службу не напрашивайся, от службы не отказывайся; не гоняйся за лаской начальника; береги платье с нову, а честь с молоду».

Присягал же Константин Никитич «быть преданным своему Народу, своей Советской Родине и Рабоче-крестьянскому Правительству». Как и другие красноармейцы, он клялся защищать отчизну «мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами». В 1943 году Новиков стал кандидатом в члены ВКП (б), в октябре сорок четвертого – членом партии. Война примирила всех, стерла наносное, незначущее; о людях ценили по тому, каков ты перед лицом смерти, готов ли ты принести свою жизнь на алтарь Победы – ведь нет ничего выше, чем положить душу за други своя, за свой народ. И не может быть подо всем этим какой-то политической подоплеки.

Доктор медицинских наук, профессор, ректор Алма-Атинского медицинского института Роман Иванович Самарин, майор медицинской службы, служивший дивизионным врачом 202-й стрелковой дивизии, так отзывался о Новикове: «Константин Никитич был хорошим работником, верным товарищем и коммунистом. Таким мы его знали по совместной службе на фронте, таким он оставался до конца своей жизни».

Старательность и основательность Новикова были замечены начальством, и вскоре он был назначен старшим писарем и произведен в сержанты. Из новобранцев подобрал себе хороших помощников, однако и ему работы прибавилось: стал вести учет продовольственного и вещевого обеспечения медсанбата.

Из наградного листа от 25 июля 1943 года на представление к медали «За боевые заслуги» старшего сержанта административной службы Новикова Константина Никитича, подписанного командиром 357-го медсанбата военврачом 2-го ранга Исааком Исааковичем Шлейманом: «Тов. Новиков, работая старшим писарем батальона, показал исключительные образцы в работе. Отлично поставил учет и отчетность по личному составу, продовольственному и вещевому снабжению.

Неоднократные проверки представителями армии, фронта и дивизии показали, что учет и отчетность находятся в образцовом порядке. Будучи в бою с немецкими захватчиками, ранен 13 февраля 1942 г.

Неустанно работает по 18 – 20 часов в сутки, проявляя исключительную заботу об улучшении питания раненых и больных».

Хочу особо обратить внимание на два момента последней фразы этого документа. И вот почему. Медсанбаты дивизий называли «главной хирургической». Именно здесь раненые получали квалифицированную хирургическую помощь. По послевоенным обобщенным данным, на дивизионных медпунктах оперировали почти три четверти всех раненых!

Медсанбаты никогда не пустовали. Особенно много раненых, до 500 человек, поступало во время ожесточенных наступательных боев, которые приходили сами или их привозили из санитарных частей полков. И тут важно было зарегистрировать всех прибывающих из полковых медицинских пунктов (ПМП), причем не только живых, но и умерших по дороге. Но бывало так, что солдаты хватали раненого бойца и, несли, минуя всякие до ближайшего медсанбата, не глядя, свой он или чужой. Иногда не зная, кого принесли. Вот и приходилось писарям медсанбатов вести переписку с полками, отдельными частями фронтового и корпусного подчинения по выяснению личностей. И таких было до половины поступивших в медсанбат в период крупных боевых действий.

Кроме того они должны были вести списки личного состава, подготовленного на санитарную эвакуацию, книги персонального учета потерь и погребения, карточки передового района и другую отчетность. Вся эта работа требовала скрупулезности, усидчивости и ответственности.

А вот с нормальным обеспечением продовольствием раненых было намного сложнее. Помните, в фильме «На всю оставшуюся жизнь» смекалистый начальник продовольственной службы передвижного госпиталя под вагоном оборудовал «птицеферму». Во фронтовых условиях это сделать было невозможно. Однако по норме № 10 раненым ежедневно полагалось по 300 граммов ржаного и пшеничного хлеба, 120 граммов мяса, 40 граммов сливочного масла, 50 граммов сахара, а также рис, манка, молоко, творог, сметана, фрукты, кофе; калорийность пайка составляла 3243 килокалорий.

Не секрет, жуликоватые снабженцы, что ж, были и такие, норовили урвать пожирнее кусок из солдатского котелка и сбыть его на сторону, чтобы набить деньгами или драгоценностями свою мошну. Дошло даже

до того, что нарком обороны И.В.Сталин в приказе №0374 от 31 мая 1943 года указывал: «...правительство выделяет для снабжения частей Красной армии достаточное количество разнообразных и питательных продуктов и только благодаря нерадивому, недобросовестному, а подчас преступному отношению начальников, поставленных для руководства продовольственным делом, качество пищи и нормы довольствия бойцов снижаются. Многие командиры и снабженцы не следят за сохранностью продовольствия; они забыли, что государство вверило им важнейшие ценности. Есть среди них и такие люди, которые, пользуясь своей властью, распоряжаются продовольственными фондами как своей личной собственностью, незаконно расходуют продукты, чем наносят ущерб Красной армии и обеспечению бойцов». Было принято решение отправлять лиц, несущих ответственность за перебои с питанием или недодачу продуктов бойцам, в штрафные роты и батальоны. А согласно приказу №151 от 29 июня 1943 года в случае незаконной выдачи, утраты, порчи, хищения или невозврата интендантского имущества с виновных военнослужащих, кроме привлечения их к уголовной ответственности, должна была в судебном порядке взыскиваться стоимость этого имущества с применением поправочного коэффициента 2,5 в пятикратном размере, и такое же взыскание должно было производиться с виновных в недостатках и утратах, чьи дела разрешались в дисциплинарном порядке.

Согласитесь, далеко не всякому можно было доверить этот ответственный участок работы, не каждый потянет эту лямку. Новиков тянул, тянул добросовестно, не допуская небрежности и халатности, что и показывали неоднократные проверки воинского начальства.

После Орловской наступательной операции, в ходе которой 22 июля дивизия с боем овладела городом Тросно, началось преследование отступающих частей неприятеля, пока в октябре сорок третьего дивизия не была выведена в резерв Ставки ВГК. А потом - в декабре Житомирско-Бердичевская операция, в январе сорок четвертого - освобождении Корсунь-Шевченковского, в марте - Уманско-Ботошанская операция.

Так случилось, что во время боев за Корсунь-Шевченковский заведующий делопроизводством медсанбата старший лейтенант интендантской службы Александр Павлович Кипреев одновременно вынужден был исполнять обязанности начальника штаба части. На его плечи легла ответственность за эвакуацию раненых из полковых санитарных пунктов. К этой работе он привлек и сержанта

Новикова. В условиях весенней распутицы, почти полного бездорожья им удалось, используя попутный автотранспорт и лошадей местного населения, доставить в дивизионный медсанбат около 190 раненых солдат и офицеров. В другой раз в районе населенного пункта Чемерисок Новиков помогал старшему лейтенанту Кипрееву в обеспечении бесперебойного питания и медикаментов почти 300 раненых и личного состава медсанбата. Они продержались двадцать дней, а потом, достав автомашины, вывезли раненых за 500 километров в госпиталь. Когда старший лейтенант Кипреев пошел на повышение, то обязанности заведующего делопроизводством-казначея были возложены на старшину Новикова.

«Во время стремительного наступления частей дивизии с 8 марта по 12 апреля 1944 г. с выходом войск на государственную границу, форсирования реки Прут, т. Новиков, исполняя обязанности интендантского снабжения части, благодаря инициативе, стараниям, несмотря на стремительное продвижение, обеспечил хорошим питанием всех поступающих раненых и личный состав части», - читаем в представлении Константина Никитича к ордену Красной Звезды, которым он был награжден 7 декабря 1944 года. Еще прежде, 8 июля, он удостоился второй медали «За боевые заслуги».

Ожесточенные, изнурительные, изматывающие бои вела дивизия в августе при наступлении с севера на Яссы из района населенного пункта Берлешти, что 25 километров восточнее румынского города Бырлад. А уже в октябре принимает участие в Дебреценской наступательной операции, в ходе которой освобождала город Клужа, исторической области Трансильвания на северо-западе Румынии, и 11-го числа вышла на подступы к Будапешту, наступая северо-восточнее через Мишкольц. В одном из его наградных документов на старшину Новикова командир 357-го отдельного медико-санитарного батальона майор Лебедь отмечал: «Возглавляя конно-транспортную хирургическую группу, обеспечил своевременную переброску имущества части, необходимое для обслуживания раненых воинов, совершая марши на большое расстояние».

В марте сорок пятого дивизия отражает контрнаступление вражеских войск в районе озера Балатон, затем - наступление на Вену. Там, в Австрии, закончилась воинская служба старшины Константина Никитича Новикова. 25 мая был представлен к ордену Отечественной войны II степени, который, почему-то, был заменен на орден Красной Звезды. И все-таки орден Отечественной войны II степени засияет на груди

фронтовика - случится это, когда страна праздновала 40-летие Великой Победы.

Долог был путь возвращения домой солдата Новикова. От непролазных гнилых новгородских болот через суровые брянские леса, по изуродованным бомбами и снарядами смоленским полям, по обескровленной зверствами фашистов Белоруссии, по полыхавшей пламенем украинской земле, по некогда цветущей и солнечной Молдавии – и далее на запад: через Румынию, Венгрию, Чехословакию, Австрию. И растянулся этот путь на долгих четыре года...

*Умолк тяжёлый гром войны,
И мир сияет снова.
Поля и села сожжены,
И дети ищут крова.
Я шел домой, в свой край родной,
Шатер покинув братский.
И в старом ранце за спиной
Был весь мой скарб солдатский.
Шагал я с легким багажом,
Счастливый и свободный.
Не отягчил я грабежом
Своей сумы походной.
Шагал я бодро в ранний час,
Задумавшись о милой,
О той улыбке синих глаз,
Что мне во тьме светила.*

Эти стихотворные строки принадлежат шотландскому поэту XVIII века Роберту Бернсу. Но как они созвучные были тогда, в сорок пятом, настроению Константина Новикова, когда после расформирования медсанбата отправился наконец-то он домой, где его ждала жена Ольга Владимировна, с которой он сошелся в октябре 1940 года.

По возвращению многие ощущали себя так, словно война осталась у них внутри: воюют во сне, продолжают чувствовать себя на взводе, в состоянии угрозы, им сложно переключиться на жизнь в мирных условиях. В их памяти постоянно всплывают товарищи - и погибшие, и оставшиеся в живых, отдельные моменты тех страшных событий – как будто часть души навсегда осталась там... Не просто были им, молодым, прошедшим горнило войны, умеющим делать только одно – сражаться с врагом, найти, не имея гражданской специальности, своё место в даль-

нейшей жизни. У Новикова, к счастью, была профессия, он вернулся в школу^[4], и всю последующую жизнь, до выхода на пенсию, сопровождал его школьный звонок.

Для каждого из нас, бывших учеников, он звучал по-разному. И у каждого он вызывает свои воспоминания, но непременно для всех - уроки, сменяющие перемены, домашние задания и долгожданные каникулы, строгие и не очень учителя.

А что звонок для учителя? Это зов к каждодневному нелегкому дню. А вообще-то задумывались ли мы, сидя за школьной партой, что такое учительство – труд или радость? А может, то и другое вместе взятое? Кто-то может сказать, а что тут трудного: один раз выучил и запомнил необходимый материал, а потом валяй, рассказывай из года в год одно и то же. Конечно, есть такие. Но лично мне повезло – и в восьмилетней школе № 1, и в средней школе я не встречал учителей равнодушных, индифферентных, плохо знающих свой предмет, а потому не способных донести знания до учеников. Я бы мог назвать их поименно, потому как их светлые образы навсегда врезались в мою память, однако мой рассказ о Константине Никитиче, а поэтому и речь пойдет о Новикове-учителе.

В одном из современных словарей сказано: учитель — специалист, который передает знания в той или иной области, навыки, полученные в процессе труда, а также делится практическим опытом. Какой скукой несет от такого определения! Нет ничего живого, чтобы трогало, щемило душу, чтобы учащенно забилося сердце только при одном слове «учитель».

А вот как определял учительскую профессию известный советский педагог Василий Александрович Сухомлинский: «Это человековедение, постоянное, никогда не прекращающееся проникновение в сложный духовный мир человека. Нет ни одной педагогической закономерности, нет ни одной истины, которая была бы абсолютно одинаково применима ко всем детям. Потому что практическая педагогика – это знание и умения, доведенные до степени мастерства, Но и поднятые до уровня искусства. Безграничная вера в человека, в доброе начало в нем – вот что должно жить в нашей душе, если вы хотите посвятить свою жизнь благородному учительскому труду».

Новиков и Сухомлинский жили и учительствовали в одно время; в их биографиях много сходного – начали учительствовать в 1930-е годы, оба воевали, затем вновь школа; их мировоззрение формировалось в одних и тех же условиях, оба были преданы коммунистическим идеа-

лам, оба считали, что воспитание учеников должно основываться на идеях гуманной педагогики.

Вера Семеновна Садырина, проработавшая в средней школе № 1 свыше сорока лет (1947-1988 гг.) и бывшая много лет завучем, так вспоминала о Константине Никитиче: «Школа работала в две смены. Он приходил на работу всегда в 8 часов утра, подтянутый, аккуратный, строгий. До начала уроков обходил все классы, разговаривал с учениками, знал всех по фамилиям, а многих, особенно старшеклассников, по именам. Он вникал во все дела учащихся, поддерживал футболистов, помогал кружковцам. В большую перемену снова обходил все классы, общаясь с ребятами, знал их интересы. И в третьей раз делал обход после уроков, чтобы посмотреть, как убирают классы, чем занимаются, как идет внеклассная работа».

Вспоминаю, как во время больших перемен непременно проводились физкультурные занятия, обязательные и для старшеклассников. Говорят, эта затея принадлежала самому Новикову, который к спорту был равнодушен. Так вот, он не спеша прохаживался между рядами парней и девочек, обращая внимание на их внешний вид. Не знаю, какие замечания он делал девочкам, но если увидит у парня несколько длинные волосы, то обязательно остановиться и спросит: «Что ты так зарос?» Потом пошарит в кармане, достанет копеек двадцать и скажет: «Сходи, постригись». Конечно же, никто не брал, но на следующий день, естественно, голова была приведена в порядок.

Скажите, мелочь, и какое дело директору до того, у кого какая прическа? А помните, как сказано у Антона Павловича Чехова: «В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли».

Не погрешу против истины, сказав, что Константин Никитич оставил неизгладимый след в душе каждого ученика. В этом я лишний раз убедился, просмотрев высказывания о нем бывших учеников, теперь людей взрослых: одних, убеленных сединами, и других, увенчанных лысынами, за плечами которых годы и годы жизненного пути.

Нелли Кожевникова, выпуск 1966 года: «Константин Никитич <...> никогда не повышал голос, но пользовался огромным уважением учеников и учителей. К.Н. Новиков - Учитель с большой буквы».

Людмила Ульрих: «Я училась в школе 10 лет, окончила в 1967-68 годы, и все годы был директором К.Н. Новиков. Добрейший души человек».

Ольга Шельпякова – Дьяконова, выпускница 1959 года. Заслуженный учитель школы Российской Федерации: «Сегодня много говорят о

профессии учителя, о наставнике, о воспитателе. В любые времена учитель сталкивался с трудностями: воспитание детей, условия труда, да много чего еще... Но то, с какими трудностями сталкивался учитель в послевоенные годы, заслуживает особого внимания. Это особая страница истории — время разрухи, нехватки продовольствия, нехватки мужских рук. Именно в это время на должность директора школы №1 пришёл Новиков Константин Никитич. С его приходом в школе начались кардинальные изменения. Он проявил себя как хороший хозяйственник, умелый руководитель, прирожденный организатор, культурный, коммуникабельный, требовательный к себе и к другим, умный и мудрый, очень солидный, строгий, с хорошо поставленным голосом руководителя. В школе сразу почувствовали жесткую дисциплину и порядок. Внешне всегда подтянутый, одетый безукоризненно, в свежевыглаженной рубашке, он всегда располагал к общению. В то же время он всегда готов был помочь любому делом или советом, воодушевлял учительский коллектив личным примером, Прекрасный собеседник, эрудированный человек, общение с ним всегда настраивало на творческий подъем. Отличительная черта Константина Никитича состояла в том, что он добросовестно, честно и порядочно относился к выполняемой работе, никогда не считался с личным временем, общественные и производственные интересы всегда были превыше всего и всегда был надёжным и понимающим человеком. Константин Никитич трудился в советскую эпоху. Это было то время, когда в образовательный процесс могли совать свой нос абсолютно все. Субъективизм и мнение отдельных людей могли коренным образом существенно влиять на оценку деятельности учебного заведения и его руководителя.

Часто вспоминаю моего самого любимого учителя Константина Никитича! Только с возрастом начинаешь понимать, насколько велик был духом, выдержкой и терпимостью этот Учитель с большой буквы! Нас, полуголодных, плохо одетых оболтусов, он обучал элементарным правилам поведения, ежедневно утром встречая при входе в школу».

Светлана Карпова (Давыдова): «Я хорошо его помню. Был прекрасным учителем. С ним было очень интересно. Все ждали уроки географии с нетерпением. Был строгим и в то же время справедливым. Своего сына назвала Костей в честь Константина Никитича».

Тамара Архипова, выпуск 1966 года: «Учитель географии... Я таких, как он (еще Яркин А.В., учитель истории и обществознания,) больше не встречала. Экономическая география... Сейчас ребята стонут от нее. А у Константина Никитича - это мелодия. Плюс еще включения жи-

вотрепещущих рассказов фронтовика, что шел по этой стране. Слово директора было тихим, но обладало силой закона».

А вот еще отрывок из воспоминаний В.С. Садыриной. Сама прекрасный учитель, выдержанная, глубоко порядочная, она, восхищаясь К.Н. Новиковым, писала: «Часто бывала на уроках директора. Как он вел уроки географии! Учащиеся сидели на его уроках, как зачарованные: настолько интересно и увлекательно он “путешествовал” с ними по разным странам. Это был учитель, глубоко эрудированный, знающий отлично свой предмет, постоянно пополняющий свои знания. А как он читал лекции по международному положению».

Ему, действительно, было до всего дела. Он не просто знал учеников, он знал, что у них происходит дома, кому из ребят нужна какая помощь, и через родительский комитет, работой которого он руководил, эта поддержка оказывалась.

В начале 1964-65 учебного года на педсовете обсуждался вопрос о подготовке школы к 20-летию Победы СССР над Германией. И тогда Константин Никитич, сам фронтовик, предложил воздвигнуть обелиск Вечной славы учителям и учащимся, погибшим в годы Великой Отечественной войны. Идея пришлась по душе всем, педагоги и ученики поддерживали своего директора. Началась кропотливая работа по сбору материала. Каждому классу, вот только не помню, участвовали ли в этом малыши, определили установить связи с родными погибших фронтовиков и выяснить о них, как можно больше. При этом сложность была в том, что у некоторых родственники уже не проживали в Верхотурье. Нашему 9 «а» выпал именно такой герой. За давностью лет, не могу сказать, как его звали, но хорошо помню, что письма приходили откуда-то. Их читали вслух, потом составляли ответ. Кажется, даже были несколько писем нашего героя родителям. Это были простые, бесхитростные письма, написанные карандашом, с обязательными поклонами родне, без нытья на фронтовые неудобства, о том, что у него все хорошо и что враг когда-нибудь будет разбит, и он с победой вернется в отчий дом. Я полагаю, что результаты всех наших поисков хранятся где-то в школьных анналах. Было бы жаль, если они затерялись.

А пока шли розыски и велась переписка, весной 1965 года на пустыре возле школы заложили сквер, а еще через год воздвигли обелиск: солдат в плащ-палатке с автоматом в руках, а рядом девочка с голубем, и на мемориальных досках, расположенных с четырех сторон, увенчанных гирляндами славы, отлиты фамилии выпускников школы и учите-

лей, погибших на фронтах Великой Отечественной войны в 1941-45 гг. На открытие памятника собралось много жителей. Говорили, что наша школа была первой в области, кто начинал такую многолетнюю поисковую работу.

А еще запомнилось, как всем классом ходила на фильм «Тишина», который как раз в 1964 году демонстрировали в кинотеатре «Маяк». Знаю, что и другие классы смотрели его. Так вот, нас предупредили, что в фильме звучит песня «На безымянной высоте». Она как раз соответствовала нашему тогдашнему настрою, ведь у большинства отцы воевали. Надо было эту песню записать. Магнитофонов, естественно, ни у кого не было, и мы, распределились, кто записывает первую строчку, кто – вторую и так далее. Потом все «сверстали». И она зазвучала на одном из праздничных школьных концертов.

*Школьных премудростей кончится срок,
Новые истины время состарит,
Жизнь преподаст за уроком урок,
Но расписание на них не составит.
Чтобы судьбу, как задачку, решить,
Мало постигнуть азы мирозданья.
Есть еще образование души,
Самое высшее образование.*

Эти поэтические строчки принадлежат Александру Дольскому. А стихотворение называется «Воспоминания о школе». И всплыли они в моей памяти вот по какому поводу. Очень жаль, что Константин Никитич Новиков не оставил своих суждений о работе педагога, своих воззрений о предназначении учителя, о нравственном воспитании школьников. Ведь в его педагогическом багаже такая уйма знаний на эти темы. Не может быть, чтобы он никогда не размышлял обо всем этом, чтобы не делился своими сомнениями и терзаниями с коллегами. А возможно, он считал, что каждый учитель должен сам набить себе шишек, чтобы стать настоящим педагогом; сам определить ту ли дорогу в жизни он выбрал, по силам и по таланту ли ему воспитание мальчишек и девчонок, ибо серость и бездарность дорого обходятся в формировании человеческой души, выковывании крепкого характера.

А то, что Новиков был незаурядной личностью, у меня лично никогда не возникало никаких сомнений. И коллектив учителей подобрался под стать своему директору. То были единомышленники. И, по-моему, не случайно, что в соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета

Министров СССР от 31 августа 1961 года № 817 «О мерах по обеспечению общеобразовательных школ учительскими кадрами» в средней школе открывается педагогический класс с одногодичным обучением. Эта мера была вызвана тем, что в связи с введением в 1958 году всеобщего обязательного восьмилетнего образования, организацией школ-интернатов и школ продленного дня, расширением сети вечерних (сменных) школ рабочей и сельской молодежи потребность в кадрах учителей и воспитателей значительно возросла. Их просто-напросто не хватало, педагогические институты не смогли закрыть эту «дыру». Выпускники этого класса по оплате труда приравнивались к лицам, окончившим педагогические училища. Ежегодно хорошо успевающие выпускники имели возможность льготного поступления в Нижнетагильский педагогический институт. Я знаю некоторых бывших слушателей подкласса, которые потом всю свою последующую жизнь посвятили педагогике. В 1966 году газета «Новая жизнь» поведала, что в верхотурской средней школе учителями работали 26 ее выпускников. Целый класс!

Полагаю, что не многие средние школы в стране стали тогда ковать педагогические кадры у себя. Со мной, например, в школьном интернате жили два слушателя педагогического класса из белорусского села. Одному, Ивану Ивановичу, было лет 30, он хромотал, так как мальчишкой, когда немецкий солдат сбросил его с печи, он сломал ногу, доктора, естественно, поблизости не было, и она срослась неправильно. Второй, Николай, только-только отслужил в армии срочную. Каким образом они узнали про Верхотурье?.. Потом, отучившись, они уехали на родину. Да, добрая слава всегда бежит впереди.

В 1968 году Константин Никитич переехал в Качканар, и там тоже был директором. А в 1977 году в зените славы он ушел на пенсию. И ведь были еще силы и на здоровье не жаловался. Но он ушел, чтобы дать дорогу молодым, дать возможность расти другим. Тут не лишне будет напомнить, что сам он директором школы стал в 23 года. Однако из общественной жизни Качканара Новиков не исчез: он все так же, как и прежде, читал лекции на международные темы, участвовал в различных мероприятиях, особенно в военно-патриотических, в деятельности городского совета ветеранов.

Мы живем в необычное время: новое тысячелетие и новый век, высокие технологии и высокие скорости жизни, меняется общество и отношения между людьми.

Конечно же, как учитель Константин Никитич не мог не задумываться, а что потребует новое время от школы? Несомненно, новых, более глубоких и разносторонних знаний, появятся новые предметы. Но одно бесспорно: роль учителя остается неизменной, не только как человека, передающего знания, но и как наставника, помогающего ответить на главные жизненные вопросы. А значит важнейшая цель современного образования - научить детей лучше ориентироваться в жизни, суметь найти свое предназначение, стать свободной, творческой и ответственной личностью. А сам учитель должен быть не только грамотным предметником, шагающий в ногу со временем, но и хорошим воспитателем, тонким психологом, умеющим подобрать ключик к сердцу каждого ученика.

Наверное, старый учитель думал и о том, что остается от человека после жизни? Горстка праха?.. Тогда для чего рождаться? Для чего жить? Время – вещь неподвластная человеку и память о каждом, вероятно, не сохранит. Сколько прошло людей через его жизнь, облики, черты лица многих давно стерлись, исчезли. А ведь казалось, что навсегда отпечатались в памяти те, с кем довелось в войну есть из одного котелка, с кем ходил в смертельный бой, о ком заботился в медсанбате... А так же учителей-коллег... А учеников... Но при этом душа его не могла не радоваться тому, что все это было, было в его непростой жизни. И сердце переполнялось любовью и грустью к прошлому, настоящему и будущему. Нет, сколько бы ни прошло времени, как бы ни изменилось само лицо земли, солнце всегда будет ласково светить, согревая своим теплом все живое. И всегда будет востребован учитель, несущий свет и добро. В этом он убежден твердо.

Самойлик Вера Павловна

Агния Ивановна Удинцева

Мне всегда интересно узнавать о людях, на которых хочется равняться, восхищает их жизненная позиция, а так же их высокий профессионализм. И при всех этих достоинствах они очень скромны и не любят публичности.

Начну с вопроса-загадки. Без её подписи и печати вы не пройдёте ни одну медицинскую комиссию. Не поступите ни в одно учебное заведение, не устроитесь ни в колонию, ни полицию, ни получите водитель-

ских прав, тем более не приобрести вам и ружья. Я, уверена, вы догадались о ком пойдет речь.

Да, это все зависит от Агнии Ивановны Удинцевой. Врач психолог–нарколог высшей категории.

Заметный след в истории верхотурской медицины в конце XIX–начале XX веков оставил земский врач К.М.Петров, в XX веке – М.П.Жданова, М.Д.Кореньюшкина и ещё много достойных врачей. В XXI веке мне хочется отметить Агнию Ивановну Удинцеву. Перед тем как решится написать эту статью о ней, я провела небольшой опрос жителей нашего города: от школьников до пожилых людей. Вопрос звучал так: «Знаете ли вы Агнию Ивановну?». Даже не называя её фамилии, все без исключения ответили – «Да!». Я очень долго уговаривала Агнию Ивановну рассказать о себе, о своей профессии. Наконец, она согласилась и мы встретились. Вот что она поведала о себе.

Родилась Агния Ивановна 16 сентября 1936 года в многодетной семье (семь детей), в деревне Докучаево Кильмезского района Кировской области. Эту деревню основал её прапрапрадед по отцовской линии – донской казак Семён Докучаев, который прибыл на освоение Вятских земель в 1724 году.

Отец – Докучаев Иван Андреевич (1900-1956) по тем временам был грамотный человек, потому что закончил два класса церковно-приходской школы. Всю сознательную жизнь проработал в колхозе. В 1941 году был призван в ряды Рабоче-Крестьянской Красной армии, получил тяжелое ранение, был комиссован в 1943 году инвалидом II-й группы. Вернувшись с войны, работал в колхозе мастером по изготовлению хозинвентаря, а так же на колхозной конюшне. Без дела не сидел – в свободное время мастерил кадушки, манки, мастерки-точилки для ручных кос и косилок.

Мать – Докучаева Мария Кузьмовна (1898-1979) на момент замужества не умела читать и писать, но очень хотела научиться грамоте и, уже имея троих детей, окончила школу ликбеза. Вела немалое домашнее хозяйство, по возможности создавая уют и теплую атмосферу, и при этом сдержанно и спокойно воспитывала детей, обучая жизненным навыкам и трудолюбию.

В семье всегда был мир и взаимопонимание. Родители, понимая необходимость образования, трепетно относились к обучению детей; помогали в освоении азов начальных классов, прививая стремление к знаниям, давали напутственные советы в приобретении специальности. Детей никогда не наказывали физически, не унижали и не оскорбляли – достаточ-

но было слова отца или матери – это являлось законом для всех детей. В минуты отдыха мама, которая обладала хорошим музыкальным слухом, с подружками пела на посиделках по рукоделию. свадьбах, а отец иногда играл на балалайке, поэтому дети знали и с удовольствием пели все народные песни того времени. Это было счастливое время и дети чувствовали себя в семье хорошо и уютно.

Из семи детей старшей была сестра Антонина (1928 г.р.), брат Иван (1938 г.р.), второй брат Петр и ещё сестры Лидия, Валентина и младшенькая Галина. У всех детей привычные русские имена. Но, вот пятого ребенка, ещё одну доченьку, родители решили назвать Агнией, хотя это имя тоже было русским, но для деревенских девочек как бы редким, но только не в их деревне. Как сама Агния Ивановна рассказала, справа и слева от них у соседей тоже были названы так дочери. Маме очень нравилось это имя, и она решила назвать так и свою дочь. Самой же Агнии Ивановне это имя не нравилось, потому что в школе её называли Агнешей, а дома Агнюша (имя Агния – означает чистая, непорочная).

Агния в семье была пятым ребёнком. С семи лет училась в Докучаевской начальной школе, потом перешла в Кильменскую среднюю школу, где закончила восемь классов. Все школьные годы Агния училась почти на «отлично». В 1952 году, в связи с тяжелым материальным положением в семье и по настоянию родителей, поступила в Уржумскую фельдшерскую школу. Закончив двухгодичное обучение, получила специальность медицинской сестры. В конце июня 1954 года по распределению приехала в село Талица Кировской области, где и проработала до 1959 года медсестрой в селекционных детских яслях. Работала Агния с удовольствием, но хотелось добиться большего в этой профессии – получить высшее медицинское образование. Для реализации задуманного она пошла в Талицкую вечернюю школу, где получила аттестат о среднем образовании, а затем успешно поступила в Пермский государственный медицинский институт, который закончила в 1965 году. Агния Ивановна, человек очень ответственный и дисциплинированный. Эти качества у неё ещё с детства сформировались, что бы повсюду успевать. Эти качества ей помогли и в учебе. Самые счастливые молодые годы это, конечно, студенческие. Училась она успешно и у неё оставалось свободное время на посещение театра оперы и балета, постоянно она посещала филармонию, а так же поэтические чтения (любимый поэт Агнии Ивановны – Сергей Есенин). Именно во время учебы в институте она познала высокое искусство. С подругами не пропускала ни одной премьеры в театре, а так же пела в институтском хоре. После окончания института полу-

чила направление в Нытвинскую районную больницу (Пермский край), где и проработала пять лет отоларингологом. Работа нравилась, но к сожалению, стала часто болеть простудными заболеваниями (инфицировалась от больных) и решила сменить профиль работы. В 1970 году вышла замуж за Удинцева Валерия Михайловича и приехала в Верхотурье, где проживает уже полвека и может себя по праву считать местным жителем. Пройдя специализацию на врача-терапевта, была принята на работу в Верхотурский ЛТП. Работая в специализированном учреждении по лечению людей от алкоголизма, Агния Ивановна занималась самообразованием: изучала литературу по вопросам психиатрии и наркологии. В 1994 году после закрытия ЛТП, прошла специализацию по психиатрии на базе Пермского мединститута и в 1995 году была принята в Верхотурскую центральную районную больницу психиатром-наркологом. На протяжении 25 лет работы в ЦРБ с коллективом у Агнии Ивановны сложились доброжелательные, доверительные взаимоотношения. За время работы по этой специальности она регулярно повышала профессиональный уровень: обучение на очередных специализациях, ежемесячные врачебные конференции, обязательные квалификационные аттестации, подтверждения должности на первую категорию.

16 сентября этого года у Агнии Ивановны будет юбилей. Ей исполнится 85 лет, но до сих пор она востребована на работе. Ведёт очень активный образ, у неё много увлечений. У Агнии Ивановны прекрасный характер, она общительна, любит хороший юмор. С ней интересно. В молодости она любила путешествовать по России: побывала в Москве, Ленинграде, Новосибирске, Томске, Омске. Пять раз была в Сочи, а также посещала и республики СССР – это Украина, Казахстан, Азербайджан, Грузия, Армения. Раньше много читала художественной и познавательной литературы. К сожалению, сейчас из-за проблем со зрением приходится себя в чтении ограничивать. Прекрасная швея, себе сама могла сшить красивую одежду. Сейчас с удовольствием работает на приусадебном участке, делает сезонные заготовки. Любит смотреть телепередачи КВН, новости, любимый телеканал – «Звезда». Часто ходит в храм. Очень любит детей и подростков. Своих детей у Агнии Ивановны нет, но она всю жизнь помогает своим племянникам. Сопереживает и интересуется судьбой каждого призывника. Так как она психиатр-нарколог, без неё не обходится ни одна призывная компания, она всегда входит в призывную комиссию. Даже после того, как ребята приходят из армии, следит за судьбой и здоровьем бывших призывников. С теплым чувством она вспоминает о своей маме, которой всегда помогала матери-

ально. Регулярно посылала ей деньги, приезжала во время отпуска и всегда строго следила за её здоровьем.

Заранее не поздравляют с днём рождения, но мне очень хочется накануне прекрасного юбилея Агнии Ивановны пожелать этой удивительной, интеллигентной, высокообразованной, красивой женщине крепкого здоровья, позитива и исполнения всех желаний. И ещё долго оставаться в строю. Не так много мы знаем примеров, что бы и в 85 лет быть нужным людям. И не просто быть, а быть востребованным в своей профессии. За свою долгую трудовую деятельность Агния Ивановна была награждена множественными почетными грамотами. Является ветераном труда.

Фомичёв Игорь Алексеевич

Обзор литературы по истории города Серова

В 2023 году нашему городу исполнится 130 лет. За это время появилось определённое количество публикаций, посвящённых различным сторонам жизни города. Однако, обзорной статьи по изданным материалам до сих пор нет. Надеюсь, данная работа восполнит этот пробел.

Город Серов (до 7 июня 1939 года – Надеждинск) расположен на восточном склоне Уральских гор, на реке Какве в восьми километрах от впадения её в реку Сосьву. Возникновение города связано с постройкой сталерельсового завода. Своё первоначальное название он получил по имени владелицы Богословского горного округа Надежды Михайловны Половцовой, которая 13 июля (26 по новому стилю) 1893 года заключила с Управлением по сооружению Транссибирской железнодорожной магистрали договор на изготовление рельсов и доставку их к месту назначения. Эту дату и нужно считать днём рождения нашего города, так как документ предполагал возведение в глухой уральской тайге современного промышленного предприятия, давшего жизнь заводскому посёлку. Строительство Надеждинского завода положило начало бурному экономическому развитию Северного Урала, включению его во всероссийский рынок. Именно при Половцовых наш край, бывший по существу далёкой провинцией, превратился в стабильно развивающийся экономический регион. Для своего времени Надеждинский завод был ведущим современным предприятием, предоставившим работу людям, приехавшим сюда из менее благополучных в экономическом отношении районов страны: Вятки, Поволжья, Западной Сибири. Уровень оплаты труда рабочих и служащих не уступал столичным расценкам. Естественно он зависел от

квалификации работника. Так, квалифицированный рабочий Надеждинского завода получал в месяц до 33-х рублей (на Путиловском заводе в Петербурге – 31-32 рубля). С 1899 года рабочим завода стали выделять в собственность земельные участки для индивидуального строительства. Качество жизни, как и теперь, зависело от уровня квалификации, а процент квалифицированных рабочих на предприятии был довольно высок (около 40%). Это объяснялось тем, что на завод приезжали рабочие уже обладавшие профессиональными навыками.

В 1920-1930-е годы наш город вырос в крупный административный и промышленный центр Северного Урала. Его градообразующее предприятие – металлургический завод, в начале 1930-х годов перешёл на производство качественных и высококачественных сталей, главным образом для автотракторной промышленности. В 1933 году вступил в строй крупнейший в Советском Союзе калибровочный цех, что позволило серовским металлургам значительно увеличить выпуск качественного проката. Накануне войны в городе действовал целый ряд новых производств: завод №76 Народного Комиссариата Боеприпасов (ныне – Серовский механический завод), деревообрабатывающий комбинат, ремонтный завод. Выросло транспортное значение города, Надеждинское отделение железной дороги полностью перешло на широкую колею. В январе 1939 года население Надеждинска составляло 64900 человек. По решению руководства РСФСР Надеждинск был отнесён к городам областного подчинения. В годы Великой Отечественной войны серовцы внесли существенный вклад в победу над фашизмом. Металлургический завод стал одним из ведущих предприятий страны по производству высококачественной стали. В обычных мартенах специалисты завода наладили выплавку сложнелегированных сталей, впервые в стране освоили выпуск феррохрома в доменных печах и шарикоподшипниковой стали в основных мартенах. За годы войны завод освоил более 125 марок стали. С первых дней войны приступил к выполнению мобилизационного плана и завод №76. Он производил артиллерийские снаряды различного назначения и вида: фугасные, осколочные, дымовые, а также детали для реактивных снарядов («катюш») и авиацилиндры. Огромную помощь оказывали фронту жители города и района. Немало средств они собрали в Фонд обороны. Проявили себя серовцы и на полях сражений Великой Отечественной войны. Наши земляки воевали на всех фронтах в составе многих прославленных соединений, в том числе сформированных на Урале – 10-м Уральско-Львовском гвардейском добровольческом танковом корпусе, 3-й, 363-й и 375-й стрелковых дивизиях. Родина высоко

оценила их подвиг, 16 жителей города и района удостоены звания Героя Советского Союза, трое стали полными кавалерами ордена Славы. Многие фронтовики за мужество и героизм награждены орденами и медалями.

В послевоенные годы Серов продолжал наращивать свой потенциал. Вступили в строй ГРЭС, ферросплавный завод, завод ЖБИ. Серовский завод ферросплавов является крупнейшим заводом области подобного рода. Его продукция поступала на уральские заводы чёрной металлургии, пользовалась большим спросом за рубежом. Базой электроснабжения всего Северного промышленного узла и по сей день служит Серовская ГРЭС, расположенная на берегу реки Сосьвы. В июле 1954 года первый блок ГРЭС дал промышленный ток, а через шесть лет завершилось строительство всей станции мощностью 600 тысяч киловатт. В 1960-1980-е годы Серовское отделение железной дороги было ведущим железнодорожным узлом Северного Урала, через который проходили многие миллионы тонн грузов – уголь, руда, лес, металл. Здесь сходились четыре железнодорожных линии: Серов – Сергино (северная линия), Серов – Гороблагодатская (южная линия), северо-западная Богословская линия с двумя разветвлениями на города Карпинск и Североуральск, юго-восточная линия на станцию Сосьва. Аэропорт Серова осуществлял перевозки пассажиров в масштабе области, а также обслуживал отряды лесной охраны, санитарную и геологическую службы. По переписи населения 1959 года в городе проживало 97,9 тысяч человек. Не последнее место Серов занимал и в культурной жизни региона. В нашем городе функционировали общетехнический факультет Уральско-го политехнического института, металлургический техникум, пять ГПТУ, медицинское, педагогическое и торгово-кулинарное училища. Во Дворце культуры металлургов работал единственный на Северном Урале государственный драматический театр имени А.П.Чехова. К услугам населения действовало три Дома культуры, шесть клубов, краеведческий музей, 18 библиотек, пять современных кинотеатров, четыре стадиона. В 1970 году вступил в строй прекрасный Дом спорта. Городская больница №1 обслуживала жителей Ивдельского, Верхотурского, Гаринского и других районов. В 1975 году в Серове насчитывалось 104,1 тысяча жителей, в районе – 36,9 тысяч. В 1980-е годы город продолжал активно развиваться. На его карте появились новые жилые кварталы, застроенные пяти–девятиэтажными домами с детскими садами и школами. Именно в этот период город приобрёл современный облик.

Историография города Серова, в силу его относительной молодости, не очень обширна. До 1930-х годов она, в основном, была представлена воспоминаниями, журнальными и газетными статьями. Первой работой в этом ряду стала публикация главного управляющего Богословским горным округом А.А.Ауэрбаха «О постройке в Богословском округе Надеждинского завода», напечатанная в журнале «Известия горных инженеров» №4 за 1897 год. В ней автор подробно рассказывает о выборе места под будущее предприятие, его строительстве, технологических особенностях и планах развития производства, лишь вскользь упоминая о возведении посёлка. Подобный характер носит и очерк о Надеждинском заводе известного русского учёного С.П.Вуколова, опубликованный им в 1900 году по итогам посещения Богословского горного округа в книге «Уральская железная промышленность в 1899 году». Первой краеведческой работой, в полном смысле этого слова, можно считать летопись Спасо-Преображенского собора, составленную священником Африканом Богомолковым, жившем в нашем городе с 1903 по 1919 год. Рукопись содержит сведения об окружающей природе, быте и занятиях жителей посёлка. Записки о.Африкана ценны тем, что их автор был непосредственным очевидцем и участником многих событий, происходивших в то время в Надеждинске.

В 1920-е годы выходит в свет ряд публикаций, посвящённых революционной тематике. Среди них отметим статьи А.А.Тягунова «Очерк работы Надеждинской организации» и П.В.Мурашёва «Страничка революционного движения на Урале», посвящённые становлению социал-демократического движения в посёлке. В 1926 году в связи с 20-летием первой русской революции Мурашёв издаёт книгу «Надеждинск» (1905 год в Надеждинском заводе), в которой автор, пытаясь дать объективную картину происходивших в Надеждинске событий, высказывает сомнение относительно влияния местных большевиков на заводских рабочих, категорически отрицая сам факт политической борьбы. В первую очередь, по мнению Мурашёва, движущей силой выступлений рабочих являлись не политические партии или лозунги, а экономические интересы, направленные на улучшение материального положения. В подтверждение своей правоты Пётр Васильевич ссылаясь на программу Надеждинского Совета. Несмотря на принадлежность автора к меньшевизму книга выдержала несколько изданий. Однако, в 1930-е годы такая точка зрения стала противоречить официальным взглядам на события 1905 года. В этой связи книга Мурашова оказалась на долгие годы забытой.

В 1932 году предпринимается первая попытка написать книгу по истории города. В это время по инициативе писателя А.М.Горького, одобренной Центральным комитетом ВКП(б), в СССР началась большая работа по написанию истории фабрик и заводов. За шесть лет (1931-1937) было издано более 20 книг по истории крупнейших предприятий страны. В январе 1932 года в Надеждинске при газете «Пролетарий» организуется местная комиссия по созданию «Истории Надеждинского завода». Для подготовки к изданию книги из Свердловска пригласили известного уральского журналиста А.Г.Попова (литературный псевдоним «Маленький»). Большая часть собранного материала, охватывающего период с 1893 по 1919 год, под названием «История Надеждинского завода» была напечатана в журнале «Штурм». Что касается книги, то до её издания дело не дошло, так как в ней много внимания уделялось людям, в начале 1930-х годов оказавшимся в оппозиции к генеральной линии партии. Кроме того, в ней цитировались в большом количестве речи, статьи и документы белогвардейцев и буржуазных деятелей. Лишь небольшая часть материала в 1934 году была опубликована Свердловским государственным издательством в виде брошюры «1905 год» (из истории Надеждинского завода). Маленький заострил внимание читателей как раз на вопросах политического противостояния рабочих и заводской администрации, показал большевиков единственной силой, способной на тот момент решать все насущные проблемы посёлка и его жителей. В отличие от Мурашёва Алексей Георгиевич не принадлежал к числу очевидцев тех событий, поэтому в основу его книги были положены воспоминания надеждинских рабочих, довольно субъективно трактующих былое. Ради справедливости заметим – не все тексты, подготовленные для книги, были использованы автором. Так, например, не попали в книгу воспоминания Михаила Титова (бывшего священника Спасо-Преображенского собора) и Михаила Ярдякова (рабочего сортопрокатного цеха). Эти материалы в основном отображали обыденную жизнь посёлка, рисовали картину окружающего мира глазами обывателя, а не революционера, за что и оказались невостребованными. А.Маленький собирался продолжить работу над «Историей Надеждинского завода», но в 1937 году был незаконно арестован и осуждён к 10 годам лишения свободы.

Годы первых пятилеток пробудили интерес творческой интеллигенции к производственной тематике. Надеждинский (в 1934-1937 годах – Кабаковский) металлургический завод в результате реконструкции перешёл на выпуск новой продукции. О трудностях переходного периода и

героях-стахановцах, выведших предприятие на новые рубежи, повествует книга К.К.Стешенко «Кабаковские прокатчики», изданная в 1936 году в Свердловске Уральским домом техники. В книге подробно излагается технологический процесс производства качественных сталей. Она включала в себя семь глав: «От рельс к качественному прокату», «Борьба за башмак», «Цехи перестраиваются», «Третий передел», «По-новому работать, по-новому руководить», «Универсальная калибровка», «Стахановский стиль работы на заводе». Переход на производство качественных сталей дался заводу нелегко. Отсутствие опыта и необходимого количества подготовленных людей сказалось на всех цехах. Однако нельзя сказать, что книга имеет сугубо технический характер. На её страницах оживают удачно выписанные образы инженеров, техников и рабочих, что делает книгу интересной не только для специалистов-металлургов, но и для простых читателей. Каждый может найти в ней что-то своё.

В 1946 году за успешную работу в годы Великой Отечественной войны и в связи с 50-летием металлургический завод был награждён орденом Трудового Красного Знамени. О трудовом подвиге металлургов, о выплавке новых марок стали и о работе предприятия в послевоенный период рассказывается в книге З.А.Янтовского «На 60-й параллели», в которой наш город представлен как «Северный полюс» советской чёрной металлургии. В ней речь идёт о работе завода в военные и первые послевоенные годы. Много материала посвящено знатным работникам завода: доменщикам Д.П.Мухаркину, К.Н.Калинину, сталеварам Л.Чеклецову, И.А.Бетехтину, И.Л.Пономарёву, горновым Г.Фукалову, И.В.Павлову, Я.Сагдееву, рационализатору Ивану Васильевичу Костину, директору завода Марку Харитоновичу Лукашенко. В главе «Обычный день» подробно описываются рабочие будни завода, уделяется большое внимание мастерам Ивану Гавриловичу Мелещенко, Дорофею Яковлевичу Кокорину, Никите Капитоновичу Соколову, инженерам Василию Михайловичу Морозовову, Ивану Григорьевичу Арзамасцеву, Владимиру Павловичу Филатову, И.Ф.Грановскому и Л.П.Баклановскому. Глава «Это никогда не забудется» рассказывает о самоотверженном труде заводчан в годы войны, о выплавке новых марок стали, получении феррохрома, о приезде наркома чёрной металлургии Ивана Фёдоровича (Ованеса Тевадросовича) Тевосяна, о социалистическом соревновании с Чусовским металлургическим заводом. Работа Янтовского посвящена производственной тематике, в чём и заключалась основная задача автора, собственно история города в ней не представлена. Книга издана в 1949 году Свердловским книжным издательством.

Отдельно стоит остановиться на истории создания книги «Самый северный» автора Б.С.Рябинина. В августе 1944 года отмечалось 50-летие основания города. 13 июня на пленуме горкома ВКП(б) принимается решение издать к юбилею сборник воспоминаний старых рабочих с момента возникновения города и завода. Трудности военного времени не позволили осуществить задуманную идею. В 1947 году руководство завода вернулось к мысли о книге. Договор на сумму 50 тысяч рублей заключили с известным уральским писателем Б.С.Рябининым. Борису Степановичу потребовалось два года, чтобы подготовить книгу к изданию. В 1950 году она вышла в свет в Свердловском областном государственном издательстве. Научным консультантом выступил кандидат исторических наук Я.С.Юферов. В окончательном варианте работа Рябинина получила название «Самый северный» (очерки по истории металлургического завода имени А.К.Серова). Книга включала в себя 16 глав: «Наеждинские рельсы», «Возмущение», «Годы испытаний», «Отречёмся от старого мира», «Белые», «Завод-комбинат», «Борьба за новое», «Лётчик Анатолий Серов», «Феррохром», «На канаве», «Во славу Родины», «В пятом ремесленном», «Углежоги», «Цех номер один», «Дворец культуры», «Сегодня и завтра». Историю города и завода автор впервые рассматривал как единое целое. В книге появляются главы, рассказывающие о лётчике Анатолии Серове, культурной жизни, планах развития города. Вместе с тем в книгу попали и легенды, не имеющие ничего общего с историей города, такие как посещение Наеждинска Надеждой Половцовой, нелегальный приезд Якова Свердлова, пребывание в посёлке командира 16-го Ишимского стрелкового полка капитана Казагранди, подготовка «врагами народа» диверсий на металлургическом заводе с целью уничтожения производства. Первые пять глав были написаны на основе материалов, собранных А.Маленьким, что впоследствии негативно отразилось на судьбе Рябинина и его книги. Во-первых, автора обвинили в плагиате, во-вторых, ему нельзя было пользоваться трудами А.Маленького, объявленного «врагом народа» и арестованного в 1937 году. Буквально через несколько месяцев после издания книги тираж изъяли из библиотек. В настоящее время эта книга является библиографической редкостью.

В преддверии празднования 40-летия Советской власти в 1957 году Свердловским книжным издательством была опубликована книга воспоминаний депутата II Государственной Думы В.А.Чашина «В суровые годы». Её первые главы посвящены Наеждинску. Автор в повествовательной форме рассказывает о своей работе на сталерельсовом заводе, о

нравах и быте надеждинцев, подробно знакомит читателя с зарождением социал-демократической организации, первыми революционерами. Много места в книге Чашин уделяет событиям 1905 года, подробно описывает борьбу надеждинских рабочих с заводской администрацией. Оппонируя Мурашёву, Василий Андреевич утверждал, что она имела ярко выраженный политический характер, а во главе масс стояли большевики – руководители Надеждинского Совета, к этому времени размежевавшиеся с меньшевиками и эсерами. В результате твёрдой позиции большевиков, продолжает Чашин, удалось добиться значительных уступок от заводской администрации.

С выводами Чашина полностью соглашается Раиса Исааковна Валек (Ронина), автор книги «Жизнь в борьбе», изданной в 1963 году. Несколько глав книги посвящены надеждинскому периоду её жизни. В них идёт речь о деятельности местной социал-демократической организации в период первой русской революции. Автор подробно рассказывает о формах и методах борьбы, целях и задачах организации. Отдавая должное книгам Чашина и Валека, со своей стороны заметим – оставаясь пламенными революционерами-большевиками, они трактовали происходящее с точки зрения господствующей идеологии, пропагандирующей руководящую и направляющую роль коммунистической партии в развитии общества. Несмотря на идеологические издержки, книги Чашина и Валека до сих пор занимают видное место в историографии Надеждинска-Серова.

В 1958 году Свердловское книжное издательство в серии «Города Свердловской области» опубликовало книгу А.М.Мошкина «Серов». Рецензентами книги были заведующий отделом экономических исследований Уральского филиала АН СССР Н.М.Кокосов (первый секретарь горкома ВКП(б) в 1941-1944 годах) и научный сотрудник отдела В.И.Никулин. Работа написана в научно-популярной форме, что весьма отличает её от своих предшественников. Автор знакомит читателей с географическими и природными условиями, историей, современным состоянием экономики и культуры, перспективами развития города. Дореволюционный период занимает несколько страниц и скорее напоминает краткий конспект основных событий в истории города. Основная же часть книги посвящена достижениям эпохи социализма и изменениям, произошедшим в жизни горожан. Показывая место города в истории страны, Александр Михайлович писал: «Город славных революционных традиций, Серов внёс крупный вклад в борьбу за построение социализма. Вместе со всей страной рабочие Серова боролись за свержение капитализма, установление диктатуры пролетариата и построение социалисти-

ческого общества. В суровые годы Великой Отечественной войны трудящиеся Серова внесли ценный вклад в дело укрепления оборонной мощи нашей Родины. В послевоенный период трудящиеся Серова самоотверженно трудятся, участвуя в общей борьбе советского народа за новый мощный подъём социалистической промышленности, за ускорение движения нашей страны к коммунизму».

Продолжая производственную тему, стоит обратить внимание на книгу Д.П.Мухаркина «Жизнь у огня» вышедшую в 1969 году в Средне-Уральском книжном издательстве. Автор книги – знатный металлург, Почётный гражданин города, депутат Верховного Совета РСФСР 2-го, 3-го и 4-го созывов, член Президиума Верховного Совета РСФСР в 1955-1959 годах, кавалер ордена Ленина и трёх орденов Трудового Красного Знамени. В книге много внимания уделяется работе металлургического завода в 1920-1950-е годы, отдельные главы посвящены стахановскому движению, модернизации производства, социалистическому соревнованию, как внутри завода, так и между металлургическими предприятиями страны. Повествование оживляют интересные зарисовки из жизни и быта горожан периода НЭПа. На примере своей жизни Мухаркин показывает, каких высот может достичь простой советский человек в стране победившего социализма.

В 1972 году Средне-Уральским книжным издательством была опубликована книга серовского краеведа Л.И.Дзюбинского и свердловского журналиста А.Р.Пудваля «Город Серов». Рецензировал книгу кандидат исторических наук А.Г.Козлов. Материал, представленный в работе, охватывает период с 1893 до начала 1970-х годов. В ней подробно говорится об основании города, революционном движении, событиях 1917 года, о сталерельсовом заводе в годы индустриализации и Великой Отечественной войны. Основная часть книги посвящена развитию экономики города, особенно в послевоенное время, а также строительству новых предприятий. Не забыли авторы работников культуры, образования, здравоохранения, социальной сферы. При написании данной работы был привлечён широкий круг источников, ранее не использовавшихся исследователями. В частности, Дзюбинскому удалось обнаружить доклад Ауэрбаха «О постройке в Богословском округе Надеждинского завода», проливающий свет на вопрос о дате основания города. Опираясь на текст документа, Дзюбинский считает датой основания Надеждинска-Серова сентябрь 1893 года, когда Ауэрбах окончательно выбрал площадку под строительство завода. В 1981 году книга с небольшими дополнениями была переиздана Л.И.Дзюбинским под названием «Серов», которая вы-

шла в серии «Города нашего края» в Средне-Уральском книжном издательстве. Первые два издания по содержанию практически не отличались друг от друга. Продолжая заниматься историей города, в 1999 году Лев Иосифович завершил работу над книгой «Три имени города», вышедшей в Средне-Уральском книжном издательстве. Она построена по принципу биографических очерков о людях, чьи имена носил наш город – Надежде Михайловне Половцовой, Иване Дмитриевиче Кабакове и Анатолии Константиновиче Серове. Говоря о дате рождения Н.М.Половцовой, Лев Иосифович базировался на воспоминаниях её внука – Петра Александровича Оболенского, который в силу своего возраста, неправильно привёл в воспоминаниях годы жизни бабушки. Согласно Оболенскому, Половцова родилась в 1842 году. Длительное время эта дата не подвергалась сомнению и только в 2007 году, благодаря серовскому краеведу Андрею Витальевичу Гребёнкину удалось установить истину. Побывав на месте погребения Половцовой в Ивангороде (Ленинградская область) Гребёнкин обнаружил мраморное надгробие с датами жизни Надежды Михайловны: 10 декабря 1843 – 9 июля 1908. В 2002 году книга «Три имени города» вошла в сборник «Кто в имени твоём», выпущенный екатеринбургским издательским домом «Сократ». В приложении к книге впервые были опубликованы воспоминания уроженца Надеждинска Бориса Константиновича Луканина «Реки детства». Речь в них шла о природе края, жизни и быте рабочих Надеждинского завода в 1918-1923 годах. Признавая талант Льва Иосифовича Дзюбинского и его несомненные заслуги в области краеведения, следует отметить, что работы автора всё-таки написаны в русле официальной советской идеологии, когда творцом истории выступала Коммунистическая партия, а советский период, по сравнению с дореволюционным, рассматривался, как поступательное движение вперёд к светлому будущему. Лев Иосифович Дзюбинский внёс огромный вклад в изучение истории нашего города. Его перу принадлежат книги «Свет над тайгой», в соавторстве с З.М.Дзюбинской (2001), «А.А.Ауэрбах. Выдающийся горный инженер России» (2004), «Герой Советского Союза Б.П.Кирпиков» (2005), «Герой Советского Союза А.Н.Коняев» (2005), «Творцы горячего металла» (2006).

В 2008 году стараниями Андрея Гребёнкина свет увидела новая книга «Надежда Михайловна Половцова», посвящённая 165-летию со дня рождения владелицы Богословского горного округа. В книгу вошли материалы о семье Половцовых и истории города Надеждинска. «Главная цель, – писал автор-составитель, – соединить в одном издании все

найденные материалы о семье Половцовых, статьи и исследования, посвященные этому роду». Книга содержит большое количество редких фотографий. В ней содержатся подробные сведения не только о самой Надежде Михайловне и её ближайших родственниках, но и о судьбах потомков. Вступительное слово к книге было написано правнуком Половцовой протопресвитером Борисом Бобринским – доктором богословия, заслуженным деканом Свято-Сергиевского Православного Богословского института в Париже. Книга издана серовской типографией «Север». Едва увидев свет, она стала библиографической редкостью.

Работа над изучением истории города продолжается и в настоящее время. В этой связи необходимо упомянуть о книгах серовского историка Фомичёва Игоря Алексеевича, вышедших в последние годы. В 2006 году была опубликована первая книга автора «Надеждинск – Серов. Очерки истории образования», в которой подробно рассматривается история становления народного образования в нашем городе.

В 2011 году И.А.Фомичёв в соавторстве с историками А.Г.Борисовым и Ю.В.Гунгером опубликовал книгу «Музеи Северного Урала в первой половине XX века», где авторы дают широкую картину истории развития музейного дела на Северном Урале, рассматривают вопросы профессиональной деятельности первых музеев региона: Фёдоровского геологического, Надеждинского краеведческого и Верхотурского краеведческого, увлекательно рассказывают об энтузиастах, подвижниках, оставивших заметный след в музееведении и изучении родного края. Хронологические рамки исследования охватывают период с 1894 по 1960-е годы.

Особое место в творчестве автора принадлежит книге «Политические репрессии в Надеждинске. 1918-1952 гг.», увидевшей свет в 2012 году. Она повествует о делах, сфальсифицированных городским отделом ОГПУ-НКВД-МГБ по политическим мотивам; надеждинцах, ставших жертвами террора, развязанного властью; а также о методах работы следственных органов и наиболее значительных политических процессах, коснувшихся нашего города. Здесь же приводится полный список жителей города, ставших жертвами политических репрессий в годы Советской власти.

В 2013 году вышла книга «Город Надеждинск. 1893-1940 гг.». В ней освещены вопросы социально-экономического, общественно-политического и культурного развития Надеждинска-Серова в первые 50 лет существования города. Монография написана на основе архивного материала, большинство которого впервые было введено в научный обо-

рот, что позволило И.А.Фомичёву более полно и объективно показать жизнь города в наиболее сложные периоды российской истории, как например, годы революции и Гражданской войны, политических репрессий. В отличие от сложившихся традиций, книга по-новому освещает вопрос о дате основания города. Отдельная часть книги посвящена истории православных приходов Надеждинска. В монографии подробно рассказывается о деятельности органов местного самоуправления, впервые публикуются сведения о надеждинцах, погибших на фронтах Первой мировой, Гражданской и советско-финской войн. В дополнение к основному тексту в книге содержится большая подборка воспоминаний надеждинцев, позволяющих увидеть происходившие события глазами очевидцев. Во втором издании книги (2016 год), пополнен раздел библиографии, в список жертв политических репрессий добавлены фамилии жителей станций Кола Уральская, Углежжение, Урай, посёлков Черноряка и Нижняя Пристань, входящих в настоящее время в городскую черту.

Следующей книгой Игоря Алексеевича стала работа «Надеждинск в годы революции и Гражданской войны. 1917-1922 гг.», изданная в 2014 году. Автор подробно освещает вопросы социально-экономического, общественно-политического и культурного развития города Надеждинска в указанный период. В монографии рассказывается о деятельности органов местного самоуправления: Комитета общественной безопасности, Волостного земского собрания, уездно-городского Совета, а также о надеждинских вооружённых формированиях Красной и Белой армий, публикуются сведения о наших земляках, погибших на фронтах Гражданской войны и пострадавших в ходе красного и белого террора. В дополнение к основному тексту в книге содержится большая подборка документов и материалов периода революции и Гражданской войны.

В 2015 году вышла очередная книга автора «Надеждинск – Серов. Материалы и документы по истории города. 13 июля 1893 – 3 ноября 1993 гг.». Данная работа представляет собой обзор источников по истории города с момента его образования по 1993 год, когда был распущен городской Совет. Несмотря на довольно внушительный список литературы по истории города, очень много архивных документов оставалось вне поля зрения авторов. Предлагаемая книга имела цель ликвидировать этот пробел и дать возможность читателю ознакомиться с ранее недоступным для него материалом. В числе опубликованных документов – рапорты чинов полиции и жандармерии, циркуляры директоров Надеждинского завода, распоряжения главноуправляющего Богословским гор-

ным округом, постановления Комитета общественной безопасности, приказы военного коменданта округа, протоколы заседаний городского Совета, постановления исполкома и другие документы, проливающие свет на историю нашего города.

В 2016 году Игорь Алексеевич издал книгу «Наеждинск в годы Первой мировой войны. 1914-1918 гг.». Рассматриваемый в книге период истории города ранее был обойдён вниманием со стороны исследователей. Возможно, причиной такого явления было негативное отношение советской исторической науки к Первой мировой войне и всему, что с ней связано. Пожалуй, исключением можно считать февраль 1917 года и последующие события, которым посвящено более значительное количество работ местных краеведов, в которых речь идёт, как правило, о революционных событиях. В монографии автор много внимания уделяет становлению и развитию военного производства на Наеждинском сталелитейном заводе, военнопленным и иностранным гражданам, волею судьбы оказавшихся в Наеждинске, а также повседневной жизни посёлка в условиях военного времени. Впервые приводятся фамилии рабочих и служащих Наеждинского завода, награждённых правительственными наградами за усердный труд в годы войны.

Продолжает список работ И.А.Фомичёва книга «Город Серов в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг.», вышедшая в 2017 году. В монографии подробно рассказывается о деятельности городского Совета по размещению эвакуированных заводов и населения, работе промышленных предприятий, учреждений образования, здравоохранения и культуры. Впервые публикуются материалы о военном производстве на заводе №76 (Серовский механический завод). В книге приводится список жителей города и района, призванных Серовским горвоенкоматом и погибших на фронтах Великой Отечественной войны, а также в войне с Японией.

В 2018 году в свет вышла очередная книга И.А.Фомичёва «Город Серов. 1940-1991 гг.», которая является продолжением монографии «Город Наеждинск. 1893-1940 гг.» и рассматривает вопросы социально-экономического, общественно-политического и культурного развития нашего города в указанный период. Монография написана на основе архивного материала, большинство которого впервые было введено в научный оборот, что позволило автору более полно и объективно отразить жизнь города в наиболее сложные периоды российской истории, как например, Великая Отечественная война, восстановление народного хозяйства, годы перестройки. В книге И.А.Фомичёв уточняет вопрос о дате

основания нашего города и предлагает считать таковой 13 июля (26 по новому стилю) 1893 года. Игорь Алексеевич уделяет более пристальное внимание развитию народного образования, здравоохранения, культуры, спорта в послевоенный период, что ранее практически не освещалось в историографии города другими авторами. Отдельная часть книги посвящена истории православного прихода Пророко-Ильинской церкви. Впервые введен материал, отражающий состояние городской торговли и сферы обслуживания. Книга содержит хронологическую таблицу основных событий городской истории, начиная с 1893 года. Монографию завершает Книга памяти, посвященная нашим землякам, погибшим при исполнении служебных обязанностей по охране государственного строя, ставших жертвами террора и павших на полях сражений в годы Первой мировой, Гражданской, Советско-финской, Великой Отечественной войн, погибших при исполнении воинского долга в Афганистане и на Северном Кавказе.

В 2019 году Игорь Алексеевич издал книгу «Наеждинск Православный». Тема, затронутая автором, практически никогда не звучала в местной краеведческой литературе. В монографии речь идет об образовании и деятельности православных приходов в конце XIX–XX веках, священниках, оставивших заметный след в истории Наеждинска, городских храмах, а также о взаимоотношениях Русской Православной Церкви и Советского государства. Отдельные главы посвящены политическим репрессиям в отношении духовенства, жизни и быту православного населения города. Большое внимание автор уделил истории развития прихода Пророко-Ильинской церкви, образованного в 1947 году, а также строительству кафедрального собора Преображения Господня. Хронологические рамки книги охватывают период с момента основания Наеждинска в 1893 году по 2012 год, когда был освящен храм во имя архистратига Божия Михаила. В этом же году при содействии Епископа Серовского и Краснотурьинского Алексия (Орлова) вышло второе издание книги, дополненное богатым иллюстративным материалом.

В 2020 году увидела свет очередная книга И.А.Фомичёва «Наеждинск-Серов. Городские органы власти. 1917-1997 гг.». В ней автор повествует о деятельности органов местного самоуправления, к которым относятся городской Совет и городской комитет КПСС. В монографии подробно прослеживается процесс их становления и развития, особенно в годы НЭПа, первых пятилеток, Великой Отечественной войны, в годы перестройки и постсоветский период. Немало внимания в книге уделено вопросам развития инфраструктуры города, формированию городской

среды, общественно-политической деятельности граждан, жилищному строительству, экономике. В книге приводятся имена людей, оставивших заметный след в истории нашего города – Героев Советского Союза, Героев Социалистического Труда, депутатов Государственной Думы Российской империи, Верховных Советов СССР и РСФСР, Лауреатов Государственных премий, Заслуженных работников – обладателей почётных званий в сферах промышленности, науки, культуры и образования, кавалеров орденов Ленина, Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, «Знак Почёта», Дружбы народов. В дополнение к основному тексту автор приводит список депутатов городского Совета с 1939 по 1993 годы. В книге читатель может найти биографии руководителей городского Совета, городского комитета партии, а также познакомится с памятниками местной истории и культуры. Отдельная глава посвящена Дню города, на страницах которой нашли отражение мероприятия, проходившие в дни праздника. Не забыл автор и про городские улицы, история которых также прослеживается в данной работе. Книга снабжена хронологической таблицей основных событий в истории города и дополнена библиографическим перечнем основных работ, выходивших в XIX–XXI веках, по истории Надеждинска-Серова.

Сегодня также нельзя пройти стороной мимо работ серовских краеведов Л.Н.Макарова и А.С.Мызникова, появившихся сравнительно недавно в историографии нашего города. В 2015 году Лев Николаевич Макаров опубликовал книгу «Богословский горный округ. 1757-1915 гг. Богословско-Сосьвинская железная дорога. 1884-1935 гг. (в документах и фактах)». Автор на широком фактическом материале раскрыл историю БСЖД, показал её значимость в промышленном развитии региона. Установив взаимосвязь железнодорожной магистрали с предприятиями БГО, он пришёл к выводу, что железная дорога являлась связующей нитью одного большого хозяйственного механизма. Это позволило округу, в дальнейшем Надеждинскому району, занять достойное место в социально-экономическом отношении среди территорий Свердловской области.

В 2018 году из-под пера А.С.Мызникова вышла книга «Защищали Родину на дальних рубежах». На протяжении длительного времени автор занимается военно-патриотической работой с подрастающим поколением. Данная книга стала своего рода подведением итогов его кропотливой поисковой работы. В ней говорится о наших земляках, жителях городских округов Северного управленческого округа, участвовавших в локальных войнах и конфликтах второй половины XX века. Работа содержит подробные биографии ветеранов боевых действий и их воспомина-

ния. Значительная часть материала посвящена жителям города Серова и Серовского района, выполнявшим интернациональный долг за пределами нашей Родины. Не останавливаясь на достигнутом, автор продолжает работу в этом направлении.

В заключение статьи приведу библиографию по истории города Надеждинска-Серова.

Книги

Борисов А.Г. Верхотурское духовенство в годы политических репрессий. Екатеринбург, 2018.

Валек Р.И. Жизнь в борьбе. Свердловск, 1963.

Гребёнкин А.В. Надежда Михайловна Половцова. Серов, 2008.

Гунгер Ю.В., Фомичёв И.А., Борисов А.Г. Музеи Северного Урала в 1-й половине XX века. Верхотурье, 2011.

Дзюбинский Л.И., Пудваль А.Р. Город Серов. Свердловск, 1972.

Дзюбинский Л.И. Серов. Свердловск, 1981.

Дзюбинский Л.И. Три имени города. Екатеринбург, 1999.

Дзюбинский Л.И., Дзюбинская З.М. Свет над тайгой. Екатеринбург, 2001.

Дзюбинский Л.И. А.А.Ауэрбах. Выдающийся горный инженер России. Краснотурьинск, 2004.

Дзюбинский Л.И. Герой Советского Союза А.Н.Коняев. Серов, 2005.

Дзюбинский Л.И. Герой Советского Союза Б.П.Кирпиков. Серов, 2005.

Дзюбинский Л.И. Творцы горячего металла. Серов, 2006.

Макаров Л.Н. Богословский горный округ 1757-1915 гг. Богословско-Сосьвинская железная дорога 1884-1935 гг. (в документах и фактах). Серов, 2015.

Маленький (Попов) А.Г. История Надеждинского завода // Журнал «Штурм» №5-8, 10. Свердловск, 1932.

Маленький (Попов) А.Г. 1905 год (Из истории Надеждинского завода). Свердловск, 1934.

Мошкин А.М. Серов. Свердловск, 1958.

Мызников А.С. Защищали Родину на дальних рубежах. Екатеринбург, 2018.

Мурашёв П.В. Надеждинск (1905 год в Надеждинском заводе). Свердловск, 1926.

Мухаркин Д.П. Жизнь у огня. Свердловск, 1969.

Парфёнов С.А. Завод на таёжной реке. Екатеринбург, 2004.

Решетникова Э.Г. История – это люди. Заводские династии. Екатеринбург, 2006.

Рябинин Б.С. Самый северный (Очерки по истории металлургического завода имени А.К.Серова). Свердловск, 1950.

Стещенко К.К. Кабаковские прокатчики. Свердловск, 1936.

Фомичёв И.А. Надеждинск – Серов. Очерки истории образования. Серов, 2006.

Фомичёв И.А., Борисов А.Г. Верхотурский уезд в период революций и Гражданской войны. Верхотурье, 2009.

Фомичёв И.А. Политические репрессии в Надеждинске. 1918-1952 гг. В 2-х тт. Екатеринбург, 2012.

Фомичёв И.А. Город Надеждинск. 1893-1940 гг. Екатеринбург, 2013.

Фомичёв И.А. Надеждинск в годы революции и Гражданской войны. 1917-1922 гг. Екатеринбург, 2014.

Фомичёв И.А. Надеждинск – Серов. Материалы и документы по истории города. 13 июля 1893 – 3 ноября 1993. Екатеринбург, 2015.

Фомичёв И.А. Надеждинск в годы Первой мировой войны. 1914-1918 гг. Екатеринбург, 2016.

Фомичёв И.А. Город Надеждинск. 1893-1940 гг. Изд. 2-е, дополненное. Екатеринбург, 2016.

Фомичёв И.А. Город Серов в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг. Екатеринбург, 2017.

Фомичёв И.А. Город Серов. 1941-1991 гг. Екатеринбург, 2018.

Фомичёв И.А. Надеждинск Православный. Екатеринбург, 2019.

Фомичёв И.А. Надеждинск Православный. Издание 2-е, дополненное. Екатеринбург, 2019.

Фомичёв И.А. Надеждинск-Серов. Городские органы власти. 1917-1997». Екатеринбург, 2020.

Фомичёв И.А. Политические репрессии в городе Надеждинске. 1918-1952 гг. Изд. 2-е, дополненное. Екатеринбург, 2021.

Чалая З.А. Анатолий Серов. Свердловск, 1970.

Чашин В.А. В суровые годы. Свердловск, 1957.

Широкалов М.Г., Никитин В.А. Мы – хозяева лесных богатств. Свердловск, 1970.

Янговский З.Я. На 60-й параллели. Свердловск, 1949.

Статьи в журналах и научных сборниках

Анимица Е.Г. Серов // В кн. «Города Среднего Урала». Свердловск, 1983.

Ауэрбах А.А. О постройке в Богословском округе Надеждинского завода // Журнал «Известия горных инженеров» №4. СПб, 1897.

Богомолов Африкан, священник. Летопись Спасо-Преображенского собора (машинописная копия) // Архивный отдел администрации Серовского городского округа. Ф.Р-253, оп.1, д.9, л.20-21).

Борисов А.Г. Памятник военнопленным Первой мировой войны в Серове // «Вестник истории Верхотурского уезда». Вып.1 Верхотурье, 2010.

Борисов А.Г., Фомичёв И.А. Наши истоки – Надеждинск (к вопросу о возвращении исторического названия г.Серову) // «Вестник истории Верхотурского уезда». Вып.1. Верхотурье, 2010.

Борисов А.Г., Фомичёв И.А. Памятники Гражданской войны в Верхотурском районе. Проблемы сохранения // «Вестник истории Верхотурского уезда». Вып.1. Верхотурье, 2010.

Борисов А.Г. Репрессии военнослужащих Белой армии из села Коптяки Надеждинского района // «Вестник истории Верхотурского уезда». Вып.4. Екатеринбург, 2013.

Бриль С.М. Здравоохранение в городе Надеждинске // «Уральский медицинский журнал» №1. Свердловск, 1928.

Буранов Ю.А. Положение и состав рабочих Надеждинского завода в годы Первой мировой войны // В кн. «Из истории заводов и фабрик Урала». Свердловск, 1963.

Буранов Ю.А., Дзюбинский Л.И. О природе Надеждинского Комитета общественной безопасности // «Вопросы истории Урала». Вып.3. Свердловск, 1963.

Буренин Г.С. Водоснабжение Надеждинска // Журнал «Разведка недр» №2. Свердловск, 1931.

Вуколов С.П. Очерк о Надеждинском заводе // В кн. «Уральская железная промышленность в 1899 году». СПб, 1900.

Вязигин Д.В. История Серовского отделения Свердловской железной дороги. 1935-1980 гг. (рукопись) // Архивный отдел администрации Серовского городского округа.

Гриншпун Л.О. Планировка города Надеждинска // Журнал «Советская архитектура» №3. М., 1933.

Зинов Я. Серов // В кн. «В нашем краю» (статьи и очерки о Свердловской области). Свердловск, 1953.

Иоффе Д. Основатель северного города (К.И.Мякоткин – первожитель города Серова) // Журнал «Урал» №9. Свердловск, 1971.

Луканин Б.К. Реки детства // В кн. «Кто в имени твоём». Екатеринбург, 2002.

Махнёва О.А. Социокультурные традиции формирования и развития города Надеждинска-Серова // «Культурное наследие российской про-

винции: история и современность» (тезисы докладов и сообщений Всероссийской научно-практической конференции). Екатеринбург, 1998.

Михайлов Н. Проездом в Серове // Журнал «Индустрия социализма» №11. М., 1939.

Об открытии четырёхклассного училища в Надеждинском заводе // Журнал «Русская школа» №10, 1907 г.

Павлов А.А. К вопросу о малярии в городе Надеждинске // «Вестник современной медицины» №15. М., 1928.

Рейснер Л.М. Очерк «Надеждинский завод» // В кн. «Уголь, железо и живые люди». М., 1924.

Ремезова Т. Алапаевский и Надеждинский Советы в 1905 году // Журнал «Советское государство» №6. М., 1935 г.

Смирнова О.Я. Санитарное состояние города Надеждинска // «Уральский медицинский журнал» №1. Свердловск, 1928.

Тягунов А.А. Очерк работы надеждинской организации // «Сборник материалов революционного движения в Тагильском округе». Вып. 2. Нижний Тагил, 1926.

Фомичёв И.А. «Богословский горный округ» // в книге А.В.Гребёнкин «Надежда Михайловна Половцова». Серов, 2008.

Фомичёв И.А. Судьба белого офицера // «Гражданская война на востоке России» (материалы научно-практической конференции). Пермь, 2008.

Фомичёв И.А. «Протоиерей Леонид Коровин» // «Грибушинские чтения». Кунгур, 2009.

Фомичёв И.А. Священник Африкан Богомолов // «Вестник истории Верхотурского уезда». Вып.1. Верхотурье, 2010; «Четвёртые Невьянские исторические чтения». Невьянск, 2010.

Фомичёв И.А. Памятник жертвам белого террора в Надеждинске // «Вестник истории Верхотурского уезда». Вып.1. Верхотурье, 2010; «Восьмые Татищевские чтения». Екатеринбург, 2010.

Фомичёв И.А. Православные приходы города Надеждинска // «Вестник истории Верхотурского уезда». Вып.1. Верхотурье, 2010.

Фомичёв И.А. Надеждинский краеведческий музей в 1920-1930-е гг. // «Вестник истории Верхотурского уезда». Вып.2 Верхотурье, 2011; Материалы VIII региональной научно-практической конференции «Походяшинские чтения» (к 90-летию Верхотурского музея). Екатеринбург, 2012.

Фомичёв И.А. Надеждинские вооружённые формирования в годы Гражданской войны // «Вестник истории Верхотурского уезда». Вып.3. Верхотурье, 2012; Материалы научно-практической конференции «Граждан-

ская война на Урале» (к 90-летию окончания Гражданской войны в России). Екатеринбург, 2012.

Фомичёв И.А. Настоятели Спасо-Преображенского собора города Надеждинска // «Вестник истории Верхотурского уезда». Вып.4. Екатеринбург, 2013.

Фомичёв И.А. Надеждинские земские начальные народные училища // «Вестник истории Верхотурского уезда». Вып.4. Екатеринбург, 2013.

Фомичёв И.А. Надежда Михайловна Половцова – племянница императора Николая I // «Материалы научно-практической конференции «Романовы в истории Урала» (к 400-летию воцарения династии Романовых на Российском престоле). Екатеринбург, 2013; «Вестник истории Верхотурского уезда». Вып.5. Екатеринбург, 2014.

Фомичёв И.А. Улицы города Надеждинска // «Вестник истории Верхотурского уезда». Вып.5. Екатеринбург, 2014.

Фомичёв И.А. Становление и развитие народного здравоохранения в Надеждинске // «Вестник истории Верхотурского уезда». Вып.6. Екатеринбург, 2015.

Фомичёв И.А. Военнопленные в Надеждинске в годы Первой мировой войны // «Вестник истории Верхотурского уезда». Вып.7. Екатеринбург, 2016.

Фомичёв И.А. Надеждинское дело // «Вестник истории Верхотурского уезда». Вып.8. Екатеринбург, 2017; Материалы региональной научно-практической конференции «Политические репрессии на Урале. 1918-1953». Екатеринбург, 2017.

Фомичёв И.А. Надеждинская волостная земская управа // «Вестник истории Верхотурского уезда». Вып.9. Екатеринбург, 2018; Материалы региональной научно-практической конференции «1917 год на Урале». Екатеринбург, 2017.

Фомичёв И.А. Надеждинский сталерельсовый завод в годы Первой мировой войны // Материалы региональной научно-практической конференции «Уральский край в истории России» (к 420-летию основания города Верхотурье). Екатеринбург, 2018.

Фомичёв И.А. К 125-летию города Надеждинска-Серова (цикл статей о Н.М.Половцовой, А.А.Ауэрбахе, об образовании посёлка Надеждинский завод). Материалы региональных научно-практических конференций «Мухлынинские чтения» (1999-2007 гг.). Екатеринбург, 2019.

Фомичёв И.А. Надеждинск под властью белых // «Вестник истории Верхотурского уезда». Вып.10. Екатеринбург, 2019.

Фомичёв И.А. Выборы в Верхотурское уездное земство в Надеждинской волости в 1917 году // «Вестник истории Верхотурского уезда». Вып.11. Екатеринбург, 2020.

Фомичёв И.А. Серовский механический завод в годы Великой Отечественной войны // «Вестник истории Верхотурского уезда» Вып.12. Екатеринбург, 2021.

Черезов Б.И. Городу Серову – 75 лет // «Областной календарь-справочник. 1968». Свердловск, 1968.

Щировский В. Надеждинский завод Богословского горного округа // Журнал «Уральская техника», №7-9. Екатеринбург, 1918.

Хакимов Рашид Шавкатович

История жизни Авдониных - Глазковых от автора

У этой книги особая судьба. Эта книга появилась как результат многолетнего поиска материалов о своих родственниках, проделанного Людмилой Игоревной Баженовой (Глазковой). Она в детском возрасте пережила трагедию выселения семьи своей бабушки и дедушки, а затем и родителей из Кыштыма в 1948 году в связи со строительством секретного атомного объекта. Эта трагедия затронула её душу, она не давала ей покоя все годы. И когда, уже став взрослой, Людмила Игоревна узнала все подробности, когда затем она узнала о других трагических событиях, которые произошли в представителях рода Авдониных, она решила найти документальное подтверждение услышанному. В течение многих лет она неустанно искала документы о своих предках, о представителях большого рода Авдониных. Написала десятки писем в государственные архивы, в управление ФСБ, депутатам. Часто в ответ Л.И.Баженова получала формальные, бездушные отписки: «документы об отселении граждан с режимных территорийотсутствуют», «сведениями не располагаем». Но Людмила Игоревна не успокаивалась, не опускала руки, снова и снова писала обращения и письма во все адреса. Людмиле Игоревне Баженовой все-таки удалось собрать большой архивный материал. И результатом этой работы стала данная книга. Книга напоминает нам о трагических страницах нашей истории и призывает никогда не допускать, чтобы в обществе царил беззаконие, подавление прав и свобод личности, что происходило в мрачные времена тоталитарного государства.

История России является не только великой, но трагической, наполненной не только большими достижениями и яркими свершениями, но и жестокими войнами, социальными переворотами, глубокими потрясениями. Все события большой российской истории прошли через каждую семью, оставив и радость счастливых, беззаботных дней и неизгладимую горечь бед, переживаний и болезненных утрат. Это можно увидеть и на примере большого рода Авдониных-Глазковых.

Интересно выяснить происхождение фамилии Авдониных. Существует несколько версий. По одной из версий, основой фамилии Авдонин послужило церковное имя Авдий. Авдоня – одна из форм имени церковного имени Авдий, которое в переводе с еврейского означает «слуга Божий». Это имя носил один из 12 малых пророков, который жил, вероятно, во времена древнего царя Навуходоносора, возвещал гибель идумеян и скорбел о гибели Иудеи.

Древние славяне верили, что если дать ребенку имя святого или великомученика, то жизнь его будет светлой, хорошей или трудной, потому что существует незримая связь между именем и судьбой человека.

Скорее всего, основатель рода Авдониных был человеком из простого сословия. Дело в том, что фамилии, образованные от полной формы имени, имела в основном социальная верхушка, знать или семьи, пользовавшиеся в данной местности большим авторитетом, представителей которых соседи уважительно звали полным именем, в отличие от других сословий, звавшихся, как правило, уменьшительными, производными, обиходными именами. Авдоня со временем получил фамилию Авдонин.

Большинство российских семей имеют глубокие крестьянские корни. Вот и большой род Авдониных происходит из крестьян центральной России.

Основатель большого рода Авдониных, Павел Платонович Авдонин происходил из крестьян Тамбовской губернии Елатомского уезда Нестеровской волости села Больших Моник. Год его рождения, примерно 1851 или 1853. 22 января 1874 года Павел был призван на военную службу и зачислен рядовым в Кавказский линейный батальон. Затем 1 января 1875 года был зачислен в 150-й пехотный Таманский полк. Из послужного списка рядового 150-го пехотного Таманского полка: «...Вероисповедания православного. Грамоте умеет. Мастерства не знает.....В отпусках, походах, сражениях, в штрафах не был. Женат на Епистинии Ивановой. Жена находится на родине»¹. Служил в армии пять лет, участвовал в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. П.П.Авдонин 23 октября (4 ноября) 1877 года был участником ожесточенного сраже-

ния при горной гряде Деве-Бойну восточнее города Эрзерума между войсками русской императорской армии под началом генерала Василия Александровича Геймана и армией Османской империи под командованием Ахмеда Мухтара-паши, где русская армия нанесла сокрушительное поражение туркам.

После службы Павел Авдонин вернулся домой, так как на родине проживала жена. Но через некоторое время переехал в Екатеринбург. Здесь служил вахмистром (унтер-офицером) Пермского отделения Екатеринбургского жандармского полицейского управления железных дорог. Жил на Кузнечной улице, дом 84. Дом был двухэтажный, оценивался в 2600 рублей. Кроме этого, имел еще один дом. Имел достаточно высокое положение в обществе. Будучи собственником недвижимости, П.П.Авдонин имел право участия в выборах гласных городской Думы и кандидатов к ним. Авдонина вскоре постигло горе. 14 октября 1905 года умерла жена Авдонина Епистимия в возрасте 50 лет, от порока сердца. 8 января 1906 года П.П.Авдонин вступил в повторный брак, женившись на вдове мещанина Марие Александровне Сухомясовой, 45 лет.

Следует отметить, что с 13 апреля по 28 июня 1918 года на квартире в доме П.П.Авдонина проживал чех Машталирж, по некоторым данным, принимавший участие в охране ипатьевского дома, где содержался под арестом бывший император Николай II и его семья. 13 июня 1919 года П.П.Авдонин допрашивался в связи с этим следователями из группы судебного следователя по особо важным делам Н.А.Соколова². Даже эта деталь говорит, насколько история малой семьи тесно связана и переплетена с событиями Большой истории.

У Павла Платоновича была большая семья. Дочь Мария, 1885 года рождения, 2 июня 1908 года она обвенчалась с Алейниковым Георгием Ефремовичем в Вознесенской церкви Екатеринбурга, в той же церкви, где служил псаломщиком жених. Интересно, что в этот же день, в этой церкви произошло бракосочетание и другой дочери Павла Платоновича - Александры. Две сестры венчались в один день и в одной церкви.

Муж Марии, Г.Е.Алейников, 1880 года рождения, вначале служил псаломщиком, в 1908 году был рукоположен в диаконы. Служил диаконом в Троицкой церкви села Арамильское Екатеринбургского уезда Пермской губернии³. Революционная смута, начавшись в стране, привела к первой жертве в роду Авдоновых. 7 декабря 1917 года диакон Георгий был убит при неизвестных обстоятельствах.

Другая дочь, Екатерина Павловна Авдониная родилась в 1883 году, с 1904 года по 1948 год жила в Кыштыме, затем в Сатке и Копейске Челябинской области, умерла в 1961 году.

Еще был сын, Авдонин Николай Павлович, 1895 года рождения. Александра Павловна Авдониная родилась 13 апреля 1886 года. 2 июня 1908 года обвенчалась с крестьянином Дмитрием Федоровичем Ивинским, 21 года. Жених был из Харьковской губернии, Волковского уезда, Волковской волости, общество Барановское.

Сын, Иван Павлович Авдонин, родился 1 октября 1887 года.

Была еще дочь у Авдониной, Параскева (Прасковья) Павловна, 1895 года рождения. О ней не сохранились сведения.

Трагично сложилась судьба сына Ивана. Он окончил 4 класса Екатеринбургского городского училища, с 1905 года служил телеграфистом на станции Екатеринбург. В 1905 году был осужден на пять суток заключения за невыход на работу. По-видимому, это было связано с проведением в России всеобщей политической стачки. Молодой юноша, конечно, не мог тогда остаться в стороне от революционного возбуждения в обществе, и видимо также не вышел на работу, как и многие тысячи людей по всей России. 8 февраля 1916 года Иван вступил в брак с Богаченковой Варварой Ивановной. В советское время работал нарядчиком автогужтреста города Свердловска. Имел семью, двух сыновей и дочь. Вместе с ним проживал брат Николай, 40 лет, со своей женой Валерией. Николай работал рабочим холодильного пункта.

Как известно, для органов НКВДотягчающим фактором всегда было наличие социально чуждого происхождения, факт службы в органах власти бывшей Российской империи. Так, в следственном деле И.П.Авдониной Управление НКВД постоянно упоминает «сын жандарма», «происходящий из жандармской семьи».

В обстановке развязанных властью репрессий эти люди первыми подвергались преследованиям. 7 июля 1935 года Иван Авдонин был арестован. На допросе 8 июля Иван Авдонин на вопрос следователя: «Вы занимались антисоветскими разговорами в процессе вашей работы в системе союзтрансе?» ответил следующее: «За время своей работы в союзтрансе, а потом в автогужтресте я никогда ни при кем антисоветских разговорами не занимался. Я настроен к советской власти лояльно»⁴. Однако на допросе 16 июля Иван Авдонин дал уже признательные показания, о том, что он проводил агитацию направленную против мероприятий Советской власти: «с отменой карточек стало плохо с хлебом», «при старом царском правительстве жилось хорошо», «нужно всем сго-

вориться и бросить работу», «во время подписки на заем говорил, что не хватает на пропитание»⁵. Изменение в показаниях И.П.Авдонина, по всей видимости, произошло после применения к нему физических методов, что широко практиковалось в работе органов НКВД в то время и было официальное указание ЦК партии, лично И.Сталина применять физические методы к арестованным. 4 октября 1935 года спецколлегией Свердловского областного суда по статье 58-10 УК РСФСР он был осужден на 6 лет лишения свободы⁶.

И.П.Авдонин был реабилитирован 21 ноября 1991 года на основании Указа Президента СССР от 13 августа 1990 года за отсутствием в его действиях состава преступления⁷.

Другая трагедия семьи Авдониных была связана со строительством секретного атомного объекта на Южном Урале. В 1946 году в Челябинской области рядом с городами Кыштым и Касли началось строительство закрытого секретного города, где должен был разместиться атомный объект - химический комбинат, в будущем ПО «Маяк». По мере увеличения масштабов строительных работ вокруг закрытой территории постановлением Совета Министров СССР №2938-954 под грифом «сс» или «совершенно секретно» от 21 августа 1947 года в Челябинской области была образована особорежимная зона. Суженный состав исполкома Челябинского областного Совета депутатов трудящихся своим решением №7 также под грифом «сс» от 14 октября 1947 года утверждает представленный Управлением МВД по Челябинской области список населенных пунктов, входящих в особорежимную зону. Список включал 98 населенных пунктов Каслинского (13 населенных пунктов), Аргаяшского (48), Кузнецкого (34) районов, в том числе город Касли, райцентры Аргаяш, Кузнецкое, также входили три деревни Кунашакского района и город Кыштым. Население особорежимной зоны составило 95877 человек, в том числе в Кыштыме проживало – 42074, в Каслинском районе – 29020, в Аргаяшском – 13234, в Кузнецком – 8470, в Кунашакском – 3079⁸.

Этим же решением было утверждено Положение о правах и обязанностях граждан, проживающих на территории особорежимной зоны. В Положении пункты о правах отсутствовали и фактически все 14 пунктов содержали только обязанности и запреты, строго регламентировавшие жизнь проживавших в зоне граждан. Проживающие в режимной местности были обязаны иметь паспорта и прописку. Без паспорта и прописки проживать в режимной зоне категорически запрещалось. Также запрещалось пускать на ночлег и на временное проживание кого-либо без

прописки. При выездах граждан из режимной зоны на временное или постоянное жительство граждане обязаны были выписаться из домовой книги в органах милиции, кроме случаев выезда на деловые совещания в районные, городские, областные организации, и в командировки сроком не свыше 30 дней.

Граждане режимной местности были обязаны помогать милиции в поимке и доставке нарушителей установленного порядка, а также доносить о всяких нарушениях в органы внутренних дел. Взрослое население при передвижении из одного населенного пункта в другой должно было всегда иметь при себе паспорт, и предъявлять их по первому требованию органов МВД, МГБ и представителя сельского Совета. Кроме этого, специальные дежурные, назначаемые из числа партийных и комсомольских активистов, проводили проверки документов у всех вновь появляющихся граждан и принимали необходимые меры по информированию органов или задержанию своими силами всех подозрительных. В режимной зоне гражданам, не проживавшим в режимной зоне, запрещалось охотиться, заниматься рыбной ловлей, собиранием грибов и ягод. За нарушение установленного порядка проживания в режимной зоне граждане несли административную и уголовную ответственность в зависимости от тяжести и последствий нарушения (предупреждение, штраф до 100 рублей, удаление из режимной зоны и предание суду)⁹.

В особорежимной зоне запрещалось проживание граждан, ранее осужденных по 58-й статье УК РСФСР, за государственные преступления. И поэтому разлучались семьи, члены семьи вынуждены были годами жить раздельно. Так, например, Галей Галеевич Сафаров, 1910 года рождения, бывший секретарь Аргаяшского райисполкома, арестованный в декабре 1937 года и осужденный по статье 58 пункты 2,7,8,11, (2 – вооруженное восстание, захват власти в центре и на местах, для отторжения какой-либо части СССР, 7 - подрыв промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения, 8 – террор, 11- создание контрреволюционной, антисоветской организации), отсидев десять лет в колымских лагерях, затем пять лет отработав вольнонаемным на колымских золотых приисках, решил вернуться к своей семье в поселок Аргаяш. Он возвратился на родину 27 декабря 1952 года.

Из воспоминаний Г.Г.Сафарова: «Приехал к своей родной семье, к жене в поселок Аргаяш, где опять мне больному человеку не было покоя. Отобрали документы и предложили за 24 часа покинуть Аргаяш». И Сафаров, побыв ночь дома, был вынужден наутро покинуть жену с сыном и уехать в соседний район.

Из воспоминаний Х.Ш.Исламовой, жительницы Каслей: «В 1949 году к нам в гости приехал дядя из Татарии. Уже на другой день к нам пришли два милиционера и в тот же день дядю изгнали из Каслей...сказав, что если он не уедет, то его посадят, а моих родителей оштрафуют за прием неизвестного лица..., потом мы узнали, что донесла наша соседка З-на»¹⁰.

Совет Министров СССР 8 февраля 1948 года принимает постановление за номером 233-97 «сс» о выселении из особорежимной зоны всех неблагонадежных и родственников граждан, понесших уголовное наказание. Под это определение попадали все, кто когда-то был осужден за антисоветскую агитацию, контрреволюционную деятельность, бывшие кулаки, лица, служившие в белой армии. 5 октября 1947 года начальник Управления МГБ Челябинской области, генерал-майор Смородинский и начальник Управления МВД Челябинской области, генерал-майор Павлов направляют председателю Челябинского облисполкома И.В.Заикину служебную записку, в которой указывают, что по предварительным данным, из числа проживающих в особорежимной зоне подлежат выселению 2939 человек, в том числе по территориям: Кыштым – 626 человек, Каслинский район – 827, Аргаяшский – 638, Кузнецкий – 573, Кунашакский – 275. Из 2939 человек: главы семьи составляли 1161, члены семьи – 1778¹¹.

В процентном отношении подлежащие выселению граждане составляли 3,06 процента от всего населения особорежимной зоны¹². Весной 1948 года началось выселение неблагонадежных граждан из особорежимной зоны. Фактически высылали всех подозрительных, всех, кто был в родстве по терминологии того времени с *«социально чуждыми элементами»*: бывшими дворянами, чиновниками, священниками, царскими офицерами. Так, из Кыштыма в город Сатка вместе с сотнями кыштымских семей была выслана и семья Глазковых в составе: Роман Егорович Глазков, 1883 года рождения, пенсионер, работал заведующим аптекой при больнице; его жена Екатерина Павловна Авдонина, 1883 года рождения¹³.

Е.П.Авдонина с 26 октября 1904 года работала акушеркой Кыштымской городской больницы. 14 апреля 1915 года у нее родился сын Игорь. Отцом Игоря был доктор Китаев. Это был очень талантливый врач, однако о нем мало сведений. После того, как Авдонина соединила свою судьбу с Глазковым, Игорь был усыновлен Романом Егоровичем и принял его фамилию. Е.П.Авдонина отдавалась своей работе всей душой. Роженицы Кыштыма и прилегающих ближних районов мечтали попасть

именно к Екатерине Павловне, ведь у нее были «золотые руки». Все детишки рождались здоровыми, красивыми и пухленькими.

Е.П.Авдониная проработала 44 года в Кыштымской городской больнице акушеркой, пользовалась огромным уважением в городе, она была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». 3 декабря 1947 года приказом министра здравоохранения РСФСР в связи с 150-летием Кыштымской городской больницы акушерка Е.П.Авдониная была отмечена благодарностью.

Однако поступило указание из Москвы о проведении депортации из особорежимной зоны. Решением суженного состава Кыштымского горисполкома образуется городская комиссия во главе с председателем горисполкома Н.В.Дубровиным, куда вошли заместитель председателя горисполкома, начальник отдела МВД по городу Кыштыму, начальник милиции и один из депутатов горсовета. Комиссия сразу приступает к работе, утверждаются мероприятия по проведению выселения. Гражданам, кому предстояло выселение, направляются повестки такого содержания:

«Горисполком предлагает вам явиться - марта 1948 года к – часам в комнату №8 и иметь при себе справку о средней зарплате за последние 3 месяца на себя и работающих членов семьи.

*Зам. председателя исполкома Кыштымского городского Совета
депутатов трудящихся Л.Трошков»*

Прибыв в горисполком, люди получали известие о высылке без объяснения причин и подписывали подписку следующего содержания, которая после подписания сразу же отбиралась:

«Я, нижеподписавшийся _____ (Ф.И.О.) проживающий _____ (указать полный адрес) даю настоящую подписку _____ РОМВД в том, что я обязуюсь в _____ дневный срок, т.е. до _____ 1948 года вместе со своей семьей, состоящей из _____ (перечислить поименно) выехать на новое местожительства в _____ район Челябинской области. Мне объявлено, что за нарушение данной подписки, я подлежу принудительному отселению.

Подпись _____

Подписку отобрал _____ ».¹⁴

И здесь же в горисполкоме у граждан изымались паспорта, домовые книги фактически они становились бесправными и полностью переходили во власть органов. А документы с отметкой о прописке они уже получали на новом месте жительства. Было дано указание работникам отделов кадров предприятий об ускоренном оформлении увольнения рабо-

тающих граждан со следующей формулировкой: «... уволить в связи с переменной места жительства».

И в числе других Е.П.Авдониной без объяснения причин была срочно уволена с работы. 11 марта 1948 года в ее трудовой книжке появилась запись: «уволена по *собственному желанию*», хотя, конечно, никакого желания ее не спрашивали, это было вынужденное увольнение. После выезда родителей, в дом по улице Папанина, 11 въехал сын Игорь со своей семьей.

В ночь с 22 на 23 марта 1948 года семья была отправлена в город Сатка Челябинской области.

Почти три тысячи людей были насильственно перевезены на новое место жительства. Какие же условия были приготовлены для выселенных?

Решение облисполкома от 20 февраля 1948 года устанавливало для отселяемых некоторые льготы: снимались с них числящиеся за ними недоимки по обязательным поставкам государству сельхозпродуктов, налогам и страховым платежам, хозяйства переселенцев освобождались от уплаты сельскохозяйственного и подоходного налогов, страховых платежей, а также обязательных поставок государству сельхозпродуктов сроком на два года, переселенцы освобождались от корневой платы за древесину, заготавливаемых ими для нужд жилищного и хозяйственного строительства сроком на три года со времени выселения. Сельхозбанк и Комбанк обязывались выдавать по представлению Переселенческого отдела облисполкома и гор-райисполкомов отселяемым лицам на каждую семью для жилищного строительства долгосрочные ссуды в размере до 10 тысяч рублей со сроком погашения в течение пяти лет, для хозяйственного обзаведения и приобретения скота – в размере до 10 тысяч рублей со сроком погашения в течение пяти лет. Предписывалось обеспечить отселяемых в необходимом количестве круглым лесом за счет самозаготовок, а также выделения лесосек, а отселяемых колхозников наделять приусадебными участками в местах вселения.¹⁵

Однако даже если бы все эти мероприятия были полностью выполнены, это не могло возместить морального потрясения и материального ущерба, понесенного вынужденными переселенцами. Прежде всего, следует отметить, что выселяемые граждане были морально подавлены, они не могли понять, в чем заключается их вина перед властью, многие считали свое изгнание чьей-то ошибкой, которая должна быть исправлена. Не случайно, что моральная подавленность самим фактом высылки проявилась в значительном количестве смертности на новом месте среди

высланных, особенно среди лиц преклонного возраста. Вспоминает О.И.Трифорова, 1920 года рождения (Кыштым): «В первый же год много умерло стариков, они не выдержали высылку». Дмитрий Михайлович Хорошенин, 1895 года рождения, житель Каслей, вывезенный из города в состоянии инфаркта, случившегося с ним в день отъезда – 20 марта, в результате стал инвалидом первой группы и умер в 1951 году в Юрюзани.

К сожалению, многое из того, что было предписано в решениях, не было выполнено в действительности. И, прежде всего, очень трудно решалась жилищная проблема. Жилья в области после войны катастрофически не хватало, уплотнение жилой площади было максимальным, очень высокой была степень изношенности жилого фонда. По данным даже на более поздний, 1950 год, на одного жителя Челябинской области приходилось в среднем 4,3 квадратных метра, а в сельской местности, где положение было еще хуже, чуть больше одного квадратного метра - 1,1.¹⁶ Принявшие выселенных граждан города и районы сами страдали от перенаселенности в домах и квартирах.

«Одними из первых из Кыштыма отселили семьи Голуновых, Гузыниных, Казанцевых, Калачевых, Колесниковых, Щукиных. Все они по прибытии в пункт назначения получили полуразрушенное жилье в бараках и домах, в которых невозможно было прожить в студеную уральскую зиму»,¹⁷ - пишет Ю.М.Кузнецов.

Магрифа Сирбаева (Шаяхметова), 1934 года рождения вспоминает: «Нам дали пустые дома, сараев не было. Сафар-бабай построил сарай для скота из затвердевшего снега, как дерн выкапывал плотный снег и клал стены...»¹⁸.

Вспоминает А.А.Тарасова (Риккер), тогда ей было десять лет: «Дед и бабушка тяжело все это переносили. Мама была на девятом месяце беременная братом Юрой. Поместили семьи в телячьи холодные вагоны. Отец где-то раздобыл печку-буржуйку и вот мы ехали целую неделю. Загоняли состав в тупик и там держали несколько дней, хотя из Кыштыма до Сатки не так уж и далеко. Приехали под вечер, никто там нас не ждал. Добирались, не помню, как и на чем. Каким-то чудом не забрали корову, это было для нас самое важное. Поместили меня в какую-то семью, деда с бабушкой в другую, а отец с мамой начали отстраивать дом. Это была целая улица в Сатке, Ершова она называлась. Стояли просто одни коробки-срубы. Сделали первым делом печь, начали утеплять, а через месяц мама родила сына. Прошел год, бабушка от переживаний умерла...»¹⁹.

Прибывших на новое место жительства на первое время расселяли в бараки, в частные дома на временное проживание. Затем стали выдавать ссуды на хозяйственное обзаведение. Р.Е. Глазкова и Е.П.Авдонину в Сатке поселили в полуразрушенном бараке. Работы по специальности не было и 1 апреля Р.Е.Глазков был принят старшим пожарным работником на Саткинский кирпичный завод, через год был переведен кладовщиком. При этом выселенным категорически запрещалось появляться в Кыштыме. А у Романа Глазкова и Екатерины Авдониной там остался сын Игорь со своей семьей.

Однако через два года последовало распоряжение горисполкома о срочном выезде теперь уже сына Глазкова - Игоря с семьей. Его жена, Мещерякова Мария Константиновна родилась 9 марта 1923 года.

И.Р.Глазков с 16 февраля 1946 года работал начальником Кыштымского радиоузла. Как вспоминает его дочь, Л.И.Баженова: « Мой отец был участником Великой Отечественной войны, мама труженица тыла, была телеграфисткой-радикой....Отца. Глазкова Игоря Романовича вызвали в марте 1950 года в органы и без объяснения причин приказали немедленно уехать или выложить партбилет на стол. Времени на сборы не было. И 15 марта 1950 года он назначается исполняющим обязанности старшего инженера радиоузла Копейской районной конторы. Мама, Мещерякова Мария Константиновна 15 апреля 1950 года была переведена в распоряжении Копейской конторы связи. В Кыштыме мама работала телеграфисткой-бодисткой. Дом в Кыштыме был поспешно продан, и, естественно, по заниженной стоимости. Так и переехали в Копейск, мне было три года, брату Глазкову Александру Игоревичу – 1 год».

В это время И.Р.Глазков был членом партии, воевал на фронте. Однако даже принадлежность к правящей Коммунистической партии или к ее молодежной политической организации - комсомолу, участие в войне не могли быть знаком доверия и служить охранной грамотой для репрессивных органов, чтобы оставить данных граждан для проживания в режимной зоне. В Копейске семья Глазковых с двумя детьми жила первое время в одной комнате на втором этаже радиоузла.

31 мая 1950 года Р.Е.Глазков уволился с работы в Сатке в связи с переездом в Копейск, ближе к своему сыну. Абсолютно незаконная репрессия – выселение из Кыштыма, ускорила смерть Романа Егоровича. 4 апреля 1957 года Р.Е.Глазков умер в Копейске.

До начала эры телевидения местное радиовещание имело очень большое значение: сетью радиоточек были охвачены практически все дома и квартиры в населенных пунктах. И поэтому кадрам местного

радиоузла придавалось тогда очень большое значение. В 1959 году Игорь Романович Глазков возглавил Копейский радиоузел. При его непосредственном участии состоялся уход от ручного управления радиовещанием. «Игорь Глазков — профессионал с большой буквы, Эрудированный человек. К нему всегда можно было обратиться за советом», - вспоминала бывшая сотрудница Копейского радиоузла Анна Матаева.

Свободное от работы время Игорь Глазков предпочитал проводить на кухне за приготовлением пищи. Особенно ему удавались блины и торты. Но хозяйкой на кухне все-таки была его супруга Мария. «Мама славила как рукодельница и первоклассная повариха, Свободное время она предпочитала проводить в лесу за сбором ягод и грибов. Несмотря на занятость, родители занимались нашим образованием. У нас была огромная библиотека. Папа с мамой нам с братом с юных лет привили любовь к чтению. В доме Глазковых постоянно собирались друзья семьи, знакомые и коллеги родителей. Обязательным гвоздем вечерних посиделок были музыкальные номера. Папа со своим другом Петром Бочкаревым исполняли оперные арии и оперетты», - вспоминает дочь, Л.И.Баженова.

Не менее трагическая судьба выпала еще на одну семью родственников Глазковых-Авдониных. Мария Григорьевна Куглер и Мария Константиновна Глазкова (Мещерякова) были двоюродными сестрами, их отцы были родными братьями. Александр Куглер родился 18 августа 1889 года в местечке Шлапанец Моравской области Австро-Венгерской империи. С началом первой мировой войны был призван в армию, попал в русский плен в 1916 году и после этого остался в России. До 1918 года находился в лагере для военнопленных в Забайкалье, затем в Тоцком лагере около города Бузулук Оренбургской губернии. В 1918 году из Тоцкого лагеря чехами был увезен в Кыштым, где пленным предлагали вступить в Чехословацкий корпус. Однако, пленные, будучи в основном немцами, мадьярами, отказались вступать в корпус и Александр Куглер остался в Кыштыме. Здесь он познакомился с Марией Мещеряковой, 1902 года рождения. Мария Григорьевна затем работала учительницей. 5 мая 1922 года Кыштымским ЗАГС был зарегистрирован брак Мещеряковой Марии Григорьевны и Александра Рудольфовича Куглера. А.Р.Куглер работал лесничим. В 1922 году наняв рабочих, он за лето построил в районе Шуранка, за городской больницей большой двухэтажный дом с остроконечным шпилем, в Кыштыме этот дом называют «австрийский дом» за необычную архитектуру и дом о сих пор стоит, поражая своей красотой. А.Р.Куглер жил в Кыштыме по 1924 год,

затем с 1924 по 1926 год жил в Свердловске, а с 1926 по 1929 год по роду своей работы летом жил в Кыштыме, занимаясь лесоустройством, а зимой уезжал в город, сначала жил в Перми, а затем с 1929 года постоянно проживал в Свердловске.

А.Р.Куглер в 1932 году окончил Уральский лесотехнический институт и стал работать техноруком лесотопливной конторы треста «Свердлес». Проживал по адресу : г.Свердловск, улица Народной Воли, дом, 87, кв.1. У него было пятеро детей: четыре дочери - Женя, 12 лет, Лина, 10 лет, Маргарита, 5 лет, Тамара, 2 года и сын Лев, 9 лет.

В стране начались политические репрессии, время, которое будет потом названо «Большой террор». И этот чудовищный Молох попал и А.Р.Куглер. 28 марта 1938 года А.Р.Куглер был арестован по обвинению к причастности к иностранной разведке. Вместе с ним был арестован Лев Андреевич Гереленгер, 1885 года рождения, по национальности - *немец*, место работы - *дворник*. В справке на арест было записано «...являются агентами германской разведки, по заданиям которой ведут шпионскую деятельность на территории СССР». Даже этот штрих, что дворник может быть шпионом, говорит о методах фальсификации дел органами НКВД в то время. Главным основанием для привлечения внимания органов НКВД являлось то, что и Куглер и Гереленгер были по национальности немцами, что автоматически по условиям того времени вызывало подозрение. У Александра Куглера в Моравии проживали три брата, это также было основанием для преследования («связь с границей»).

31 марта на допросе А.Р.Куглер признался: «Да я признаю себя виновным в том, что по день моего ареста я являлся участником диверсионной шпионской организации, созданной по заданиям германской разведки на Урале». Далее А.Р.Куглер сделал признание, что был завербован в 1936 году агентом германской разведки Шнейдером, в 1936 году похитил планы лесных разработок и передал их Шнейдеру, совершил поджог Шарташского лесного склада, в 1937 году, находясь в командировке, организовал поджог лесного массива на лесоучастке «Малиновка», в том же году собрал данные о бронетанковых частях Свердловского гарнизона, в 1938 году вывел из строя трактора²⁰.

На допросе 29 ноября 1938 года А.Р.Куглер полностью опроверг свои ранее данные показания как ложные, заявил: « В контрреволюционной организации я никогда не состоял и никем не вербовался. Такие показания я подписал под убеждением следователя как нужные. Шнейдера я совершенно не знаю»²¹.

30 ноября 1938 года следственное дело за №54882 по обвинению А.Р.Куглера по статье 58.п.6-11-9 УК РСФСР за недоказанностью было прекращено и А.Р.Куглер был освобожден²².

Такой исход дела, где фигурировало тяжкое обвинение - «шпионаж в пользу Германии», в то время всегда заканчивалось вынесением ВМН (высшая мера наказания), можно считать счастливым. Однако этому имеется объяснение: 24 ноября 1938 года был снят со своей должности народный комиссар внутренних дел СССР Н.И.Ежов, и последовало некоторое смягчение репрессий, дела стали проверять и выпускать тех подсудимых, где надуманность обвинения была явной. После освобождения А.Р.Куглер продолжал работать в лесном хозяйстве, проявил большие способности инженера, написал несколько научных технических работ. В 1940 году у него родился еще один сын, Сергей. А.Р.Куглер умер в 1953 году. Его жена, Мария Григорьевна работала учительницей в школе, последние годы жила в городе Сысерть Свердловской области. Все дети Куглер получили образование, стали специалистами: врач, начальник планового отдела, преподаватель медучилища, научный сотрудник НИИ. Сын Лев окончил Свердловский горный институт, всего 41 год работал на производстве: работал в начале горным инженером в тресте «Вахрушевуголь», а затем последние 24 года в тресте «Ураласбест». Пользовался огромным уважением как знающий и инициативный специалист.

Еще более трагичная история сложилась у семьи одной из дочерей Павла Платоновича Авдонина, Параскевы. Дочь Параскева вышла замуж за Василия Ильича Соколова. Василий Ильич происходил из известной семьи священников из Воронежской губернии. Его дед, Андрей Степанович Соколов (1805-1879) в 1829 году окончил Воронежскую духовную семинарию и в 1830 году был рукоположен священником в слободе Россошь Острогожского уезда. Отец Андрей в течение 49 лет честно нес духовную службу, отстроил колокольню, за добросовестную службу получил должность благочинного, был награжден скуфьею и орденом Святой Анны третьей степени. В 1865 году духовенство поднесло ему икону Покрова Божьей Матери и «почтительный адрес». В 1866 году священник Андрей свое место передал своему сыну Илье.

Отец Андрей после смерти был похоронен в церковной ограде Кресто-Воздвиженского храма.

Илья Андреевич 36 лет был священником Крестовоздвиженского храма в Россоши. В 1900 году он перешел в Тверскую епархию. В городе Осташков был произведен в сан протоиерея, служил настоятелем

Троицкого собора, затем снова вернулся в Россошь. При отце Илье в Россоши был построен новый, прекрасный в византийском стиле храм в заречной части слободы – церковь во имя пророка Божия Илии. Церковь была на две тысячи молящихся, строили ее всем миром с 1897 по 1916 год. Однако прослужила она и того меньше. Храм был взорван большевиками в 1929 году. Отец Ильи учил детей в церковно-приходской школе, много занимался описанием истории Россоши, был первым росошанским краеведом. Сын Ильи Андреевича, Василий родился в 1875 году в слободе Россошь Острогожского уезда Воронежской губернии. В 1898 году окончил гимназию и поступил в Санкт-Петербургский университет на юридический факультет, окончил полный курс университета в 1904 году, но, государственный экзамен не держал по причине студенческих волнений. С 1904 по 1906 год Василий давал частные уроки и этим обеспечивал себя материально. В 1906 году по приглашению юрисконсульта КВЖД (Китайско-Восточной железной дороги) Раймана Василий Соколов выехал в Китай, в город Харбин и там работал помощником юрисконсульта до середины мая 1910 года. Затем выехал в Казань, где выдержал государственный экзамен и получил диплом юриста. В марте 1911 года в Петербурге поступил в канцелярию Святейшего Синода и прослужил там до 22 ноября 1911 года. После этого Святейший Синод направил В.И.Соколова секретарем Екатеринбургской духовной консистории и одновременно преподавателем математики и немецкого языка духовной семинарии. В мае 1915 года В.И.Соколов был переведен из Екатеринбургской духовной консистории в Казанскую духовную консисторию также секретарем, где работал до июня 1918 года. После этого работал на разных должностях в советских учреждениях. В 1926 году переехал в город Троицк, работал юрисконсультом на Троицком мыловаренном заводе. В.И.Соколов, как следует из материалов следственного дела, уже долгое время находился под наблюдением органов НКВД. Из следственного дела: «В Троицкое РО НКВД по Челябинской области поступили данные о том, что юрисконсульт маслodelьного и мыловаренного заводов Соколов Василий Ильич систематически ведет контрреволюционную агитацию»²³.

В.И. Соколов с женой проживал в Троицке, улица Октябрьская, дом 56. Его дочь Нина, 1917 года рождения, в это время училась в Ленинградском педагогическом институте.

4 ноября 1937 года В.И.Соколов был арестован. Начались допросы один за другим. Так, на допросе 5 ноября на вопрос следователя: «Вы

арестованы за проводимую контрреволюционную агитацию против советской власти среди населения. Признаете ли вы себя виновным в этом?

– Виновным себя не признаю.

- Вам зачитываются показания свидетелей Миролюбова и Глебова в которых вы изобличаетесь как враждебная личность по отношению к советской власти. Предлагаю прекратить запирательство и начать говорить правду.

- Зачитанные мне показания свидетелей считаю наглой ложью»²⁴. Все обвинение строилось на показаниях трех свидетелей. Но их показания были неконкретными и противоречивыми. Очных ставок Соколова с этими свидетелями не проводилось.

Так, свидетель К.С. Миролюбов заявил на допросе: «В момент революции бежал в Казань захватив с собой из Екатеринбурга много золота. Когда красные части вступили в Казань Соколов золото спрятал и из Казани бежал по разным районам...очень часто высказывал всякое недовольство советского правительства. В период коллективизации и ликвидации кулачества, как класса Соколов не был согласен, говорил, что это безобразие, что делают над крестьянством....в период 1935 года высказывал несогласие судебной политики, говоря, что применяемые к преступникам меры очень жестоки, обвинял в этом ЦК партии и ОГПУ-НКВД»²⁵. На допросе свидетель Е.Я.Глебов показал: « Соколов не был согласен с политикой партии и советской власти в области индустриализации и перестройки сельского хозяйства на новый социалистический лад....Соколов иногда высмеивал доклады и выступления вождей партии, называя это болтовней»²⁶.

Поражает, что такие нелепые и лживые показания давали, на первый взгляд, вполне образованные и порядочные люди. Например, Е.Я.Глебов имел высшее образование, работал заведующим кафедрой ветеринарного института, а до этого был директором института, Соколова знал с 1913 года, когда Глебов был студентом Екатеринбургской духовной семинарии, а Соколов был преподавателем. Кроме этого, Глебов сам был сыном псаломщика, в 1918-1919 годах служил у белых.

Нередко было и так, что в это время писали донос или оговаривали с целью достижения своих личных выгод: карьерного роста, получения квартиры и т.п. Это можно предположить в отношении К.С.Миролюбова. Он работал юрисконсультom трансторгпита, имел незаконченное высшее образование, был моложе, чем Соколов, и можно предположить, что его уровень как юриста был ниже, чем у В.И.Соколова, имевшего университетский диплом и большой опыт рабо-

ты. Советскому государству удалось создать в стране всеобщую обстановку подозрительности, страха и доносительства, и люди, желая сохранить себе жизнь, оговаривали других. Также следует отметить, что В.И.Соколов по всем статьям подходил на роль «врага народа»: сын священника, служил в духовной консистории, долгое время служил на КВЖД, в Китае, имеет родного брата, Андрея Ильича, бывшего царского офицера.

Постановлением Тройки Управления НКВД Челябинской области 20 ноября 1937 года В.И.Соколов был приговорен к расстрелу²⁷. Тогда по указанию Москвы следствие и суд проводили в упрощенном порядке: не было ни адвоката, ни возможности для апелляции, и приговор приводился в исполнение немедленно. После вынесения приговора В.И.Соколов из Троицкой был препровожден в Челябинскую тюрьму. И уже через две недели, 4 декабря 1937 года в 22 часа В.И.Соколов был расстрелян²⁸. Местом расстрела в Челябинске была Золотая гора, бывшие шурфы, оставшиеся после добычи золота, они располагались на окраине Челябинска. И можно, с большой долей уверенности утверждать, что останки В.И.Соколова покоятся на этом месте, вместе с тысячами расстрелянных в годы «Большого террора» в Челябинске ни в чем неповинных граждан.

Дочь В.И.Соколова, Нина Васильевна Соколова, несмотря на все лишения, выпавшие на ее долю после ареста и смерти отца, сумела окончить институт, стала квалифицированным специалистом. После она еще получила медицинское образование, работала главным логопедом Омской области. Вышла замуж на Федора Карповича Новобранцева, известного ученого в области механизации процессов в животноводстве, ставшего затем кандидатом технических наук, заслуженным механизатором РСФСР, награжденного двумя правительственными медалями и шестью медалями ВДНХ.

26 сентября 1958 года Нина Васильевна Соколова обратилась с заявлением в Генеральную Прокуратуру СССР о проведении проверки дела отца и для последующей его реабилитации. Управлением КГБ по Челябинской области была проведена проверка. Свидетелей Глебова, Миролюбова и Федотова к этому времени не удалось разыскать. Были опрошены три свидетеля, люди, работавшие в 1930-е годы с Соколовым на мыловаренном заводе в Троицке, они дали показания, что никаких антисоветских высказываний со стороны В.И.Соколова не было. 18 апреля 1959 года президиум Челябинского областного суда отменил постановление Тройки УНКВД по Челябинской области в отношении Со-

колова Василия Ильича и дело о нем дальнейшим производством прекратил за недостаточностью доказательств его вины²⁹. Решение суда было направлено дочери Соколова - Соколовой Нине Васильевне, проживавшей в то время в городе Омске.

Спустя годы восторжествовала справедливость, но человека уже нельзя было вернуть.... Вот такая содержательная, наполненная большими и малыми событиями жизнь представителей рода Авдониных-Глазковы. Здесь, конечно, описана только часть этой большой жизни. Потомкам надо продолжать собирать и затем сохранять свидетельства жизни своих предков. Уважение к своим предкам является общечеловеческой ценностью, так как вызывает к самой сути человеческого существования на земле. Великий Александр Пушкин писал об этом: «Неуважение к предкам есть первый признак дикости и безнравственности...Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно, не уважать оной есть постыдное малодушие».

И главный вывод, который необходимо извлечь из этой книги, как и из нашего прошлого - никогда не допустить повторения подобных трагических событий российской истории. И в большом, и в малом, всегда и во всем признавать главенство (приоритет) интересов человека, гражданина перед интересами государства.

Примечания

¹ РГВИА. Ф.2764. Оп.РГ2. Д.108. Л.5,6.

² ГАРФ.Ф.1837.Оп.2. Д.6.Л.117.

³ Справочная книжка Екатеринбургской епархии на 1909 год / Сост. и изд. П.П.Серебрянский [и др.]. Екатеринбург.1909. С.20.

⁴ ГААОСО.Ф.Р-1.Оп.2.Д.69009. Л.20.

⁵ Там же. Л.20, 20 об,21,

⁶ Там же. Л.115 об.

⁷ Там же. Л.135,136.

⁸ Хакимов Р.Ш. Неизвестная депортация. Челябинск. Книга. 2006. С.12.

⁹ ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп.20. Д.18. Л.Л. 181-184.

¹⁰ Хакимов Р.Ш. Неизвестная депортация. Челябинск. Книга. 2006.С.14.

¹¹ ОГАЧО. Ф.Р-274. Оп.20. Д.18. Л.Л.194, 195.

¹² Подробно об истории выселения 1948 года написано в книге: Хакимов Р.Ш. «Неизвестная депортация». Челябинск. Книга. 2006. - 96 с.

¹³ ОГАЧО.Ф.Р-274.Оп.20.Д.22.Л.157.

¹⁴ Архивный отдел администрации Кыштымского городского округа. Ф.3.Оп.1. Д.20А. Л.Л.73,76.

¹⁵ ОГАЧО. Ф.Р-274. Оп. 20.Д.20 Л.Л.2,3.

- ¹⁶ Челябинской области - 70 лет. Юбилейный статистический сборник. Челябинск. 2004. С.133.
- ¹⁷ Юрий Кузнецов. Немного о жизни. Магнитогорск. 1997. С.20.
- ¹⁸ Хакимов Р.Ш. Неизвестная депортация. Челябинск. Книга. 2006. С.39.
- ¹⁹ Хакимов Р.Ш. Неизвестная депортация. Челябинск. Книга. 2006. С.39,40.
- ²⁰ ГААОСО. Ф.Р-1. Оп. 2. Д.2050. Л.8, 8об, 9, 9об.
- ²¹ Там же. Л.12.12 об.
- ²² Там же. Л.14.
- ²³ ОГАЧО. Ф.Р-467. Оп.20. Д.П-11845.Л.17об.
- ²⁴ Там же. Л.6.
- ²⁵ Там же. Л.8, 8об.
- ²⁶ Там же. Л.12.
- ²⁷ Там же. Л.17об.
- ²⁸ Там же. Л.19.
- ²⁹ Там же. Л.37.
-

Бессонов Михаил Сергеевич

История Введенского собора г.Карпинска до 1801 года

Почему-то некоторые жители города Карпинска считают, что собор в городе носит название «Богословский» или «Иоанно-Богословский», исходя из того – раз завод назывался Богословский, то и название собора такое же. Всё логично, но не совсем так. Давайте попробуем разобраться.

В книге «Приходы и церкви Екатеринбургской епархии», изданной в Екатеринбурге в 1902 г. написана: «...Соборный Введенский храм в Богословском заводе каменный, двухэтажный и двух-престольный. В нижнем этаже престол освящен в честь праздника Введения во храм Божией Матери, а в верхнем этаже – во имя св. Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова. Заложен Богословский собор в 1767 году, с благословения Митрополита Тобольского и Сибирского Павла, архимандритом Верхотурского Николаевского монастыря Тихоном, которым и был освящен нижний храм; верхний же храм был освящен в 1776 году, с благословения епископа Тобольского и Сибирского Варлаама, Архимандритом Верхотурского монастыря Феодосием. Как построение собора, так и снабжение его необходимою церковною утварью было произведено старанием и иждивением основателя Богословского завода Максима Походяшина»¹. Эта информация всем известна и часто цитируется. Подтвердить ее или опровергнуть я пока не могу. К сожалению, документов по

истории собора сохранилось и найдено, пока, очень мало. Наверное, поэтому любая новая дополнительная информация будет ценная. Но немного предыстории.

Весной 1758 г. верхотурский купец Максим Михайлович Походяшин на речке Колонге приступил к строительству чугуноплавильного и железоделательного Петропавловского завода (будущего г. Североуральска). Но Канцелярия главного заводов правления, ради сохранения окрестных лесов, предложила Походяшину приложить усилия для отыскания других речек, где можно было бы построить молотовые фабрики для переплавки выплаваемого на Петропавловском заводе чугуна. Такое место было найдено на речке Турье и 5-го февраля 1759 г. Берг-коллегия дала разрешение на строительство здесь завода. Для строительства Петропавловского завода и завода на реке Турье, а также для вспомогательных работ были приписаны 4200 государственных крестьян из Чердынского уезда. Но не всё так просто.

Строительство завода на речке Турье постоянно срывалось по причине не выхода крестьян на работу. И только в ведомости от 3 января 1767 г., составленной приказчиком Петропавловской заводской конторы Федором Агаповым, мы находим слова о начале строительства завода: «Турьинской **Богословской** в первой 1766 года половине к строению место разчищено, а во второй июльской половине к строению плотины, ларей и фабрик лесные припасы приуготовлять начаты, да к делу мехов меховая фабрика построена»². Итак, к строительству завода на реке Турье приступили в первой половине 1766 г. и, наверное, впервые завод назван «Богословским», т.е. еще до строительства в нем церкви. Кстати, ко всем юбилеям в этом году, можно добавить и этот: 255 лет с начала строительства завода на реке Турье, а значит и поселения. С чем я и поздравляю карпинцев!

Первое упоминание о строительстве церкви мы находим в доношении Максима Походяшина в Канцелярию главного правления Сибирских, Казанских и Оренбургских заводов от марта 1769 г. «При оном же заводе строитца мною церковь во имя Святаго Евангелиста Иоанна Богослова, чего ради и соизволено б было именовать тот завод Богословским»³. С тех пор и стал завод на реке Турье называться Богословским.

Летом 1770 г. Богословский завод посетил немецкий естествоиспытатель и путешественник Петр Симон Паллас. Вот как он описывает Богословский завод: «Из домов сооружены токмо кантора, изба для хозяина, здесь часто проживающего и несколько хижин работникам, но место, на коем жилья линиями строиться будут и окрестные холмы прочищены

уже для каменной на готической вкус строящейся церкви, в которой в низу зимняя уже совершена и можно расписывать, а вверху начаты токмо стены. Для снабдения сих зданий вблизи есть кирпичной завод»⁴. Обратите внимание на упоминание им кирпичного завода. Это я к тому, что сейчас некоторые, так называемые «краеведы», утверждают, что кирпич для строительства привозили на завод аж из самого Екатеринбурга. Как видим, кирпич производился на месте.

А теперь давайте обратимся к документам Тобольского архива. Так в документе за 1771 г. говорится: «В 1771 году построены вновь церкви: 1) Верхотурского уезда в Богословском заводе Максима Походяшина каменная Введенская» и далее «в Богословском завододержателя Максима Походяшина заводе каменная во имя Введения во храм Пресвятыя Богородицы по прошению онаго заводчика Походяшина при 86 разночинских, посацких дворах, крестьянских и новокрещенных вогулских дворах для следующих необходимых нужд». Разъясняется, что ближайшая, в приходе которой состояли жители, находится далеко, а именно в 50 верстах (очевидно, имеется в виду в Петропавловском заводе), а «от протчих окрестных церквей и более ста верст». К церкви священника и причетников еще не определено⁵. Видимо, пока это первый документ, где церковь названа Введенской.

Следующий документ, составленный 20 ноября 1773 г., дает нам сведения из исповедной росписи: о количестве дворов, жителей по полу и исповедовавшихся по сословиям: «В Богословском заводе Введенская церковь: сколько дворового числа – 108; душ мужеска – 380, женска – 367; духовных: исповедывавшихся и причастившихся: мужеска – 3, женска – 2, неисповедывавшихся по малолетству: мужеска – 1, женска – 1; военных: исповедывавшихся: мужеска – 3, женска – 2; приказных нет; разночинцев исповедывавшихся: мужеска – 57, женска – 50; неисповедывавшихся: за малолетством: мужеска – 6, женска – 10; посадских исповедывавшихся: мужеска – 110, женска – 93; неисповедывавшихся за малолетством: мужеска – 14, женска – 16; дворовых: исповедывавшихся: мужеска – 8, женска – 10; неисповедывавшихся за малолетством: мужеска – 1, женска – 2; поселян исповедывавшихся: мужеска – 150, женска – 150; неисповедывавшихся: за малолетством: мужеска – 23, женска – 28; новокрещенных: исповедывавшихся: мужеска – 4, женска – 3». Здесь же приводится извлечение из метрической книги, из которого мы узнаем, что за 1773 г. в Богословском заводе родилось 33 мальчика и 26 девочек; было 22 брака; умерло 15 человек мужского пола и 13 женского⁶.

В ведомости о священноцерковнослужителях и их детях, составленной в Верхотурском духовном правлении в 1774 г. даются несколько другие цифры, так говорится, что церковь построена в 1770 г., а приходских дворов было 182. Здесь же сообщается: «От оных прихожан к произведению во священство кандидатов и поныне ником, також и в причет не представлено и из саможелающих никто не явился». Т.е. прихожане не представили кандидата в священники и никто из них не пожелал быть причетником. А так как при Петропавловской церкви Петропавловского завода было два священника, то одному из них, Алексею Зеленцову, было поручено исправлять церковные требы при Введенской церкви Богословского завода. А в будущем: «как та церковь, так и священно и церковнослужители содержаны быть могут без нужды доволствованием заводосодержателя Походяшина, також и от подаяния выше писанных чинов приходских людей». При церкви надлежало быть по одному священнику, дьячку и пономарю. А так как священноцерковнослужителей еще не было, то и церковной земли не было означено⁷.

Интересные строчки есть в письме приказчика Ивана Манакова Максиму Михайловичу Походяшину: «В присылке антими́ссов и грамот на освящение церквей еще нет от духовного правления сообщения. У сего подношу и письмо от архимандрита». Письмо датируется 30 маем 1776 г. А мы знаем, что верхний храм был освящен в 1776 г. И поэтому письму можно предположить, что он был освящен после 30 мая 1776 г.

Как же так получилось, что церковь Введенская, а завод Богословский? Наверное, этому есть логичное объяснение. Как мы знаем, завод стал называться Богословским еще до начала строительства церкви, а первым был освящен престол в честь праздника Введения во храм Божией Матери на нижнем этаже. Поэтому и церковь получила название Введенская.

В 1791 г. при продаже Походяшиными заводов в казну была составлена ведомость вещам Богословского завода, где мы находим каменную церковь ценою 15668 руб. 88 ½ коп., часы на колокольне ценою 600 руб., кладбище «к похоронению мертвых» ценою 59 руб. 50 ½ коп.⁸

Кто же служил в Введенской церкви в этот период? Выше уже упоминался священник Зеленцов. Что известно о нем на данный момент. Зеленцов Алексей Иванович с 1748 по 1750 год обучался в Тобольской семинарии и выпущен из инфимы (низший класс в семинарии — прим.М.Б.). С 1768 г. служил по грамоте тобольского митрополита Павла. На 8 апреля 1769 г. ему было 37 лет. В 1769-1774 гг. второй священник Петропавловской церкви Петропавловского завода. В 1772-1774 гг.

исправлял церковные требы в Богословском заводе за неимением там священнослужителей. Возможно, первый священник Введенской церкви. В 1775 г. штатный священник Введенской церкви. В 1775-1784 гг. священник зарецкой Богородицы Одигитриевской церкви в г.Верхотурье. Его потомки служили священноцерковнослужителями в разных приходах Верхотурского уезда и Пермской губернии. Старший сын Андрей служил дьячком вместе с отцом в Петропавловской церкви Петропавловского завода, а потом был священником Богоявленской церкви Лялинского (Караульского) села. Второй сын, Яков, родился 15 октября 1753 г. 4 февраля 1775 г. по грамоте тобольского епископа Варлаама посвящен в дьячки Введенской церкви Богословского завода. В 1777 г. второй дьячок Знаменской церкви г. Верхотурья. 28 ноября 1778 г. произведен в дьяконы Верхотурского Николаевского монастыря. Затем служил священником Семеновской церкви и Свято-Троицкого собора Кушвинского завода, где и умер 20 июня 1811 г. Третий сын, тоже Яков, по грамоте епископа Варлаама служил с 1775 г. пономарем Петропавловской церкви Петропавловского завода. Затем был дьяконом Михайло-Архангельской церкви Меркушинского погоста⁹.

Очевидно, вторым по времени священником Введенской церкви был Бурлев. Бурлев Василий Данилович обучался в Тобольской семинарии с 1759 по 1770 год и был выпущен из класса богословия. Начал службу в Воскресенской церкви г. Верхотурья. На 1774 г. ему было 28 лет. Затем был дьяконом Покровской церкви Верхотурского женского монастыря, а с 1775 г. по грамоте епископа Варлаама служил священником в Богословском заводе. Умер, очевидно, до 1795 г., так как по ревизской сказке этого года в Богословском заводе зафиксирована «поповская» вдова Васса Максимовна Бурлева, у которой был сын Анемподист (обучался в Тобольской семинарии) и дочери Наталия и Мария Его брат, Иван Данилович, обучался в Тобольской семинарии с 1769 по 1772 г. и выпущен из класса фары. По грамоте епископа Варлаама с 1776 г. служил пономарем в Введенской церкви Богословского завода. В 1777 г. ему было 19 лет¹⁰.

Еще один священник Введенской церкви Дерябин Константин Демидович родился около 1750 г. Сын священника Ильинской церкви Мугайского погоста Верхотурского уезда. Обучался в Верхотурской греко-латинской школе и выпущен из класса фары. С 1769 г. служил по грамоте епископа Варлаама. Сначала в Спасо-Воскресенской церкви г.Верхотурья, в 1772 г. дьячок Ильинской церкви Мугайского погоста, дьякон Введенской церкви Богословского завода (1777), священник здесь же (19.04.1785). Был переведен священником во вновь открывшуюся

Максимовскую церковь в Турьинских рудниках (сейчас г. Краснотурьинск), где и умер 26 октября 1807 г. Был женат на Матроне, дочери ямщика из деревни Комаровой Верхотурского уезда Ивана Комарова¹¹.

По ревизии 1782 г. в штате Введенской церкви значились: дьячок Иван Алексеевич Сапожников, 21 года, который позднее выбыл на место священника в Шайтанский завод Екатеринбургского заказа. Пономарем был Алексей Иванович Муромцов, 20 лет. Сын дьячка Введенской церкви Кишкинского погоста Верхотурского уезда. 8 июня 1777 г. по грамоте епископа Варлаама определен пономарем к Никитинской церкви Салдинского завода Нижнетагильского заказа. В 1789 г. дьякон Введенской церкви, а в 1791 г. был определен священником к Преображенской церкви Тагильской слободы¹².

По ревизской сказке 1795 г. в штате Введенской церкви Богословского завода значились: священник Федор Васильевич Дерябин, 48 лет. Сын священника Сретенской церкви Салдинского погоста Верхотурского уезда. Обучался в Тобольской семинарии с 1759 по 1767 г. и выпущен из класса грамматики. 12 февраля 1767 г. определен пономарем в Верхотурский монастырь. 26 сентября 1769 г. произведен Верхотурского заказа в Салдинский завод к Сретенской церкви в дьяконы. В том же году вновь переведен в Николаевский монастырь. «3 марта 1779 г. произведен в священники к Богородицкой церкви Кошайского погоста, но за упрямством к той церкви из Верхотурья не ездил, с чего запрещено ему и служение. 15 мая 1780 г. разрешен служением в Богословский завод Походяшина». Жена Ирина, дочь отставного солдата Салдинского погоста Алексея Старцова. Их сын Семен в 1790 г. был определен дьячком в штат Введенской церкви, а в 1800 г. произведен в священники на место своего умершего отца¹³. Дьяконом в 1795 г. был Василий Трофимович Удинцов, 29 лет. Сын пономаря Ницынской слободы Ирбитского заказа. Пономарем был Семен Федорович Словцов (Слопцов), 27 лет. Сын дьякона Невьянской слободы Ирбитского заказа. С 1802 г. дьякон Петропавловской церкви Петропавловского завода (сейчас г.Североуральск), где и умер 21 января 1811 г. Был женат на Ирине, дочери крестьянина г.Верхотурья Семена Грехова¹⁴.

В 1795 г. в штате Введенской церкви Богословского завода был еще один священник Иван Алексеевич Кириллов, но о нем будет отдельный рассказ.

Примечания:

¹ Приходы и церкви Екатеринбургской епархии. Екатеринбург, 1902. С.300-301.

² ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.1852. Л.116, 117.

³ Там же. Д.1981. Л.228.

⁴ Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства по повелению Санкт-Петербургской Императорской Академии Наук. Ч.2. Кн.1. 1770. СПб., 1786. С.308.

⁵ ГА в г.Тобольске. Ф.И156. Оп.3. Д.163. Л.14.

⁶ Там же. Д.1. Л.93 об.-94, 141 об.

⁷ ГА в г.Тобольске. Ф.И156. Оп.3. Д.335. Л.279 об.-280.

⁸ Там же. Оп.31. Д.6006. Л.22 об.

⁹ ГАПК. Ф.111. Оп.1. Д.2981. Л.13 об.; ГАСО. Ф.6. Оп.2. Д.429. Л.117 об.-118; Оп.3. Д.154. Л.171 об.; Ф.491. Оп.1. Д.26. Л.18; ГА в г.Тобольске. Ф.И156. Оп.2. Д.1983. Л.528 об.; Д.2857. Л.291 об.; Оп.3. Д.335. Л.275; Д.1192. Л.13 об., 16 об., 17.

¹⁰ ГА в г.Тобольске. Ф.И156. Оп.3. Д.335. Л.270; Д.1192. Л.17; ГАПК. Ф.111. Оп.1. Д.2981. Л.2

¹¹ Там же. Оп.2. Д.2857. Л.286; Оп.3. Д.335. Л.273-273 об.; Д.1192. Л.17; ГАПК. Ф.111. Оп.1. Д.2981. Л.7; ГАСО. Ф.6. Оп.3. Д.9. Л.419 об.; Ф.24. Оп.23. Д.6887. Л.271 об., 273 об.

¹² Там же. Оп.3. Д.1192. Л.15, 23 об., 111 об.; ГАПК. Ф.111. Оп.1. Д.2981. Л.1 об.-2; ГАСО. Ф.59. Оп.3. Д.2231.

¹³ Там же. Д.335. Л.270 об.; Д.2521. Л.11; ГАПК. Ф.111. Оп.1. Д.2981. Л.1; ГАСО. Ф.6. Оп.2. Д.426. Л.69.

¹⁴ ГАПК. Ф.111. Оп.1. Д.2981. Л.2-2 об.; ГАСО. Ф.6. Оп.3. Д.4. Л.163 об.; Д.154. Л.423.

Гунгер Юрий Владимирович

Нарком снабжения Николай Болеславович Эйсмонт

Детство и юность

Николай Болеславович Эйсмонт родился в Турьинских Рудниках¹ 4 декабря 1891 года.

В автобиографии Эйсмонт сообщал: *«Отец – сын сосланного за польское восстание литовского помещика, умершего вскоре после ссылки в Сибирь, с раннего детства зарабатывал деньги самостоятельно, прошел среднюю школу и незадолго до моего рождения окончил Лесной институт, после чего устроился лесничим на Урале, где работал отец моей матери (горный инженер)»*². К сожалению, фамилия деда и, соответственно, девичья фамилия матери из Турьинских Рудников остаются пока неизвестными.

С 1892 года ученый лесовод Болеслав Константинович Эйсмонт (Эйсмонд, Эйсмондт) работал помощником лесничего Богословского

горного округа³. В 1894-95 годах Б.К.Эйсмонт – лесничий Филькинской дачи⁴. Проживала семья Эйсмонтов, видимо, в Богословске⁵, где находилось лесничество Богословского горного округа. Здесь в 1895 году у потомственного дворянина Эйсмонта (римско-католического вероисповедания) и Ольги Николаевны (православной) родился сын Иннокентий. Восприемниками при крещении были Иосиф Георгиевич Николаев и жена горного инженера Эмма Ивановна Кихлер⁶.

«Мое раннее детство прошло в частых переездах по разным местам Урала и Сибири, т.к. отец часто менял работу. Из-за этих частых переездов я не мог довольно долго устроиться в средней школе и, сдав девяти лет экзамен в Оренбурге, поступил в реальное училище только через 2 года (уже во 2-й класс, сдав новый экзамен) в г. Барнауле, где отец, наконец, обосновался на продолжительное время», – писал Н.Б.Эйсмонт в автобиографии⁷.

Из характеристики Н.Б.Эйсмонта: *«В феврале 1907 года Барнаульским комитетом РСДРП был принят в члены партии. До 1917 года участвовал в революционной работе в Сибири и Петербурге в качестве пропагандиста, лектора, газетного работника, члена комитета. В этот же период он дважды заключался в тюрьму и отбывал ссылку»⁸.*

О личной жизни Эйсмонта известно немного. Женился он в 1911 году: *«Жена – курсистка. В студенческих организациях работали совместно... В 1916 году удалось вернуться в Петербург. Поиски заработка. Тяжелое материальное положение. Живем тем, что жена зарабатывает на машинке. Наконец, устроился в одном из правлений английских обществ Уркарта. Быстро получил там «повышение» и хорошо оплачиваемую должность»⁹.*

Хозяйственный работник

С ноября 1917 года Эйсмонт – комиссар районной думы Петроградской стороны, с 1918-го – товарищ Петроградского городского головы М.И.Калинина. В 1919 году Эйсмонт был назначен помощником, затем главным начальником снабжения Красной Армии, в 1920-м – заместителем чрезвычайного уполномоченного по снабжению армии А.И.Рыкова¹⁰. О чем Рыков вспоминал в 1932 году: *«Раньше я с Эйсмонтом был очень близок. Он был моим помощником во время Гражданской войны, по снабжению армии. Как работника, я его хорошо знаю и считаю, что он в то время был лучшим работником по этой линии. К большим вопросам политики он интереса не имел и мало способен был ими заниматься, но как практика в хозяйственной области я считаю его сильным и большим работником, независимо от того, что он*

выпить любит. В личных отношениях я его считаю человеком очень устойчивым, во всяком случае честным»¹¹.

20 апреля 1920 года Н.Б.Эйсмонт был утвержден членом президиума Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ), о чем получил удостоверение за подписью председателя СНК В.И.Ленина¹². А в 1922 году И.В.Сталин, напутствовавший А.И.Микояна на пост секретаря Юго-Восточного бюро ЦК партии в Ростове-на-Дону, говорил о Николае Болеславовиче: *«Мы можем направить Эйсмонта – опытного хозяйственного работника и еще других. Вообще, после ознакомления с положением на месте, будет ясно, каких еще работников нужно направить в край. ЦК жалеть людей для этого края не будет»¹³.*

Из характеристики Эйсмонта: *«С X.1923 г. по VIII.1924 г. Эйсмонт работал зам. председателя ВСНХ РСФСР, в последующие годы являлся председателем Северо-Кавказского крайисполкома, членом президиума ВСНХ СССР, членом коллегии Наркомторга, членом правления Внешторгбанка, наркомом торговли РСФСР, заместителем наркома торговли СССР и на других руководящих должностях. Эйсмонт Н.Б. избирался членом ВЦИК X, XII и XIII созывов и членом ЦИК СССР I и III созывов»¹⁴.*

В апреле 1923 года И.В.Сталин докладывал XII съезду РКП (б) о чистке в госаппарате и привел положительный пример: *«Есть у нас такое учреждение, называемое Промбюро... В этом аппарате состояло около 2 тыс. работников... Нашлись добрые люди: Ворошилов, Эйсмонт и Микоян, которые взялись за дело по-настоящему. И оказалось, что вместо 2 тыс. работников в аппарате можно иметь 170»¹⁵.* Справедливости ради скажем, что К.Е.Ворошилов сделал в президиум съезда заявление: *«Общий смысл нашего разговора т. Сталин передал верно; что же касается цифр и названных т. Сталиным лиц, то здесь произошло досадное недоразумение, не вполне отвечающее действительному положению дела»¹⁶.*

С конца 1925 года Н.Б.Эйсмонт – член коллегии Наркомата торговли СССР.

Нарком торговли

Весной 1926 года Николай Болеславович Эйсмонт был назначен народным комиссаром торговли РСФСР.

Тогда же И.В.Сталин, «сватавший» А.И.Микояна на должность наркома торговли СССР, говорил: *«В наркомате есть опытные работники по внешней торговле, такие, как Стомоняков, Шлейфер, Кауфман, Лобачев, Чернов, по внутренней торговле – Эйсмонт, Вейцер, Залкинд.*

Они могут поднять любой наркомат и хотят работать с тобой. При наличии таких специалистов ты будешь иметь полную возможность присмотреться к работе, а затем уже уверенно приступить к делу»¹⁷.

Осенью того же года Н.Б.Эйсмонт был назначен заместителем наркома торговли СССР (по совместительству).

В 1927 году на XIII Всероссийском съезде советов Н.Б.Эйсмонт сделал доклад «О состоянии внешней и внутренней торговли РСФСР и о снижении цен»¹⁸: *«Только у нас, в Советской республике, мыслимо, чтобы в условиях товарного голода, в условиях недостатка целого ряда товаров, мы шли на снижение цен. ...Эти факты говорят за то, что советская торговля выполнит возлагаемые на нее ожидания и обязательства и что основные элементы этой торговли – госторговля и кооперация явятся мощным орудием в руках рабочего класса и крестьянства по пути к нашей окончательной цели – социализму»¹⁹.*

29 августа 1929 года постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) «О ходе хлебозаготовок и проведении директив Политбюро» «для проверки исполнения директив ЦК и помощи местным организациям по усилению хлебозаготовок командировать товарища Микояна на Волгу и Северный Кавказ сроком на две недели, а товарища Эйсмонта в Казахстан»²⁰.

В 1929-30 годах в США полгода работала большая советская делегация, изучавшая новейшие технические достижения в области энергетики, под руководством В.М.Савина-Савостьянова. Присоединившийся к делегации уже в Америке Н.Б.Эйсмонт занимался подготовкой торговых соглашений с американскими компаниями на приобретение оборудования для строящихся в СССР электростанций и линий электропередач. Программа работы включала посещение штаб-квартиры «Дженерал Электрик» и знакомство с ее предприятиями в городах Шенектэиди и Питтсфилд. В один из свободных дней для делегации был организован выезд в природный парк в Питтсфилде. От этой поездки осталась групповая фотография на фоне знаменитого «висящего» камня²¹.

Нарком снабжения

В 1930 году Н.Б.Эйсмонт был назначен наркомом снабжения РСФСР и членом коллегии Наркомснаба СССР.

В июне этого года он информировал Правительственную комиссию по делам переселяемых в Северные окраины кулаков о том, что *«в настоящее время во всей остроте стоит вопрос об отпуске товаров на нужды заброски их в особо отдаленные районы»*. Наркомат торговли РСФСР, не располагавший *«какими-либо ресурсами для обеспечения указанной потребности»*, просил Наркомат торговли СССР отпустить про-

довольствие из общесоюзных ресурсов. На что *«последовал категорический отказ выделить указанный контингент продовольствия»*. Тогда Эйсмонт просил председателя комиссии В.Н.Толмачева *«довести об изложенном до сведения Правительства»*²².

11 июня 1930 года Н.Б.Эйсмонт писал И.В.Сталину, А.И.Рыкову и Г.К.Орджоникидзе: *«Мне доставлена записка Гомбарга... что по отношению к нему и его жене применяются пытки, с целью заставить сознаться во взятках, в которых, как он заявляет, он не виновен. Моим первым побуждением было – выбросить эту записку, как явный абсурд или бред больного человека – настолько это показалось мне невероятным, но, подумав, я решил, что так поступить нельзя и необходимо об этой записке срочно сообщить Вам»*.

Мотивировал Эйсмонт тем, что *«несколько странным представляется то обстоятельство, что еще месяца два тому назад ряд ответственных товарищей (очевидно, на основании информации сотрудников следственных органов) сообщали, что виновность Гомбарга доказана. А между тем, несмотря на это, никакого решения по его делу все еще не вынесено. Допросы продолжаются. Почему?»*

Политбюро, 20 июня рассмотревшее письмо Эйсмонта, приняло решение: *«принять к сведению»*²³.

Между тем, приближалось время Н.Б.Эйсмонту испытать *«явный абсурд»* на себе.

Партийный долг

Еще в период работы на Северном Кавказе Эйсмонт был знаком с Николаем Васильевичем Никольским, занимавшим там пост начальника крайплана. С 1925 года Никольский работал Наркомторге. В 1929 году доложил Эйсмонту о поддержке Рыкова начальником экономического отдела наркомата Гришем и просил *«укрепить руководство экономическим отделом»*. Эйсмонт согласился и перевел Гриша на другую (хозяйственную) работу. В 1930 году, во время чистки партии, Никольский снова *«указал на антипартийное поведение»* Гриша. Эйсмонт не подтвердил выступление Никольского, *«сславившись, что он якобы не помнит этого»*. Сам Никольский *«чистку прошел нормально»*, но партстаж ему утвердили только с 1917 года (вместо 1905-го). В связи с чем, Эйсмонт уволил его из коллегии наркомата, после чего, Никольский работал инженером-технологом в Игарке²⁴.

О дальнейших отношениях с Эйсмонтом Никольский давал показания: *«Эйсмонт работал там же, в Наркомторге. Во время работы в Игарке я поддерживал с ним связь, часто бывая в Москве. Эйсмонт по-*

могал и моей жене, когда она была в Москве. Вскоре после возвращения, как будто бы на ноябрьские праздники, я был с женой на вечеринке у Эйсмонта. Было много народа. Пили шампанское. Потом, в конце вечеринки, Эйсмонт отвел меня к себе в кабинет и начал рассказывать о тяжелом положении в стране, предложил мне вступить в антипартийную группу... Тогда же он сказал, что нужно убрать Сталина»²⁵.

19 ноября 1932 года Никольский рассказал председателю президиума Комакадемии ЦИК СССР М.А.Савельеву о попытке Эйсмонта завербовать его «в какую-то правую группу, возглавляемую, как будто бы, А.П.Смирновым». Вообще, Никольский «хотел об этом сообщить Микояну, но не смог с ним увидеться». Савельев немедленно написал на самый верх: «Товарищ Сталин! У меня только что был некий товарищ Николай Васильевич Никольский, заведующий на Игарке экспортным объединением. Это мой давнишний знакомый... Он под большим секретом сообщил мне следующее...». Так как Никольский спешил на поезд, Савельев «не успел выяснить у него ряд подробностей»²⁶. Но уже 22 ноября «в дополнение и исправление своей записки» Савельев, дождавшийся Никольского из поездки в Ленинград, писал И.В.Сталину, передавая «выдержки из разговора, имевшего место 7 ноября у т. Никольского с Эйсмонтом на квартире у последнего: «Вот мы завтра поедем с Толмачевым к Александру Петровичу Смирнову, и я знаю, что первая фраза, которой он нас встретит, будет: «И как это во всей стране до сих пор не нашлось человека, который мог бы его убрать». Письмо было подписано и Никольским: «Записанное с моих слов т. Савельевым подтверждаю»²⁷.

А.И.Микоян свидетельствовал о Никольском: «Он пришел ко мне уже после подачи заявления в ЦК, пришел бледный, худой, и говорит, две ночи не спал. Почему? «Эйсмонт мне близкий друг, были хорошие отношения, но я был вынужден, потому что, когда он второй раз разговаривал со мной, я почувствовал, что дело серьезное. В первый раз, когда он говорил со мной, ну я думал, что, может быть, это так, просто брюзжание, а из второго разговора я понял, что речь идет о серьезном деле против партии, когда я услышал «или восстание крестьян, или Сталин», «надо самоопределяться» – я понял, что дело серьезное. Эйсмонт меня спрашивал: «Не пойдешь ли ты?». Я сказал в шутку: «Какой из меня контрреволюционер». «И то, что надо завтра к Смирнову идти – это, – говорит он, – подействовало на меня так, что я решил все сказать ЦК». Микоян «указал Никольскому, что он выполнил свой партийный долг»²⁸.

Заседание Президиума

24 ноября Никольский давал показания помощнику начальника 1-го отделения секретно-политического отдела (СПО) ОГПУ П.И.Колосовскому²⁹.

В тот же день, 24 ноября, Н.В.Никольский и Н.Б.Эйсмонт были опрошены на заседании Президиума ЦКК ВКП(б) Я.Э.Рудзутаком, Е.М. Ярославским, П.П.Постышевым в присутствии начальника секретно-политического отдела ОГПУ Г.А.Молчанова. Приведем, сгруппировав, лишь некоторые выдержки из стенограммы заседания.

Эйсмонт: *«Просто сидели за стаканом вина и беседовали... Я подтверждаю на 3/5... У меня действительно были всякие настроения, но, чтобы насчет Сталина, – извините».*

Ярославский: *«У меня такое впечатление, что т. Эйсмонт думает, что в ЦКК можно сказать и не так, как было».*

Постышев: *«А у Александра Петровича настроение тяжелое выражается в том, что он каждого встречает фразой: «Неужели не нашлось до сих пор человека, который бы мог убрать Сталина?... Для нас понятно, что значит «убрать». Убрать – убить... Это уголовный, контрреволюционный язык... Я думаю, что Эйсмонта надо арестовать, чтобы он с нами в дурачка не играл, этот номер не пройдет».*

Рудзук: *«Зачем вам говорить неправду – это понятно, а вот зачем это нужно Никольскому – это непонятно... Я считаю, что Эйсмонт врет от начала и до конца. Что Смирнов идет против партии и против Сталина, это совершенно ясно... Я считаю, что Эйсмонта нужно исключить из партии и арестовать... Мое предложение – Эйсмонта из партии исключить и арестовать (т.т. Постышев и Ярославский присоединяются). Я думаю, что на ближайшем заседании Политбюро нам это дело нужно доложить»³⁰.*

На следующий день на заседании Президиума ЦК был опрошен В.Н. Толмачев. По свидетельству Е.М.Ярославского, оба были арестованы сразу после заседаний³¹.

А.И.Рыков свидетельствовал: *«На другой день мне звонила жена Эйсмонта... Она просила свидания – «ввиду вашего старого знакомства с Эйсмонтом». Я виделся с женой Эйсмонта. Она спросила меня, знаю ли я про арест Эйсмонта. Я сказал, что первый раз слышу, а так как я с Эйсмонтом знаком, то я поразился. Потом я узнал, что стоит вопрос о группировке»³².*

На допросе Эйсмонта и на очной ставке с ним В.Ф.Попонина 27 ноября Г.А.Молчанов интересовался связями их с М.Н.Тухачевским³³. Видимо, на всякий случай. Время маршала еще не пришло.

Объединенное заседание

27 ноября состоялось объединенное заседание Политбюро ЦК и Президиума ЦКК ВКП(б) по единственному вопросу «Сообщение т. Рудзутака от ЦКК», на которое были приглашены А.П.Смирнов, М.П.Томский, А.И.Рыков и В.В.Шмидт, *«по той причине, что по ряду показаний Эйсмонта и других есть указания, прямые или косвенные, об участии этих товарищей в этом деле или в антипартийных разговорах»*. На ознакомление с *«уже подобранным основным материалом»* был дан один час³⁴.

Смирнов оправдывался: *«Тов. Толмачева я знаю по ссылке с 1909 года... Знаю, что это был честный, хороший партиец. Каким образом этот товарищ разложился и клеветает на меня, совсем непонятно. Совершенно непонятно также и поведение Эйсмонта. Я его знаю со времени работ в Совнаркоме, как наркома снабжения... Знаю, что это был тоже очень преданный, честный, хороший товарищ... Играли на бильярде и обменивались шутками по тем или другим вопросам... Но каких-нибудь разговоров с ними относительно руководства и, в частности, относительно т. Сталина я никогда не вел. Это такая подлая клевета, которой я не могу себе даже представить... Я утверждаю и доказываю это фактами, что никакой тройки не было и что, кроме двух товарищеских встреч за 1932 год, у нас никогда ничего не было»*³⁵.

М.П.Томский избрал другую линию: *«Утверждаю, никаких личных отношений у меня с Эйсмонтом не было, никаких политических разговоров не было. Он наврал с начала до конца... Эйсмонт – пьяный человек, который большую часть своей жизни находится либо выпивши, либо с похмелья, человек, который в пьяном виде, по-видимому, болтает, болтает безответственно все, что ему взбредет в голову... Эйсмонт – человек, который меньше всего пригоден для того, чтобы возглавить какую-нибудь политическую группу. Этот человек типа советского делеги. Чтобы он что-нибудь понимал в большой политике – в этом я сомневаюсь... Эйсмонт был пьян, пришел еще один пьяный человек, оба пьяных человека пошли от остальных пьяных людей в угол и говорили там всякие невнятные вещи»*³⁶.

Тему пьянок продолжил Е.М.Ярославский: *«На пирушках, куда приходят даже беспартийные люди, на пьянках, куда всякая обывательщина пролезла, и где уже стирается грань между партийцем, который*

приходит с патефоном, с пластинкой «Черные глазки», и рядом беспартийный сидит, – вперемежку с обывательскими разговорами ведутся разговоры о том, чтобы сменить руководство... обсуждаются кандидатуры, кого посадить на место тов. Сталина...». Ярославский призвал не относиться к этому благодушно и не ограничиваться тем, что, «мол, надо им сказать, чтобы они не болтали»³⁷.

Я.Э.Рудзутак «с полной определенностью» заявил, что «это дело вполне доказанное, и этих людей нужно наказать»³⁸.

Г.К.Орджоникидзе высказался об Эйсмонте: «Гнилым он всегда был... Некоторые тут смеются, что пьяные, мол, были, что это пьяная болтовня. Но вот что может получиться... Оказывается, виноват во всем Сталин, если бы этого Сталина не было, оказывается, весь Центральный Комитет вел бы другую политику, и при этой политике не было бы этих трудностей. Какая мысль может появиться при этих рассуждениях? Ясно – убрать Сталина»³⁹.

Дальше формулировал И.В.Сталин: «Для меня ясно, что существовало и существует нечто вроде неоформленной фракционной группы, ведущей борьбу с партией. Для меня ясно, что эта группа не исчерпывается Смирновым, Эйсмонтом и другими, а входят туда и такие товарищи, как Томский, Рыков. Это мое убеждение... На самом деле они ведут борьбу не со Сталиным, а с партией, с линией партии, которую они считают гибельной... Эти люди стоят против нашей политики индустриализации, против нашей политики коллективизации, против нашей политики насаждения и развития совхозов... Они считают, что политика партии не выдержала экзамена ни в области промышленности, ни в области сельского хозяйства. И именно потому, что они так считают, они вернулись к своим разбитым позициям. В этом существо платформы этой новой, а по существу – старой, правой группировки»⁴⁰.

После продолжительной речи Сталина об успехах социалистического строительства его поддержал А.А.Андреев: «Я думаю, что тов. Сталин правильно сразу взял быка за рога и правильно поставил вопрос». И призвал принять «очень крепкое» решение⁴¹. За ним В.М.Молотов «в лице этих господ» увидел «типичных буржуазных перерожденцев»⁴². Л.М.Каганович не сомневался, что Смирнов, Эйсмонт и Толмачев «совершили тягчайшие проступки» и требовал «полной ясности» от Томского и Рыкова⁴³.

Выступавшие на пленуме продолжали нагнетать. А.И.Микоян: «Эйсмонт не такой политик и храбрец, чтобы такие вещи самому выдумывать. Он всегда был человеком правых настроений, хотя полити-

ческое нутро его гнилое...Эйсмонт и Толмачев, не имея за своей спиной серьезной силы, не пойдут одни свергать ЦК... Вот почему прав т. Сталин, поставивши вопрос на принципиальную высоту и вскрывши нынешнюю позицию правой оппозиции... Виновных беспощадно наказать»⁴⁴.

Тему поддержал И.А.Ройзенман: *«Тут многие товарищи дали совершенно правильную оценку этой гнусной группировке... Враг лютый, и надо это следствие довести до конца – и тогда не давать пощады никому, несмотря ни на чин, ни на положение»⁴⁵.* За ним и «всесоюзный староста» М.И.Калинин призвал: *«То, что это дело появилось, за это, только за одно это, человек должен быть политически потрепан до потери сознания (общий смех)»⁴⁶.* В.В.Куйбышев характеризовал Эйсмонта как *«хитрого политика»⁴⁷.* Добивал С.М.Киров: *«Если бы сегодня и не было группировки, то она оформилась бы завтра... Она была бы оформлена, если бы честные члены партии не помогли это дело вовремя пресечь»⁴⁸.*

Заседание одобрило решение Президиума ЦКК об исключении из партии Эйсмонта и Толмачева и о передаче их дела в ГПУ и удовлетворило просьбу Смирнова о дополнительном исследовании всего дела⁴⁹.

Буржуазные перерожденцы

По делу Н.Б.Эйсмонта и В.Н.Толмачева допросили ряд лиц, у которых ОГПУ не смогло добиться нужных показаний. Дело базировалось на малоаргументированных показаниях супругов Никольских и В.Ф.Попонина, который и сам был привлечен по делу.

2 декабря на заседании комиссии ЦКК ВКП(б) была проведена очная ставка между А.П.Смирновым, Н.Б.Эйсмонтом и В.Ф.Попониным. Председатель Я.Э.Рудзутак и члены комиссии усиливали на них давление, обвиняя в подготовке теракта против И.В.Сталина. Н.Б.Эйсмонт категорически заявил: *«Никакой группы, конечно, не было. Мы просто делились своими мнениями»⁵⁰.*

16 декабря Сталин поэтично (но непонятно) писал Ворошилову: *«Дело Эйсмонта – Смирнова аналогично делу Рютина, но менее определенное и насквозь пропитано серией выпивок. Получается оппозиционная группа вокруг водки Эйсмонта – Рыкова, охоты на кабанов Томского, повторяю, Томского, рычание и клочкотание Смирнова и всяких московских сплетен, как десерта»⁵¹.*

Полное отсутствие вещественных доказательств и фактов не помешало вынести вопрос «Об антипартийной группировке Эйсмонта – Толмачева» на объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 12 января 1933 года.

Пленум установил, что *«Эйсмонт, Толмачев, Смирнов... вели антипартийную работу против политики партии... Создали подпольную фракционную группу... Вербовали своих сторонников среди разложившихся элементов, оторвавшихся от рабочих масс буржуазных перерожденцев... Группа... ставила своей задачей по сути дела отказ от политики индустриализации страны и восстановление капитализма, в частности, кулачества»*. Пленум резолюцией одобрил решение Президиума ЦКК *«об исключении из партии Эйсмонта и Толмачева, как разложившихся и переродившихся антисоветских людей, пытавшихся организовать борьбу против партии и партийного руководства»*. Смирнова исключили из ЦК и ЦКК ВКП(б), от Рыкова, Томского и Шмидта потребовали *«коренного изменения своего поведения»*⁵².

В.Н.Толмачев уже 16 января осознал, что *«только благодаря общему высокому уровню партийной бдительности, благодаря ленинскому ЦК и с его зорким, историей выкованным руководством, с непоколебимым вождем т. Сталиным, была пресечена наша позорная дезорганизаторская попытка»*, о чем писал в Политбюро ЦК ВКП(б). Он хотел *«выкарабкаться из той правооппортунистической грязи, в которую так мерзко влез»*⁵³.

В тот же день, 16 января 1933 года, В.Н.Толмачев, В.Ф.Попонин и Н.Б.Эйсмонт *«за антисоветскую агитацию»* постановлением Особого совещания при коллегии ОГПУ были осуждены к заключению в спецлагерь сроком на 3 года⁵⁴.

Ухтпечлаг

Наказание Николай Болеславович Эйсмонт отбывал в Ухтинско-Печорском исправительно-трудовом лагере ГУЛАГа ОГПУ.

11 мая 1934 года он написал в ЦК РКП(б) покаянное письмо: *«Важнейшей заслугой руководства во главе с тов. Сталиным является твердость с которой проводилась линия партии и пресекались всякие попытки свернуть ее с правильного пути... Суровые меры, принятые партией не только по отношению к откровенным агентам классового врага, но и по отношению ко всем свихнувшимся, спасовавшим перед трудностями, в частности, по отношению к нам, в виде изоляции и т.п., являлись неизбежными и необходимыми с точки зрения интересов партии, класса, революции... Прошу ЦК дать мне возможность, на соответствующей работе, доказать делом, что допущенная ошибка мною изжита полностью»*. Адрес: г.Чибью Коми области, Ухтпечлаг ОГПУ. Уже 28 мая заявление было передано секретарю ЦК ВКП(б) И.В.Сталину⁵⁵.

На фотографии из фондов Воркутинского музейно-выставочного центра, сделанной в сентябре 1934 года, среди студентов и преподавателей Ухто-Печорского горного техникума в поселке Чибью запечатлена работница техникума Эйсмонт. Возможно, это жена Николая Болеславовича.

28 февраля 1935 года Н.Б.Эйсмонт был освобожден из заключения, и остался работать в Ухтпечлаге⁵⁶.

22 марта 1935 года потерпел катастрофу самолет Юнкерс-13 воздушной линии Ухтпечлага. Все находившиеся на борту – летчик А.Плавинский, авиамеханик Ю.М.Котюхов, уполномоченный Ухтпечтреста Огарков, начальник техснабжения Ухтпечлага Н.Б.Эйсмонт – погибли. Похоронили их рядом с авиабазой в деревне Карпушевка⁵⁷.

По сведениям журналистки А.Тукалло, Н.Б.Эйсмонт прилетел в Усть-Цильму с юристом Ю.Б.Шмаровым (впоследствии известный генеалог и геральдист) заключать договор на перевозку грузов. В Чибью должны были возвращаться *«на списанном Юнкерсе... Шмарову пришлось задержаться по делам. Самолет с Юрой Котюховым и Эйсмонтом на борту попал в пургу – климат на Дальнем Севере убийственный – и разбился»*⁵⁸.

После смерти

20 августа 1936 года Каганович и Ежов докладывали отдыхавшему в Сочи Сталину о ходе 1-го Московского процесса, в частности, о допросе И.И.Рейнгольда: *«Наиболее характерным в его показаниях является... подробное сообщение о связи с правыми и о существовании у правых террористических групп (Слепков, Эйсмонт), о которых знали Рыков, Томский и Бухарин»*⁵⁹.

Содержание докладов и выступлений февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года свелось к тому, что страна наводнена шпионами, диверсантами и вредителями, обвинявших «троцкистов», «зиновьевцев» и «правых» в намерениях захвата власти еще в начале 1930-х годов и даже раньше. Например, В.И.Межлаук заявил: *«Сокольников, Фрумкин, Эйсмонт – все эти чужие партии люди, буржуазные реставраторы, были ближайшими помощниками и сотрудниками Рыкова, в тесном блоке с Каменевым травившими т. Дзержинского как человека, которому партия поручила дело подъема тяжелой промышленности»*⁶⁰. Ему вторил Л.М.Каганович: *«Террористическая организация Эйсмонта – Смирнова, она была первой серьезной террористической организацией. Ведь эта террористическая организация имела свою серьезную группу в Азово-Черноморском крае и не случайно, что Белобородов показывает*

сейчас, что при встрече с Рыковым Рыков ему указал как место совершения покушения – Сочи. План Белобородова совпадает с планом Эйсмонта, Толмачева, Смирнова, Мирошниченко»⁶¹.

5 марта 1938 года на 2-м Московском процессе А.И.Рыков давал показания: *«Туда в 1932 г. ездил специально Эйсмонт в целях организации нашего участия в кулацком движении. Эйсмонт поехал туда с моего ведома и после предварительного разговора со мной, с целью всемерного обострения кулацкого движения на Северном Кавказе и содействия его распространению. После этого он мне сообщил, что связался с Пивоваровым, и туда, кроме Эйсмонта, был послан Слепков, один из видных членов бухаринской организации. Он был послан с ведома и по инициативе Бухарина»⁶².*

Уже 7 марта Н.И.Бухарин подтвердил: *«Я послал Слепкова для подготовки кулацкого восстания на Кубани, Рыков послал на Кавказ Эйсмонта, который вступил в связь с правым Пивоваровым и троцкистом Белобородовым»⁶³.*

1 апреля 1938 года старший экономист «Посылторга» Доссер показал на допросе: *«В состав созданной Эйсмонтом террористической группы входили: он – Доссер, Хронин В.Н., Попонин В., Сковко А., Крумовец Р. (все арестованы). Группа была связана с террористами Тер-Габриэляном и Богомоловым... Планы террористического акта против тов. Сталина обсуждались группой в 1932–1933 и 1935 гг.»⁶⁴.*

Н.В.Никольский, «выполнивший свой партийный долг», в 1962 году заявил партийной комиссии: *«Ничего плохого про Толмачева сказать не могу. Как и Эйсмонт, он был очень хороший человек»⁶⁵.*

В феврале 1963 года в партийную комиссию при ЦК КПСС поступили заявления от З.В.Толмачевой и С.Н.Эйсмонт о партийной реабилитации (посмертно) их отцов В.Н.Толмачева и Н.Б.Эйсмонта. Комиссия *«посчитала возможным реабилитировать в партийном отношении»* Толмачева и Эйсмонта, что было утверждено на заседании президиума ЦК КПСС 7 февраля⁶⁶.

На памятнике (киль самолета Ил-14) в деревне Карпушевка Усть-Цилемского района Республики Коми надпись: *«Здесь покоится прах авиаторов-первооткрывателей северных воздушных трасс, погибших при исполнении служебных обязанностей... летчика А.Плавинского, бортмеханика Котюкова Ю.М., вместе с ними погибших пассажиров Эйсмонта и Огаркова»⁶⁷.*

Примечания:

- ¹ Ныне Краснотурьинск Свердловской области.
- ² Энциклопедический словарь Гранат. Т.41. Ч.III: Союз Советских Социалистических Республик (окончание). М., 1926. С.264.
- ³ Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1893 год. Пермь, 1892. С.80; Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1894 год. Пермь, 1893. С.118.
- ⁴ Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1895 год. Пермь, 1895. С.174; Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1896 год (високосный). Пермь, 1896. С.134.
- ⁵ Ныне Карпинск Свердловской области.
- ⁶ ГАСО, ф.6, оп.7, д.78, лл.75об.-76.
- ⁷ Эйсмонт Николай Болеславович (автобиография) // Энциклопедический словарь Гранат. Т.41. Ч.III: Союз Советских Социалистических Республик (окончание). М., 1926. С.264.
- ⁸ РГАСПИ, ф.17., оп.171., д.445, л.17.
- ⁹ Эйсмонт Николай Болеславович (автобиография)... С.266-268.
- ¹⁰ Там же. С.268.
- ¹¹ Объединенное заседание Политбюро ЦК и Президиума ЦКК ВКП(б) по вопросу о группе Смирнова А.П., Эйсмонта и др. 27 ноября 1932 года. Стенографический отчет. М., 1932. С.7.
- ¹² Декреты советской власти. Т.VIII. Апрель – май 1920. М., 1976. С.394.
- ¹³ Микоян А.И. Так было. Размышления о минувшем. М., 2014. С.52.
- ¹⁴ РГАСПИ, ф.17., оп.171., д.445, л.17.
- ¹⁵ Двенадцатый съезд РКП(б). 17-25 апреля 1923 года. Стенографический отчет. М., 1968. С.61.
- ¹⁶ Там же. С.423.
- ¹⁷ Микоян А.И. Указ. соч. С.68.
- ¹⁸ XIII Всероссийский съезд советов. Бюллетень №1. М., 1927. С.45.
- ¹⁹ XIII Всероссийский съезд советов. Бюллетень №7. М., 1927. С.48.
- ²⁰ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т.1. Май 1927 – ноябрь 1929. М., 1999. С.691-692.
- ²¹ Наш дед Василий Михайлович Савин-Савостьянов (Савостьянов-Савин) [Электронный ресурс] // URL: [https://ru.openlist.wiki/Савостьянов-Савин_Василий_Михайлович_\(1899\)](https://ru.openlist.wiki/Савостьянов-Савин_Василий_Михайлович_(1899)) (дата обращения 05.10.2021).
- ²² Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. Кн.1. М., 2005.С.166-167.
- ²³ Советское руководство. Переписка. 1928-1941 гг. М., 1999. С.114.
- ²⁴ Смыслов О.С. Генерал Абакумов. Всесильный хозяин СМЕРШа. М., 2005. С.63-64.
- ²⁵ Там же. С.65.

- ²⁶ Объединенное заседание Политбюро ЦК и Президиума ЦКК ВКП(б) по вопросу о группе Смирнова А.П., Эйсмонта и др. 27 ноября 1932 года. Стенографический отчет. М., 1932. С.45.
- ²⁷ Там же. С.46.
- ²⁸ Там же. С.33.
- ²⁹ Там же. С.47.
- ³⁰ О так называемой «Антипартийной контрреволюционной группировке Эйсмонта, Толмачева и других» // Известия ЦК КПСС: Информационный ежемесячный журнал. 1990. 11 ноября. С.67-68.
- ³¹ Объединенное заседание Политбюро ЦК и Президиума ЦКК ВКП(б)... С.9.
- ³² Там же. С.7.
- ³³ Минаков С.Т. Заговор «красных маршалов». Тухачевский против Сталина. М., 2016. С.172-173.
- ³⁴ Объединенное заседание Политбюро ЦК и Президиума ЦКК ВКП(б)... С.3-4.
- ³⁵ Там же. С.4.
- ³⁶ Там же. С.6-7.
- ³⁷ Там же. С.8-9.
- ³⁸ Там же. С.10-11.
- ³⁹ Там же. С.7, 13.
- ⁴⁰ Там же. С.16-17.
- ⁴¹ Там же. С.22.
- ⁴² Там же. М., 1932. С.28.
- ⁴³ Там же. С.32.
- ⁴⁴ Там же. С.34.
- ⁴⁵ Там же. С.35.
- ⁴⁶ Там же. С.38.
- ⁴⁷ Там же. С.41.
- ⁴⁸ Там же. С.43.
- ⁴⁹ Там же. М., 1932. С.44.
- ⁵⁰ О так называемой «Антипартийной контрреволюционной группировке Эйсмонта, Толмачева и других»... С.71.
- ⁵¹ Сталин И.В. Сочинения. Т.17. Тверь, 2004. С. 596.
- ⁵² Материалы объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б). Январь 1933 г. Л., 1933. С.193-194.
- ⁵³ РГАСПИ, ф.17., оп.171., д.196, лл.13-14.
- ⁵⁴ РГАСПИ, ф.17., оп.171., д.445, л.15.
- ⁵⁵ РГАСПИ, ф.17., оп.171., д.196, лл.128-129.
- ⁵⁶ О так называемой «Антипартийной контрреволюционной группировке Эйсмонта, Толмачева и других»... С.73.
- ⁵⁷ Ныне Коровий Ручей Усть-Цилемского района Республики Коми.
- ⁵⁸ Тукалло А. Юра и Юра [Электронный ресурс] // URL: <https://proza.ru/2021/05/17/893> (дата обращения 05.10.2021).
- ⁵⁹ Сталин и Каганович. Переписка. 1931 – 1936 гг. М., 2001. С.636-637.

⁶⁰ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. №10. 1992. С.19.

⁶¹ Там же. С.29.

⁶² Процесс антисоветского «право-троцкистского блока» // Правда. 1938. 5 марта.

⁶³ Сталин И.В. Сочинения. Т.16. М., 1997. С.337.

⁶⁴ Лубянка. Советская элита на сталинской голгофе. 1937-1938. / сост. В.Н. Хаустов. М., 2011. С.236.

⁶⁵ Смыслов О.С. Указ. соч. С.63.

⁶⁶ РГАСПИ, ф.17., оп.171., д.445, лл.12-17.

⁶⁷ Кулеба А. Под крылом – ГУЛАГ // Крылья Родины: Ежемесячный национальный авиационный журнал. №10-11. 2012. С.129.

Дерябина Галина Александровна

Дмитрий Парфёнович Дерябин

Д.П.Дерябин родился в 1920 году в селе Дерябино. Семья была большая: 11 детей и родители. Почему-то у этой семьи, в основном у отца, было прозвище «гамаюн». В 1928 году Дмитрий Парфенович пошел в 1 класс, школа тогда еще была четырехклассная. В 1931 году было очень голодно и Дмитрия отдали в сыновья бездетной тетке по отцу из Нижней Туры. Но он оттуда сбежал. В 1931 году в с.Дерябино построили семилетнюю школу и на следующий год Дмитрий снова пошел в родную школу, но уже в пятый класс. Когда он закончил пять классов, отец поехал на заработки в Нижнюю Туру и забрал с собой двух сыновей – Дмитрия и Сашу, чтобы матери было полегче. Шестой класс Дмитрий закончил в Нижней Туре. Потом они все вернулись обратно в Дерябино.

После школы пошел работать в колхоз «Маяк Севера». Дмитрий Парфёнович работал помощником конюха Михаила Егоровича Дерябина. В 1936-1937 годы возил почту в Кордюково и обратно, так как закончил семилетку и считался грамотным человеком. Председатель сельпо Тетюев И.Г. отправил Дмитрия Парфёновича учиться в Верхотурье на продавца. После учёбы работал помощником продавца в сельмаге, через некоторое время стал заведующим центральным магазином. В начале 1940 года стал учетчиком на МТС, а уже в сентябре был призван в Красную Армию.

Отправили Дмитрия Парфёновича на Дальний Восток, попал в разведку. Летом 1941 года объявили войну, а в конце года ему присвоили звание младший сержант, перевели в штаб помощником командира взвода, где он

служил в 1942-1944 годах. В конце войны поступил в пехотное училище, закончил его, хотел попасть на фронт, но война закончилась.

В 1946 году демобилизовался из армии. Встретил свою жену Полину Петровну Бабкову, они вместе приехали в Дерябино. В колхозе выписали восемь килограммов муки и сыграли веселую свадьбу. Все братья Дмитрия тоже были участниками Великой Отечественной войны, все дошли до Берлина, только Саша погиб. Братья вернулись в родное село и работали в колхозе. А Дмитрий Парфёнович после войны работал в Нижнетуринской и Красноуральской колониях. В 1951 году он получил высшее военное образование в Ленинграде, после чего был назначен начальником колонии в Верхней Салде. В 1960 годах был переведен начальником паспортного стола г. Нижнего Тагила. Весь его трудовой стаж связан с военным делом. В 1971 году вышел в запас в звании майора и уехал с супругой и двумя детьми в город Черкеск на Украине.

Желвакова Светлана Константиновна

Верхотурские грамоты

Материалы Верхотурского архива оказались разрозненными между хранилищами Москвы (ЦГАДА), Ленинграда (архив Ленинградского отделения института истории СССР АН СССР), Перми (Пермский областной краеведческий музей и Госархив Пермской области).

Сотрудники Верхотурского музея случайно узнали от лобвинских коллег, что Академия наук СССР в Москве и институтом истории издаются журналы в которых публикуются Верхотурские грамоты. И вот через Лобвинский музей удалось заполучить один из таких журналов. Документы верхотурской приказной избы является материал, публикуемый из отдела рукописи ГБЛ. Он представлен, прежде всего царскими грамотами, адресован верхотурской администрации. Грамоты касаются самого широкого круга вопросов, связанных с заселением, хозяйственным освоением, управлением Сибири. Данные о первопоселенцах, условиях их устройства за Уралом, о правительственных мерах в этой связи, действиях местных властей. Документы свидетельствуют о том, что поселение новых жителей за Указом осуществлялось не хаотично и случайно в смысле выбора мест возведения. Предварительные обследования местности, оценка её возможностей для населения составление соответствующей «рописи» и даже изображение местности на чертеже отличаются в практике основания новых населенных пунктов в Сибири. И

главное, о чем свидетельствуют печатные документы, - это признание присоединения к освоению Сибири первоочередной проблемой общего государственного значения, независимо от лиц, занимавших тогда русский престол. Это выражалось постоянным вниманием центральных властей к положению дел в Сибири, к обеспечению мер по доставке в Сибирь хлеба, денег организации транспорта. При отправке грамоты складывались конвертом и запечатывались восковыми печатями. Все грамоты имеют след от прорезов бумаги для печати, сама печать сохранилась только на одной грамоте. Все они по самым различным вопросам. Но и перерывы между посланными грамотами в несколько месяцев были обычны, судя по сохранившимся грамотам, в среднем их посылали от 6 до 24 в год.

Привозили их разные люди: дети боярские, казаки, стрельцы разных городов. Изредка доставку доверяли посадскому человеку или поменному крестьянину. На доставку грамот уходило разное время: от месяца до 3 месяцев, причем зимой путь всегда покрывался быстрее.

Вот одна из Верхотурских грамот. Грамота № 12 от 1599 года 10 сентября. Грамота царя Бориса Годунова воеводе князю И.М.Вяземскому и голове Г.С.Салманову о проведении переписи в Верхотурье местных и приезжих служилых людей; сосланных, захребетников и «гулящих» людей с указанием занятий: «От царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси в новый город, на Верхотурье, воеводе нашему князю Ивану Михайловичу Вяземскому, да голове Гаврилу Самойловичу Салманову. Како к вам ся грамота придет, и вы б велели переписати на Верхотурье в городе и остроге детей боярских, и стрелецкие, и казаки, и пушкарские, и торговых и пашенных и всяких тутошных и приезжих людей двory, и во дворах людей по именам, и что у кого людей его и братьи, и племянников, и суседов, и захребетников, и гулящих людей, и хто откуда пришол, и чем хто промышляет, и что на Верхотурье сослано всяких опальных людей, и хто в чом сослан, и в котором году, и чем хто живет. Да те Верхотурские переписные книги прислали к нам, к Москве и велели отдати в Казанском и Мещерском дворце дьяком нашим Офонасью Власьеву, да Нечаю Федорову. Писан на Москве лета 7108 года ноября в 1 день.

На обороте: «В новый город, на Верхотурье, воеводе нашему князю Ивану Михайловичу Вяземскому, да Гаврилу Самойловичу Салманову. 108 году декабря 18 день привез грамоту тобольской казак Гриша Ясырь, да Ондрыша Таньярыков».

Из грамоты, написанной в 1599 году, мы узнали о том, что в те далекие годы тоже проводили перепись населения. С сентября 1600 года по январь 1601 грамоты адресованы не воеводам (как было принято раньше), а таможенному голове Г.С.Салманову. Что это – разграничение полномочий, или неуживчивость двух чинов. Такое уже было с Воейковым и Головиным. Замена ведь их была не случайной. Не знаем, какого рода племени был Салманов, а правящие городом Вяземские были приближенными к царской семье. И, наверняка, пребывание одного из этого рода в Верхотурье было не повышение по службе, а своеобразной ссылкой. А отсюда и нежелание работать с полной отдачей, но это только версия.

В грамоте №27 от 1600 года ноября 5. Грамота царя Бориса Годунова голове Г.С. Салманову об отписке в казну бань, построенных стрельцами и казаками, и о сборе банных денег: «От царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси в новый город, на Верхотурье, голове Гаврилу Самойловичу Салманову. Слух нас дошел, что поставили на Верхотурье без нашего указа стрельцы и казаки многие бани, и парютца у них в тех банях приезжие и тутошные всякие люди и емлют от бани по деньге с человека. И в том себе стрельцы и казаки чинят корысть великую. А нашего оброку с тех бань в нашу казну не дают ничего. А ты о том к нам не писывал, и нашей казне прибыли не ищешь. И ты то делаешь не гораздо. Написано у тебя в нашем наказе, что велено тебе со всех искати нам прибыли, и о наших делах радети. И как к тебе ся наша грамота придет и ты б те торговые бани, которые поставили стрельцы и казаки отписал от нас, и велел вперед с тех бань банное збирати на нас потому ж, почему збирали на себе наперед того стрельцы и казаки. А для денежного сбору к тем баням выбрал бы еси в целовальники ис торговых людей или из стрельцов сколько человек пригож и привел их к нашему х крестному целованью на том, что их самим теми банными денгами не корыстоваться. А дров бы еси к тем баням велел вывозити ежегод посошным людям, которые приезжают с нашими хлебными запасы, чтоб их ставилось на год. А веники к тем баням велел бы еси готовить верхотурским жилецким людям, развития по кольку на человек доведетца, чтоб их потому ж становилось на год. А опроче б тех наших бань торговых, бань никто не держал, и считал бы еси целовальников в тех в банных деньгах по месяцом. А почему с тех бань учнет сбираться банно на месяц, и сколько в год зберетца, и ты б те деньги держал в нашей казне, да о том отписал к нам, к Москве, чтоб нам было ведано. А будет кто похочет бани взять на откуп, и ты их бы отдал в откуп, чтоб нашей казне было прибыльнее. И во всем бы еси ис-

кал нам прибыли, смотря по тамошному делу. Писана на Москве лета 7109 ноября в пятый день».

На обороте: «В новый город, на Верхотурье, голове Гаврилу Самойловичу Салманову. 109 год декабря в 29 день привез Сарыч Ленев». На склейке: «Дияк Нечай».

Благодаря грамотам можем узнать о жизни наших предков, какая у них была жизнь, что их волновало, какие приказы шли из Москвы? Это весточки из далекого прошлого. И, думаю, верхотурцам любопытно было узнать о жизни предшествующих поколений.

Зырянова Тамара Александровна

Уральская «кавалерист-девица»: забытые страницы Гражданской войны

28.08.2018. Еду в Лобву на встречу с отчаянной девчонкой времён столетней давности. Надеюсь приобщиться к тому времени, окунуться в его атмосферу. Наверно, был такой же ясный погожий день конца августа 1918-го. И в уездный город Верхотурье, и в Лобву поступали тревожные сообщения с фронтов боевых действий. Страна становилась военным лагерем. Уже рабочие лесозавода на общем собрании решили, ввиду надвигающихся контрреволюционных войск завод остановить; всем трудоспособным отправиться на фронт, а нетрудоспособным охранять завод. И уже ушли из посёлка на фронт два отряда рабочих общей численностью около 300 человек.

...В повести Семёна Борисовича Шмерлинга «Серебряные шпоры» описывается событие, произошедшее в октябре 1918 года на Кликунке: «В глаза глядело круглое зрячее дуло. Оно расширилось и заслонило весь свет. «Мама, мамочка», - подумала, а может, крикнула Вера и, отвернувшись от нацеленного дула, уперлась взглядом в одинокую сосну над кремнистым обрывом. Там в глубине темнела вода. «Высота страшна, а пули страшнее». Она рванулась к обрыву и – была, не была – бросилась с кручи...».

...Из этой книги я впервые и узнала году в 1976-м о Вере Кузницыной, легендарной, но реальной личности, из посёлка Лобва Ново-Лялинского района Свердловской области. Из истории всем известны имена Надежды Дуровой, героини Отечественной войны 1812 года, а также Антонины Пальшиной из Арзамасских мест времён Гражданской вой-

ны. Образы этих женщин-воительниц, как и мифических амазонок, владеют нашим воображением. Известно также, что в составе Павдинского отряда служила сельская учительница Капитолина Александровна Симанова. Будучи 18-летней девушкой, она добровольно вступила в отряд и заявила, что будет воевать только с винтовкой в руках, а не в обозе и даже не сестрой милосердия. И её приняли бойцом. Она всё время служила в конной разведке и участвовала во всех боях. В 1918 году она вступила в партию и в армии служила до конца гражданской войны.

Была и на Урале «кавалерист-девица» Вера Ивановна Кузницына, боец 3-го Екатеринбургского и Западного полка 29-й стрелковой дивизии. Оказывается, Вера тоже воевала в мужском платье и тоже на коне. Сейчас невозможно в это поверить, потому что очень уж молода была та «красноармейка». Сама Вера Ивановна в 1966 году в интервью журналисту Л.Городину указывала свой 13-летний возраст. В.Ледень, первый секретарь Новолялинского районного комитета ВЛКСМ, в 1965 году опубликовал в местной газете статью «Шёл девчонке пятнадцатый год». В одном кумулятивном источнике 80-х годов нашла фразу «Пятнадцати лет впервые дни Вера добровольно вступила в ряды Красной Армии». Сопоставляя факты, пришла к выводу, что было ей в момент нахождения в рядах Красной Армии 14 лет. Чуть позже увидела в документе год её рождения – 1904-й.

Истоки: о семье

Вера Кузницына – дочь рядовых коммунистов-«большевиков». Мать её Кузницына Прасковья Дмитриевна; отчим Павел Данилович Кузницын, воспитывавший Веру с однолетнего возраста и ставший ей по духу родным и близким человеком, был известным на Среднем Урале подпольщиком.

Из воспоминаний лобвинского земляка о семье Кузницыных: «Это достойная семья. Все в люди вышли и за тех, кто погиб, не стыдно. Ты не дивись, чего это Верка в четырнадцать лет в большевики подалась. Отец кто? Рабочий, большевик с семнадцатого. Мать? Тоже с детства в прислугах ходила и в партии с девятнадцатого года. Таким поводом и Вера шла по жизни».

О Вере

Вера родилась в заводском посёлке Нижняя Тура в 1904 году. Подробных сведений о её детстве не имеется. Известно, что Вера училась в народном училище (образ начальная школы) в Лобве.

Станция Лобва Богословской железной дороги основана в 1905 году. И изначально никакой школы там не было. Детей отправляли учиться или

в соседнее Лопавское училище, или в Верхотурье. Только летом 1914 года во второй линии заводского посёлка началось строительство лобвинского училища на 170 мест в односменное занятие. Строилось училище на заболоченной местности по проекту начальных училищ той поры. Из круглого леса в «лапу» рубили основное здание и три пристроя к нему: вход, туалеты и квартиры для учителей. При училище отвели жилую комнату для сторожа, имелся молельный зал с иконостасом.

Занятия в Лобвинском земском народном училище Караульской волости начались в сентябре 1914 года. По статусу народное училище было одноклассным. Один класс обучался в течение трёх лет. Принимали детей с восьми лет, но в исключительных случаях по разрешению Уездного Училищного Совета могли в первый класс зачислять и более старших. Например, в первый год работы училища в нём обучалось несколько подростков 1898 года рождения. Одним из них был Новиков Зиновий Сидорович, поступивший в школу в 1914 году сразу в третий класс, 1-2 классы окончил экстерном. Вместе с ним тогда училась и Кузницына Вера, было ей в ту пору десять лет. Девочка очень хотела поступить в Верхотурскую женскую гимназию, но её не приняли как дочь рабочего, заявив: «Хватит с неё и училища».

Трудовую жизнь Вера начала в 1916 году в возрасте 12 лет на Лобвинском лесозаводе рабочей. В начале 1918 года переведена в волостной исполком курьером. Везла почту в Верхотурье и Новую Лялю. В июньские дни 1917 года распространяла большевистские газеты.

К событиям в Лобве

В Лобве, в Доме культуры имени Анисима Власовича Ханкевича была фотография первой после революции 1917 года маёвки. Изображены на том снимке молодые, энергичные, полные жизни, красивые люди.

Коммунера Алексеевна Лялина сообщала: «После митинга отряд добровольцев ушёл на фронт, потому как на Урал двигались полчища Колчака. На борьбу с белобандитами поднялось почти всё население Лобвы, способное носить оружие. Среди них братья Киреевы, Василий и Александр, Иван Кабытов, именем которого названа одна из улиц посёлка, Афанасий Усатов, Павел Кузницын, Михаил Тюляев, Григорий Тверских, братья Портных – Михаил и Василий, Пётр Завалин, Антон Гудов, Семён Каторгин, Василий Лопав, Иван Ялунин, супруги Чупраковы и многие, многие другие».

Член РКП(б) с 1919 года Прасковья Дмитриевна Кузницына вспоминала: «В ночь на 16.10.1918 красные ушли из Лобвы. А утром отряд белых во главе с сыном кулака Николаем Коптяковым ворвался в посёлок и

начал кровавую расправу с семьями коммунистов и над теми, кто сочувствовал Советской власти. Председателем местной власти был поставлен отец карателя Семён Коптяков. На службу к белым пошли и лобвинские богачи Ковязин, Тягунов, Кухарёв, Игошин, Щекин. Вкупе с белогвардейцами они заставляли жён красногвардейцев выкопать из могилы и сжечь тела Ханкевича и Белицкого, избили до полусмерти отца и мать коммуниста Усатова, расправились с Христофоровым».

В начале октября, когда угроза захвата Верхотурья, Ляли и Лобвы колчаковцами стала реальной, началась эвакуация советских учреждений. Из Лобвы эвакуировалось большинство семей партийных и советских работников. В ночь с 8 на 9 октября 1918 года эшелон эвакуируемых отбыл из Лобвы. В нём находилось 35 семей. Среди них была и Прасковья Дмитриевна Кузницына с двумя детьми: дочерью Верой и младшим, Серёжей.

Побег

Эшелон прибыл на станцию Нытва за Пермью. Здесь Вера и решила осуществить свою мечту – стать настоящим большевиком и, как отец, бить белых. Она сбежала из поезда. Нашла командира красноармейского полка и попросилась в добровольцы.

Вера Ивановна позднее рассказывала: «Когда в Лобве и Верхотурье отказались взять меня в Красную Армию, я решила на крайнее. Был тогда в Лобве первый председатель волостного исполнительного комитета Яков Двинянинов. Вот он и выдал мне, 13-летней, документ на имя Владимира Андреевича Холкина. 1902 года рождения, чтобы взяли меня добровольцем. Сбежала я и попросилась в добровольцы. Документ у меня был на имя Владимира Холкина, и года прибавлены. Замашки мальчишечьи, это за мной давно водилось. Долго приучалась говорить: «был», «видел» вместо «была», «видела».

Боевой путь

Зачислили во вторую роту имени Хохрякова третьего Екатеринбургского полка 29 Уральской дивизии. Командир роты Тырышкин Семён Иванович, помощник комроты Шабунин Александр, рабочий из Перми. С первых дней веселый, быстрый паренек приглянулся в эскадроне. Начали ему давать поручения. Но Вера боялась, что в шустром паренёчке всё же узнают девушку. Её спасли от разоблачения умение хорошо играть, смелость и чисто мужские выходы.

Боевое крещение Вера под именем Володьши Холкина приняла в бою под Верхотурьем, как раз в годовщину социалистической революции. Однажды ночью вызвал командир и сказал: «Будешь связным». Необходимо было поддерживать связь с соседним полком, с которым вместе предстоя-

ло наступать на Верхотурье, где в это время находились белые. На поезде ночью красноармейцы доехали до Карелино, покинули вагоны и по правой стороне дороги начали подходить к Верхотурью. В районе Актая наткнулись на белых. Бой был неравный, полк отступил. Связному пришлось за это время три раза побывать в соседнем полку, поддерживая связь.

Разведка. Расстрел на Кликуне

В полку Володыша Холкин - Вера Кузницына был(а) ординарцем, связным, разведчиком(цей). Вообще, по воинским документам с 07.12.1918 по 25.08.1919 числилась связной 29 дивизии в особом стрелковом полку.

В районе Актая-Верхотурье послали её в разведку, переодев в девичье платье. Необходимо было разведать огневые пункты противника. Наказали строго: в Верхотурье не заходить. Как позднее оценивала свой поступок Вера Ивановна: «А всё от плохой дисциплины и легкомыслия. Разведала я всё, и захотелось в город. Ну, и попалась. Наверно, кто-то опознал. Излупили, конечно, и в каталажку. Назавтра утром повели на расстрел». Её опознал на верхотурском базаре гимназист Володышка Шутов, проживавший в Лобве и хорошо знавший семью Кузницыных. По его доносу белогвардейцы схватили Веру, посадили в Верхотурский острог.

Из Верхотурской тюрьмы, находившейся на окраине города, белогвардейцы выводили пленных на расстрел к Кликун-камню. Кликун считается памятником природы - это скалы по обе стороны реки Туры. Привожу воспоминания жительницы Верхотурского района Нины Ивановны Бочкаревой: «О Кликуне от горожан слышала, что когда расстреливали и бросали в реку людей, то Кликун плакал, стонал. С этого камня белогвардейцы расстреливали коммунистов, а камень стонал. Придут утром, а камень ночной кошмар отдавал, стонал. Надо бы проверить это явление». Такое явление действительно имеет место быть. В определённых атмосферных условиях Кликун-камень возвращает принимаемые им звуки.

Из интервью В.И.Демьяненко (Кузницыной) 1966 года: «Мимо виселиц шли. Восемь китайцев, я девятая. Над рекой Турой есть Камень Кликун. На него поставили. У китайцев руки связаны, у меня нет. Тут меня такой страх взял, что я, не думая, повернулась и прыг в реку. Догадалась не поперёк, а наискосок плыть. Течение на меня работает, да и плавала я хорошо. Стреляли по мне, булькает вокруг, а не задело. Добралась до другого берега пониже, а там недалеко наши».

А вот как описывает этот эпизод Семён Шмерлинг в повести «Серебряные шпоры»: «Пресеклось дыхание, остановилось сердце. Она врзалась в воду сразу за ледяными берегами и камнем пошла на дно. Руки толкну-

лись в твердое, спружинили, вода выбросила ее на поверхность, быстрое течение поволокло за поворот. Она подныривала, стараясь подольше укрываться под водой, и снова плыла.

Вера не услышала ни команды «пли», ни грянувших выстрелов, не увидела, как падают с высокой обрывистой скалы простреленные навылет тела красноармейцев, как, взбежав на лбище Кликуна, солдаты неистово палили, спешно ловя на мушку появлявшуюся на мгновения в быстрых водах Туры маленькую фигурку девочки. Она подныривала и плыла. За поворотом пули уж не могли ее догнать. Вера, махая саженками, подгрребала к лесистому правому берегу. Хватаясь за ломкий лед, за кусты, с трудом выбралась на отмель и, не давая себе передышки, кинулась в лес».

Кстати сказать, в Верхотурье белогвардейцы расстреляли лобвинцев Н.Усатова, Л.Пичугина, С.Кадочникова, Ф.Игнатова и других.

Вера не отставала от своих товарищей. Воевала смело и находчиво. Больше всего связным была между частями и батальоном. В разведку ходила. А в кордоне Буйный комиссар как дал ей коня, и с того времени она с него не слезала до самой демобилизации. К коню Вера была ещё с дому привычна. Поэтому скоро и в седле держалась как заправский кавалерист. В полку Вера проходит своеобразную школу военного искусства: отлично научилась владеть саблей, отменно стрелять. А на лошади вытворяла чудеса, на ходу садилась в седло, на полном скаку поднимала с земли платок.

Однажды командир вызвал Володю Холкина и дал задание ехать в разведку. Была лунная, морозная ночь. Пришлось ехать долго, но вот впереди показалась деревушка. Подъехав к первой избе, увидела: сидит человек с винтовкой. Выхватила саблю, но поняла, что белогвардеец спит, нужно тихо уехать, чтобы никто не знал о разведке красных. Отъехав метров триста, услышала окрик: белогвардеец проснулся. Пришпорив коня, помчалась в штаб. Раздались выстрелы, но всадник уже скрылся в ночной мгле, невредимый прибыл в штаб и доложил о нахождении белых.

Из воспоминаний В.И.Демьяненко (Кузницыной): «Из меня слезу кулаком не вышибешь. Раз лишь... Было дело на станции Балезино. Только вернулась я с задания, велят мне ехать в деревню одну. Там наши люди стояли, но немного их было. Приехала. Мне говорят: «Гони скорее обратно, кулаки собираются восстать, нам помощь нужна». А тут пурга поднялась. Лошадь моя зауросила. Стала, не идёт. Билась я, билась, оставила коня. Пешком еле волочусь. В сапогах, без варежек. Каждая минута дорога. Гляжу: догоняет меня моя лошадь. Опять беда – не могу никак на неё

взобраться. Она большая, не могу достать до стремяни... Вот тогда-то я и поревела...».

«Володьша Холкин» добросовестно служил и мужественно воевал в своём родном полку на территории Лобвы, Ляли, Нижней Туры, Перми, Екатеринбурга в качестве бойца-кавалериста. За мужество и смелость в борьбе с врагами советской власти он был удостоен награды: Вера получила серебряные шпоры и саблю.

Было всё в её кавалерийской военной жизни. И несущаяся с гиком кавалерийская лава, и горечь отступлений, и обычная военная страда.

В материалах Центрального государственного архива Советской Армии имеются следующие данные.

Первая запись. В приказе третьего запасного Екатеринбургского полка от пятого декабря 1918 года. № 48 в именном списке убывших в распоряжение командира запасного полка 29-й стрелковой дивизии значится Холкин Владимир (отчество не указано), исключен из списков полка с пятого декабря, с денежного довольствия с первого ноября 1919 года.

Вторая запись. В приказе запасного полка 29-й стрелковой дивизии от 25 августа 1919 года, № 235 указано, что доброволец Холкин Владимир уволен из рядов Красной Армии как несовершеннолетний, исключен из списков батальона с 25 августа 1919 года.

Однополчане

Белые подходили к Екатеринбург. И в это время в Алапаевске 26 июля было проведено общее собрание рабочих города, которое вынесло решение: «Всем мужчинам в возрасте 18-45 лет встать под ружьё». Стали формироваться воинские части. 19-летний парень П.Потоскуев с друзьями попал в запасной полк 29 дивизии, где как раз и служила лобвинская девушка Вера Кузницына, известная в то время под именем Володи Холкина. Однополчанин вспоминал: «Помню, Вера была ординарцем при штабе полка, а затем связной. Но о том, что наш связной – девушка, почти никто и не подразумевал. Подвижностью и исполнительностью «Володи» восхищались все. В одной дивизии мы прошли Балезино, были в городе Глазове и дошли до Перми, а затем наш «Володя» был переведён куда-то вместе с отцом.

В моей памяти остались фамилии многих боевых товарищей, с которыми мы шли вместе против белогвардейцев и интервентов. С нами много было бывших офицеров царской армии, которые не пошли с белыми, а встали на нашу сторону. Помню командира полка И.А.Карпова, его помощника – А.К.Чернышева, командира роты Г.Я.Жирикова и многих других».

Друз

Мне попал в руки документ – подтверждение, написанный 4 мая 1967 года со слов Веры Ивановны. Она в это время была уже незрячей и самостоятельно писать не могла. Привожу текст дословно.

Я, Демьяненко Вера Ивановна, по службе в РККА Холкин Владимир, с 1904 года рождения, уроженка з-д Нижняя Тура, Пермской губернии, проживающая по улице Христофорова, 6, подтверждаю, что Тюляев Михаил Григорьевич, с 1899 года рождения, уроженец с. Ивдель, Верхотурского уезда действительно пошёл добровольцем в марте 1918 года на Дутовский фронт в Красную гвардию, в октябре месяце 1918 года я встретила Тюляева на фронте в расположении кордона Буйного и д. Ванюшино в период боёв, а второй раз мы встретились с ним в 1-й половине 1919 года в г. Глазове, он служил тогда в Путиловском полку III эскадроне, 29-й дивизии, III армии, третий раз встретила в октябре 1919 года в Лобве, он приезжал в отпуск по ранению, после лечения. И вместе возвращались в одном вагоне в г. Екатеринбург в ряды РККА. Знаю, что тов. Тюляев ушёл с первым отрядом на фронт и вернулся в 1922 г. последним в Лобву.

Подтверждение написано в присутствии старых коммунистов Шамина, Сиова, Кузницыной, Жуйковой и секретаря парторганизации Лобвинского поссовета Губинской.

Когда в полку Вера встретила знакомого лобвинского парня Михаила Тюляева, и он её узнал, то вынуждена была просить его сохранить тайну бойца Володьши. Михаил тайну эту сберёг, прошёл всю Гражданскую войну, а затем долгие годы был в Лобве другом её семьи.

За активное участие в Гражданской войне, в борьбе за установление Советской власти в 1917-1922 гг. и в связи с 50-летием Великого Октября Президиум Верховного Совета СССР Указом от 28.10.1967 в большой группе наиболее отличившихся в борьбе за установление Советской власти в 1917-1922 гг., проживающих в РСФСР, наградил Михаила Григорьевича Тюляева орденом «Красной звезды» и Веру Ивановну Демьяненко - медалью «За боевые заслуги».

Михаил Григорьевич Тюляев в 1922 году вернулся в Лобву и до самой пенсии работал в распиловочном цехе лесокombината. В 1932 году вступил в партию большевиков. Тюляев был организатором колхозов в Ляле-Титово, Крутой, Коптяках: «Трудная и опасная была эта работа. Кулачье ненавидело нас, и где только представлялась возможность, стреляло нам в спину. Так, ляля-титовские кулаки убили активного организатора Князева, которому сейчас у д. Крутая установлен памятник. Но выпады

врагов не запугали коммунистов». Боевой товарищ и похоронен в Лобве рядом с могилой Веры Ивановны Демьяненко (Кузницыной).

После демобилизации

После освобождения Екатеринбургa от Колчака Володыша Холкин был демобилизован как несовершеннолетний.

Вызвал командир. Недолгое объяснение, вручение документов, трогательное прощание с друзьями по оружию, и поезд мчит Веру в родные края. Показалась Лобва, родные места, на вокзале встретила мать.

И здесь Вера нашла себе дело. По заданию уездного комитета партии 26 августа 1919 года в Лобве организуется комсомольская ячейка. Был создан первый комитет, в который вошли Николай Шутов, Сергей и Анастасия Константиновы, Павел Хохлов, Вера Кузница, Михаил Бердников, Анна Борских, Клавдия Пичерина. Возглавил комитет Борис Лавров. Перед комсомольцами Лобвы стояла задача – организовать ячейки в селах. Вера вместе с Михаилом Бердниковым взялись за это нелегкое дело. Они организовали ячейки в Коптяках, Лопаево, Заозерной, Трёхниколаевке, позднее создали в деревнях Крутая, Ляле-Титово, Родильной.

Важнейшей задачей комсомольцев того времени являлось воспитание молодежи в духе революционной преданности. Вера и здесь находит свое место. С помощью учителей организует художественную самодеятельность, активно участвует в субботниках, помогает семьям погибших бойцов.

В конце 1919 года она пошла на кавалерийские курсы, учиться на младшего командира. В 1920 году их окончила. После курсов назначается помощником командира эскадрона в часть, которая готовилась на борьбу с басмачами. В 1921 году Вера Ивановна демобилизовалась и служила в частях особого назначения.

В 1924-1925 годах, по рассказу дочери, Вера Ивановна работала воспитателем в Верхотурском пионергородке. Здесь в Верхотурье в 1925 году и родилась её дочь – Коммунера Алексеевна. Имя дочери привлекает своей необычностью. Оно наполнено смыслом новой революционной эпохи, за которую воевала её мать с оружием в руках.

Окончила Советскую партийную школу, Ирбитскую школу милиции и служила в органах НКВД агентом уголовного розыска. Следопыты школы №46 посёлка Привокзальный указали также (со слов дочери К.А.Лялиной), что после окончания юридической школы она служила в ВЧК, ОГПУ, в следственном отделе прокуратуры в Свердловской области.

Были после Гражданской войны в жизни Веры труд, любовь, замужество, семья. Были потери отца, брата, мужа. Навалилась тяжёлая болезнь,

отняла зрение. Но большую часть жизни отдала она Лобве, своей малой родине.

Следопыты – в поиске

Около года назад я услышала историю о встрече в Лобве Веры Ивановны Демьяненко с писателем Шмерлингом. Гостей встретили на улице Христофорова, 6 доброжелательно. Хозяйка уже была незрячей. Меня поразил один момент в том рассказе. Повествуя о боевом пути кавалерийского полка, в котором служила, Вера Ивановна попросила дать ей палки, одну побольше, другую поменьше. Дали. На большую палку она села как на коня, а меньшая палка была саблей. Она продемонстрировала, как происходил сам процесс рубки в кавалерийской атаке. А ведь ей на пятнадцатом году жизни тоже приходилось участвовать в таких мясорубках! До конца жизни помнила Вера клички всех коней в роте, каких они были мастей, их повадки! Кони тоже погибали.

Позднее, в гости к школьникам Карелино приезжали дочь Коммунера Алексеевна Лялина и вдова брата Мария Михайловна Кузницына.

В 1976 году вышла книга свердловского писателя Семёна Шмерлинга «Серебряные шпоры», удачно раскрывшего мужественный образ уральской кавалерист-девицы. Приходится только сожалеть, что ни сама главная героиня повести, ни Михаил Тюляев, сохранивший тайну Володьши, тоже герой этой книги, не смогли её увидеть. Помню, что в те годы «Серебряные шпоры» пользовались у читателей популярностью. Прочитали и красные следопыты из школы №46, но непростительно опоздали, чтобы встретиться с главной героиней, когда она была ещё жива.

Красные следопыты, члены совета школьного музея продолжили поисковую работу. К 60-летнему юбилею освобождения Урала от Колчака они отправились по следам героев-земляков, боровшихся с белыми за советскую власть на Среднем Урале. Съездили в Лобву и разыскали родственников главной героини книги Веры Ивановны Кузницыной-Демьяненко.

Домик Кузницыных, тогда Лялиных, находился недалеко от станции Лобва. Быстро нашли улицу Христофорова, как указано в книге. Школьники познакомились с дочерью Веры Ивановны. Рассказ её о мужестве матери был очень интересен. К тому же, Коммунера Алексеевна оказалась прекрасным рассказчиком. Она подарила школьникам фотографию Веры Ивановны в последние годы жизни и открытку с адресом автора повести Семёна Шмерлинга. Коммунера Алексеевна показала и книгу, которую автор прислал с автографом в подарок.

Дочь Веры Кузницыной ответила на многочисленные вопросы школьников. Трогательный её рассказ подкреплялся фотографиями, составившими три толстых альбома. Гости из 46-й школы увидели Веру Ивановну в форме бойца-кавалериста. С одной из фотографий смотрело на ребят симпатичное миловидное лицо, открытый взгляд молодости, длинная красноармейская шинель, на боку сабля, сапоги, мужская причёска, шапка-ушанка или шлем-будёновка – всё это создавало впечатление, что перед ними юноша-солдат.

Памятник

9 октября 1979 года группа учащихся средней школы № 46 вместе с директором Ольгой Леонидовной Климович, военруком Вячеславом Михайловичем Мехонцевым, учителем труда Анатолием Трофимовичем Васниным и старшей пионервожатой Ириной Викторовной Казаковой ездили на открытие памятника-монумента Вере Ивановне Кузницыной, похороненной в Лобве. Торжественно-траурный митинг на могиле её открыл В.М.Мехонцев, выступили О.Л.Климович, родные Веры Ивановны. Дети, представители совета дружины и совета музея, возложили цветы и гирлянду славы на могилу Веры Ивановны.

Памятник-монумент был изготовлен по инициативе дирекции школы №46 мастером золотые руки Виталием Васниным, рабочим предприятия ЛТП. Привезла памятник в Лобву Любовь Кузьминична Волкова, заведующая музеем школы, вместе с ребятами. Помогал в установке его Василий Иванович Токмянинов.

Следопыты договорились с Коммунерой Алексеевной Лялиной о встрече в школе №46 посёлка Привокзальный. Коммунера Алексеевна давно мечтала побывать в Верхотурских местах, которые были связаны с именем её матери: на Кликун-камне, увидеть то здание, где находилась Верхотурская тюрьма, посмотреть здания бывшего пионергородка, где начиналось её детство.

На встречу пригласили также и автора книги «Серебряные шпоры», собрали дополнительные материалы и сосредоточили их в музее. Школьники тщательно подготовились к приёму гостей, и поэтому получился большой школьный праздник, праздник мужества. Присутствовали участники Гражданской войны, учителя и ученики, ветераны и др.

Семён Борисович Шмерлинг собрал огромный и убедительный архивный материал, многочисленные беседы и воспоминания очевидцев и самой героини книги легли в основу композиции повести о девушке-кавалеристе. Его выступление на празднике оказалось очень ярким и за-

помнившимися всем учащимся. Мария Михайловна Кузницына поделилась воспоминаниями и пожелала учащимся добрых и славных дел.

На следующий день после праздника мужества в школу приезжала группа со Свердловского телевидения. Сопровождали их школьники-активисты во главе с преподавателем Вячеславом Михайловичем Мехонцевым. Они посетили школьный музей, места боёв на Актае, остатки верхотурского острога, братскую могилу по Ирбитскому тракту, Кликун.

В редакцию газеты «Новая жизнь» (Верхотурье) пришло письмо дочери Веры Ивановны Демьяненко (Кузницыной) – Коммунеры Алексеевны и родных – жены брата Марии Михайловны Кузницыной и тёти Елизаветы Дмитриевны Реньжиной со словами благодарности в адрес руководства и школьников 46-й школы. Они написали:

«Нет слов, передать сердечную благодарность за чуткость, внимание, благородность в увековечивании памяти нашей дорогой, родной героини повести С.Шмерлинга «Серебряные шпоры» Веры Ивановны Кузницыной. Внимание, которое организует школа к революционному прошлому, её участникам и героям, оказывает большое влияние на воспитание детей и взрослых в военно-патриотической работе. Мы, родные Веры Ивановны, выносим сердечную благодарность всем, кто делает это большое дело, кто отдаёт жар души своей детям.

Доброго вам здоровья, успехов в благородном деле воспитания, дорогие люди!».

История забыта?

В Лобве по улице Христофорова есть кладбище, где захоронены участники Гражданской войны. В 1957 году в честь 40-летия Великой Октябрьской социалистической революции здесь была поставлена мемориальная доска, на которой написаны фамилии захороненных. Но захоронены они в разные годы и не в одной могиле. В первой могиле захоронен П.Д. Кузницын, который проживал в Лобве с 1914 года, член РКП(б) с 1917 года. Он ушёл на фронт добровольцем, пришёл раненый и прожил дома всего четыре дня.

В других могилах похоронены А.Усатов. И.Королёв, Е.Рылов, А.Киреев, И.Копытов, Щетинкин, А.Баранов, Я.Ширкин, А.Мурзяков, В.Скомохов.

Они воевали за землю, за волю, за лучшую долю и погибли как герои.

Вера Ивановна Демьяненко (Кузницына) ушла из жизни в феврале 1975-го. Прошло всего 46 лет. Герои не должны умирать, они должны оставаться в памяти народной, в сердцах родных, всех, кто их знал.

К сожалению, в своём краеведческом поиске информации о героине Гражданской войны пришлось столкнуться с трудностями: люди, к которым обращалась за помощью, ничего сказать не могли, все родственники или умерли, или разъехались, а публикаций и упоминаний о Вере, начиная с 80-х годов, уже не обнаружила. Единственный пока ещё доступный источник – художественное произведение, повесть Семёна Борисовича Шмерлинга «Серебряные шпоры».

...Из солнечно-вечерней Лобвы меня провожали красивые берёзы и туманный, размытый временем облик девушки-кавалериста...

Список литературы

Брюханов Н. Володыша – красный боец // Новая жизнь. – 1963. - № 115. – 7 нояб. – С. 3-4. – (Очерк).

Городин Л. Уральская «кавалерист-девица» // Урал. рабочий. – 1966. – окт. - (Пути и судьбы).

Дерябина Н. Помнят имена героев // Новая жизнь. – 1979. – 26 окт.

Запорожцева Н. Признание женщины столь необыкновенной // Уральский следопыт. – 2012. - № 8. – С. 42-47. – (200 лет победы над Наполеоном). Калигина Р. Необыкновенный день // Новая жизнь. – 1980. – 17 янв.

Кощеев А. Камень-кликун // Новая жизнь. - 2009. - № 4. – 30 янв. – С. 15. – (Поэтический клуб).

Ледень В. Шёл девчонке 15-й год // Знамя Ленина. – 1965. – 29 окт.

Лопаев Н.А. Посёлок Лобва в 1917-1919 годах // Вестник истории Верхотурского уезда. Вып. 6. – Екатеринбург, 2015. – С. 61-79.

Лялина К. Они отдали жизнь за наше будущее // Знамя Ленина. – 1987. – 21 нояб.

Пастухов Г. Кликун-камень // Новая жизнь – 1989 – 14 марта. – С. 4.

Потоскуев П. За землю, за волю, за счастливую долю // Знамя Ленина. – 1966. – 16 сент. – С. 3. – (К 50-летию Советской власти).

Рогожкина А. Встреча двух поколений // Новая жизнь.

Сененко А. Красные следопыты – в поиске / А. Сененко, В. Карецкас, О. Климович // Новая жизнь. – 1979. - № 82. – 14 июля. – С. 2-3.

Смышляев М. Священна память героев // Новая жизнь. – 1983. – 7 мая.

Шмерлинг С. Аллур три креста: Рассказы об уральской кавалерист-девице // Урал. – 1976. - № 2. – С. 45-69.

Шмерлинг С.Б. Серебряные шпоры: Повесть. - Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1976. - 191 с.: ил.

**Основатель и первый хранитель
Верхотурского краеведческого музея
Леонид Михайлович Каптерев**

В 2021 г. Верхотурский государственный историко-архитектурный музей (ВГИАМЗ) отметил свое столетие со дня образования и нам в пору воздать должное основателю Верхотурского краеведческого музея Леониду Михайловичу Каптереву, благодаря усилиям которого и возник один из первых на Среднем Урале храм музейной культуры и истории¹.

Несомненно, что этот человек музейный работник и автор интересных исследований оставил глубокий след в изучении истории нашего края. Об этом свидетельствует и список трех десятков работ, опубликованных при его жизни (см. приложение).

Еще в начале ХХI века историки и краеведы, не располагая архивными источниками, буквально продирались через биографические вехи и вешки его бурной жизни, делая немало ошибок и заключений. Например, сложилось устойчивое мнение о Л.М.Каптереве как о «недоучившемся семинаристе и псаломщике в церкви», как еще в дореволюционной бурсе зародилась его дружба с будущим известным уральским краеведом В.П.Бирюковым и советским писателем П.П.Бажовым, также окончивших Пермскую духовную семинарию².

Краткая биография нашего земляка была приведена в известном петербургском сборнике «Репрессированные геологи», изданной в 1999 г.

Леонид Михайлович Каптерев (1884–1958) - краевед, писатель, родился в Нязе-Петровском железоделательном заводе Пермской губ. в семье служащего Горного управления. После окончания Московского археологического института работал в Екатеринбурге, где был арестован ГубЧК в октябре 1918 (*прав. 1919 - В.К.*) в должности секретаря земской управы и вскоре освобожден. С 1920 работал научным сотрудником УОЛЕ, в редакции "Энциклопедического словаря", газеты "Знание и труд" и журнала "Просвещение на Урале", с 1931 - в Нижнем Новгороде, в том числе в районном Геолого-разведочном тресте (1931–1932), заведующий музея и библиотекой Горьковского геологического управления, занимался литературно-краеведческой деятельностью, автор книги "Недра Горьковского края". 7 июня арестован и 7 августа 1946 осужден коллегией Горьковского облсуда по ст. 58-10 УК РСФСР к 7 г. исправительно-трудовых

лагерей. После освобождения вернулся в Горький. В 1963 реабилитирован Президиумом ВС РСФСР³.

В настоящее время удалось получить доступ к материалам архивно-следственного дела Л.М.Каптерева в Нижнем Новгороде⁴, документам Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ) и переписке В.П.Бирюкова в Государственном архиве Свердловской области (фонд Р.2666). Большую исследовательскую работу, а также переписку с родственниками ученого провел издатель из Верхнего Тагила С.В.Чумаков. Он же переиздал в 2019 г. книжку Каптерева «Островок. Из жизни уральских старообрядцев» со своими комментариями и находками.

Родился Леонид 5 апреля 1884 г. в Нязепетровском заводе Красноуфимского уезда, где его отец - Михаил Николаевич Каптерев (1841–1914) работал лесным таксатором. После переезда большой семьи в Екатеринбург глава продолжил службу в лесном управлении Екатеринбургского горного округа, а мать - Людмила Александровна (1855–1927) занималась воспитанием детей и домашним хозяйством.

Старший брат краеведа, Александр Михайлович Каптерев (1870–1937) после окончания духовного училища, служил в разных приходах Шадринского уезда, в середине 1919 г. ушёл с женой и семерыми детьми в Сибирь с армией Колчака, где был рукоположен в иерейский сан, служил священником в селе Катышка Голышмановского района Омской области, избрав духовное служение смыслом всей жизни, в начале 1930-х отбыл первый срок по ст. 58-10 УК РСФСР, затем вновь был осуждён тройкой при Омским УНКВД по обвинению в контрреволюционной агитации к высшей мере наказания, реабилитирован в 1989 г. и причислен РПЦ к лику святых.

Остальные братья:

- Константин (?–1911) служил псаломщиком и учителем в селе Бруснятском Екатеринбургского уезда, но рано умер, оставив сиротами четверых детей;

- Николай (1886–?, до 1946) после окончания Томского университета устроился учителем, а затем заведующим двухклассного народного училища в селе Никито-Ивдель Верхотурского уезда. В советское время заведовал политпросветом, служил в сфере образования и народным судьей в г.Верхотурье, а с 1940 г. вновь учил детей в селе Петрокаменском Свердловской области;

- Вениамин (1881–1960) после окончания семинарии и службы в Русской императорской армии учительствовал в Черноисточинском заводе (близ Нижнего Тагила), после революции был избран председателем во-

лостного исполкома, как социал-демократ («интернационалисты») подвергся 9-месячному заключению колчаковскими властями, был освобожден частями РККА, работал в Екатеринбургском губполитпросвете, с 1930-х годов преподавал историю в средней школе Молотова (ныне г. Пермь), член РСДРП(б) с 1919 г.

Младшая сестра нашего героя - Лидия Михайловна Гилёва (1888–1942) после окончания Епархиального женского училища (ей преподавал П.П.Бажов) работала в Верхотурской гимназии (1917–1919), после революции отринув Бога вступила в компартию (1920), агитировала за новую власть в политпросвете, возглавляла Свердловскую областную библиотеку им.Белинского (1926–1929), в 1930-е годы переехала в Нижний Новгород, где работала в городском отделе народного образования, умерла во время войны.

Даже из скупого описания перед нами предстаёт обычная семья служащего, в прошлом священнослужителя, в которой, невзирая на трудности российской действительности начала XX века, дети получили приличное гуманитарное образование.

Известно, что Леонид, также следуя по стопам деда, отца и старших братьев, окончил Пермскую семинарию (1904). Оговоримся, что согласно официальной биографии, Павел Бажов (1879–1950) вышел из нее третьим по успеваемости в 1899 г., а уроженец Шадринского уезда Владимир Бирюков (1888–1971) покинул ее стены двадцатилетним юношей в 1908 г. Заметим, что Леонид Каптерев на пять лет был младше Павла Баждова и не мог дружить с ним во время учебы в Перми. В мемуарных источниках факты личного знакомства классиков уральского краеведения отнесены к Екатеринбургy в 1920-е годы⁵.

В анкетных данных Л.М.Каптерев указывал, что получил высшее образование в Московском археологическом институте в 1905 г., но документами это никак не подтверждается. Вероятно, что археологом, историком и писателем он стал по велению души в результате напряженного самообразования. Так, в 1907 г. после нескольких лет «на иждивении у семьи» и случайных подработок он поступил на должность секретаря-корреспондента иностранного отдела в контору американской кампании «Зингер», которая предполагала расширение кругозора и приобретение новых знаний. Однако в 1916 г. он отказался следовать к новому месту назначения в Архангельск, за что был уволен из иносфирмы. Буквально следом представитель «Зингера» в Екатеринбургe этнический немец Цоллер был арестован Пермским губернским жандармским управлением, якобы за сбор разведывательных данных в пользу Германии.

Через три десятка лет советский следователь, судя по вопросам, хотел повернуть дело в сторону вербовки Каптерева представителями кайзеровской разведкой в годы Первой мировой войны, но подследственный уверенно давал показания против работодателя, который подозревал подчиненного в нелояльности, видел в нём угрозу своей безопасности и преследовал, вплоть до подстроенного увольнения.

Вскоре Леонид Михайлович поступил заведующим инструкторским отделом «Екатеринбургского союза кооперативных товариществ», в котором основной состав правления состоял из членов партии социал-революционеров.

После 1917-го

Из материалов следствия следует, что Каптерев, его сослуживцы и товарищи восприняли Октябрьскую революцию как *«неожиданный гром, напугавший размахом и уничтожением крупной собственности, как силу, которая сметала на своем пути культурные и исторические ценности, нарушала моральные и нравственные устои российского общества»*. Он признался, что пролетарскую революцию воспринял *«со страхом и недоверием»*, считая коммунистов *«варварами и разрушителями культуры»*. Симпатий к Советской власти у него не было, так как *«она не давала народу демократических свобод и материального благополучия»*⁶.

При этом Леонид Михайлович никогда ни в одной партии не состоял, но в течение нескольких лет вращался в среде эсеров и был близко знаком с некоторыми партийными лидерами и депутатами Госдумы. Период революционных потрясений и изменений в обществе прошел для него под лозунгом большинства российской интеллигенции: «Народовластие и Учредительное собрание», но в то же время увлёкся произведениями теоретика анархистов Кропоткина, в частности «Завоевание хлеба», отчасти разделив программную идею безвластия. В этот период он опубликовал ряд статей в эсеровской газете «Думы Урала» и журнале «Уральское хозяйство».

После установления Советской власти Леонид Михайлович нигде не работал, занимался литературным трудом, написав знаменитый «Островок...» (март 1918) и брошюру о новых формах ведения сельского хозяйства «К новой жизни». Обе книги увидели свет в 1919 г. при власти Колчака. Ставшая библиографической редкостью книга «Островок. Из жизни уральских старообрядцев», вышедшая в серии «Библиотека уральских писателей», представляет собою рассказ о посещении двух горожан затерянного скита с обитающими там старцами и старицами, неспособных по возрасту обслужить себя в зимней тайге. Кто-то из читателей увидел знако-

мые черты бытописательства в духе П.И.Мельникова-Печерского и очаровался сказкой «идейного» уединения на фоне глобальных социальных потрясений. Да и сейчас в эпоху постиндустриального общества с ярко выраженными чертами материальных благ и потребления нетронутая цивилизацией природа, свободная от общественных язв и противоречий, является идеалом и утешением для многих людей. Мятущийся беспартийный интеллигент вероятно тогда еще четко обозначил свое жизненное кредо.

В октябре 1918 г. он принял приглашение восстановленной Екатеринбургской земской управы занять должность секретаря. Сам Каптерев высоко оценивал свою роль в земстве *«как ближайшего помощника председателя управы П.Е.Патрушева, от которого зависело решение многих вопросов»*. Действительно он оказался в гуще политических событий, оставаясь при этом последовательным сторонником Учредительного собрания.

18 октября в «белый» Екатеринбург прибыли члены Съезда Комитета членов Учредительного собрания (КОМУЧ) - изгнанные большевиками из столицы и Поволжья депутаты Учредительного собрания, преимущественно из числа эсеров. Съезд долго не смог начать работу из-за отсутствия помещений, через пару дней после колчаковского переворота (18.11.1918) военная власть разогнала депутатов, арестовав и выслав наиболее активных и известных «учредиловцев» в Челябинск под охранительным конвоем чехословаков.

По глубокому убеждению Каптерева, новый Верховный правитель и Главнокомандующий России адмирал Колчак незаконно узурпировал власть. Приход диктатора вызвал возмущение екатеринбургского земства и левых партий. Исполком партии социал-революционеров от имени Съезда подготовил воззвание «Ко всем народам России» с осуждением захвата власти и «восстановления монархии», призвав не выполнять распоряжения «изменников и предателей Родины». Леонид Михайлович принимал участие в редактировании антиколчаковского воззвания. Ни одна уральская редакция не посмела опубликовать обращение с требованием *«восстановить законный порядок»*, и поэтому оно распространялось нелегально в листовках. После окончательного и силового разгона Уфимской Директории в качестве *«единственной выразительницы демократической власти»* рухнули последние надежды ученого в отношении народовластия.

При наступлении Красной армии руководящий аппарат земства эвакуировался вместе с колчаковцами, а в июле 1919-го в Екатеринбурге вновь была восстановлена Советская власть. В октябре безработный Кап-

терев был задержан органами ВЧК без предъявления обвинения, однако через три дня его освободили. Спустя месяц он вновь был арестован чекистами *«по подозрению присвоения и расхищения (ранее национализированного - В.К.) имущества бывшего домовладельца и фабриканта Углицкого»*, отступившего с Колчаком. Через три недели бывшего земского секретаря освободили из-за отсутствия состава преступления.

Как и многие его друзья эсеры Каптерев стал сотрудничать с новой властью, работая в кооперативном движении, с которым у него сохранилось множество связей.

В 1920-е годы Леонид Михайлович был не согласен с политикой власти по поводу уничтожения свободной торговли и введения карточной системы, а саму Новую экономическую политику (НЭП) Советского правительства расценивал как беспринципное отступление власти от партийной программы.

По материалам следствия Каптерев «саморазоблачился» по вопросу общения с антисоветски настроенными гражданами в Екатеринбурге (г. Свердловск 1924–1991): *«Все эти лица по своим взглядам далеко не советские люди, в беседах с ними порознь, в частности в домашней обстановке, мы вели антисоветские разговоры..., сравнивали условия жизни за границей и СССР и делали выводы не в пользу советской действительности»*. В ответах старого русского интеллигента легко читается редакция следователя МГБ. Тем не менее, спустя век нам интересно узнать коллег и друзей из близкого окружения Леонида Михайловича, тем более, что наш земляк был знаком со многими замечательными личностями, но в протокол попало только четверо уральцев:

- профессор-геолог Модест Онисимович Клер, бывший швейцарский поданный, до революции побывал во многих странах Западной Европы, окончил геологический факультет Женевского университета, читал лекции в Свердловском горном институте⁷;

- Мария Николаевна Котляревская из дворянской семьи, училась во Франции, заведовала библиотекой УОЛЕ и Свердловского областного музея в 1920-е;

- горный инженер Борис Филиппович Пылаев⁸;

- научный сотрудник Свердловского краеведческого музея Василий Иванович Будрин, который до революции преподавал в Екатеринбургской мужской гимназии⁹».

Спасая искреннего и несдержанного на язык интеллигента от возможного преследования товарищи из Уральское общество любителей естествознания командировали его в 1920 г. в историко-археологическую экс-

педицию в Шадринский уезд и на Северный Урал для изучения местных памятников старины и архивных материалов.

Огромные пласты истории освоения Урала и Сибири открылись пытливному уму, и покоренный самобытным краем исследователь буквально привязался к Верхотурью на пару лет. В древней уральской столице он организовал Общество по изучению Верхотурского края, которое в августе 1921 г. основало краеведческий музей, а сам Леонид Михайлович стал его хранителем в первый год работы.

Вернувшись в Екатеринбург Каптерев вновь оказался в гуще культурно-музейной и краеведческой работы общества УОЛЕ, он заведовал музейным подотделом Уральского областного отдела народного образования (1925-1927), оказывая помощь региональным краеведческим музеям, число которых в Уральской области выросло до 44. На III-й музейно-краеведческой конференции Тагильского округа (1928) он сделал доклады «Система построения краеведческого музея» и «Состояние музейно-краеведческой работы в области»¹⁰.

Исследовательская деятельность и активная позиция по сохранению культуры, общение с видными учеными и подвижниками краеведения подготовили Леонида Михайловича к занятию ответственной должности ученого секретаря Уральского областного бюро краеведения (1928–1930). В его обязанности входило руководство краеведческой работой обширной Уральской области, а также организация и проведение областных конференций в интересах 65 местных уральских краеведческих организаций.

Результатом исследовательской работы Л.М.Каптерева в архиве Далматовского Свято-Успенского монастыря (Зауралье) явилась книга «Дубинщина», ставшая первым исследованием восстания монастырских крестьян XVIII века, а его одноименный доклад на заседании УОЛЕ вызвал заметный общественный резонанс. Круг интересов историка был достаточно широк и зачастую носил пионерский исследовательский характер. Он занимался изучением колонизации Урала и Зауралья, историей уральских предпринимателей и старообрядцев, археологическими исследованиями.

Из цикла его лекций возникла книга "История Урала (русская колонизация Урала)", он автор первого указателя литературы «Что читать об Урале» (170 наименований), а совместно с краеведом В.А.Гензелем подготовил путеводитель «По Уралу. Маршруты экскурсий». В конце 1920-х он редактировал журнал «Просвещение на Урале», где сам активно печатался как автор проблемных статей.

В 1929 г. после передачи всех ценностей государству было ликвидировано УОЛЕ – сообщество творческой интеллигенции, представлявшее очаг самостоятельного мышления. Ретивые руководители от музейной науки, а вместе с ними центральная и региональная пресса в конце 1920-х стали призывать к необходимости чистки сотрудников, освобождения музеев от религиозной пропаганды и мракобесия, гробокопательства и идеалистического любования прошлого. Вместо этого насаждается производственное направление с упором на изучение природных ресурсов, которое могло быть практически полезным социалистической экономике.

Начавшиеся гонения на краеведение, повторный арест в 1930 г. М.О.Клера, с которым он поддерживал дружеские отношения, заставили Л.М.Каптерева покинуть Урал, с которым была связана до этого вся его жизнь и плодотворная научная деятельность.

Город Горький

Его избранница Мария Николаевна (1899 г.р.) родилась и преподавала в селе Толмачёво Нижегородского уезда, продолжая учительские традиции семьи. Случайное знакомство в столичном музее в 1925 г. привело к созданию новой семьи в Екатеринбурге, а в 1928 г. родился долгожданный сын Всеволод.

Летом 1931 г. Каптереву поступило деловое предложение и он согласился делать карьеру в Нижегородском Геолого-разведочном управлении, исполняя обязанности заведующего планово-экономического отдела. По новому месту работы уральцу выделили комнату 16 квадратных метров в коммунальной квартире по адресу ул. Малая Ямская, 61–6. Жена занималась воспитанием сына и вела домашнее хозяйство, но лишения военной поры вынудили ее вернуться к преподаванию в сельской школе.

Однако гуманитарное начало брало верх и «неисправимый краевед» Леонид Михайлович стал ученым секретарем Горьковского института краеведения, научным работником Публичной библиотеки, заведовал библиографическим отделом и историческим кабинетом в Институте марксизма-ленинизма, откуда был уволен в 1936 г. по требованию бдительных коллег из-за серьёзного промаха – выставил на всеобщее обозрение Сборник дипломатических документов Наркоминдела СССР с предисловием «врага народа» Льва Троцкого.

Казалось, что в тридцатые годы Каптерев уже встроился в советскую систему политического просвещения и пропаганды. И сегодня критики до сих пор не могут простить ему резких характеристик в книге «Город Горький» (1934), в которой он заклеил знаменитый памятник градостроительства Нижегородский кремль в качестве символа «алчного феодализма

и царского самодержавия, свидетеля жутких страниц кровавого прошлого». В то же время на очной ставке он был уличен сослуживцем в том, что убеждал слушателей института в недостаточности изучения истории по сочинениям Маркса, Ленина, Сталина и необходимости читать русских историков Карамзина и Соловьева. На суде ему припомнили, как во время экскурсии молодых учителей (1935) он подчеркнул, что Нижегородский кремль стоит шестьсот лет, а вновь построенные здания требуют ремонта уже на следующий год.

Во время войны и вплоть до ареста Леонид Михайлович заведовал музеем и библиотекой Горьковского геологического управления.

После войны

Летом 1945 г. его единственный сын утонул в обманчивой весенней реке. А вскоре в органы госбезопасности на него поступил донос.

Первые допросы начались через год после победы над Германией. Он исправно ходил к следователю и даже не помышлял о какой-либо линии защиты. Может быть, 62-х летнему пожилому человеку казалось, что его минет горькая чаша – кому нужен пенсионер и инвалид по возрасту.

Согласно постановлению Управления МГБ СССР по Горьковской области от 5 июня 1946 г. Л.М.Каптерев был арестован за высказывание антисоветских суждений по проводимым ВКП(б) и Советским правительством мероприятиям, за гнусную и злобную клевету на руководителей партии и государства. Во время обыска у него были изъяты 13 фотографий, облигации госзаймов на сумму 2640 руб., хлебные (600 г. в сутки) и не отоваренные в июне продуктовые карточки. В общем никакой антисоветской литературы не было, да и не могло быть. 12 июля ему было предъявлено обвинительное заключение в том, что он, *«будучи враждебно настроенным, на протяжении ряда лет среди своего окружения проводил антисоветскую агитацию, то есть совершил преступление, предусмотренное ст. 58 п. 10. ч.2 УК РСФСР»*.

На очных ставках подтвердились высказывания Каптерева в конце 1945 г., что *«выборы в Верховный Совет СССР не являются свободными..., приходится утверждать кандидатуру не того, кого хочешь, а предложенную сверху одной партией»*. Он ратовал за введение частной торговли и иностранные концессии на территории Советского Союза после разрушительной войны и мог себе позволить прилюдно сравнивать достоинства имперского и советского гимнов.

Каптерев искренне искал понимания в судебном заседании: *«Я выказывал недовольство Советской властью. То, что я хотел..., писать было нельзя, писать надо было по заказу. Я считал систему Советского Пра-*

вительства в некоторых случаях неправильной, был недоволен карточной системой. Недовольство Советской властью вкоренилось за неполные три десятка лет, но открытой агитации никогда не вёл. Советскую власть считал недостаточно демократичной, она не является выразительницей воли народа. Я был недоволен суровым судебным приговором в отношении врагов народа Рыкова и Сулимова... Во время Отечественной войны я никогда не стоял на пораженческой политике и не желал победы немцам, для меня каждое поражение Красной армии было очень больно... Я ожидал изменения советского строя, но не смены его...».

Во время следствия Каптерев, страдая «склерозом сердца, перенес четыре сердечных приступа с потерей сознания». На суде он отчаянно заявил, что редакция протоколов допросов неправильна, он вынужденно подписывал их из-за высокого утомления, так как допрашивали его по нескольку раз в день.

Адвокат попросил дополнительного прокурорского расследования, так как к делу не были приобщены дневники, мемуары и другие документы, изъятые следственными органами МГБ (увы, к материалам дела не приобщались), но прошение оставили без удовлетворения.

Горьковский областной суд приговорил Л.М.Каптерева к 7 годам исправительно-трудовых лагерей и 3 годам поражения в правах с конфискацией имущества. Весной 1954 г. после освобождения и сокращения срока ссылки он вернулся в Горький в свою квартиру на Ямскую к супруге с подорванным здоровьем и умер в январе 1958 г. в больнице от гангрены нижних конечностей на фоне атеросклероза, не дожив до реабилитации Президиумом ВС РСФСР в 1963 г.

Нам представляется, что в архивах Екатеринбурга и Нижнего Новгорода содержится много неизученных материалов о деятельности и личности Леонида Михайловича Каптерева, которые еще ждут пытливых исследователей. Несомненно, что уральский краевед и первый музейщик Верхотурья достоин памяти благодарных потомков.

Приложение 1

Список опубликованных работ Л.М. Каптерева

Каптерев Л.М. Тени прошлого // Уральское хозяйство. 1916. № 4. С. 10–15

Каптерев Л.М. Счастье маленьких людей // Уральское хозяйство. 1917. № 4. С. 8–13.

Каптерев Л.М. Здесь и там // Уральское хозяйство. 1917. № 2. С. 3–5.

Каптерев Л.М. Островок. Из жизни уральских старообрядцев. Екатеринбург : Совет екатеринбургских окружных кооперативных съездов, 1919.

Каптерев Л.М. К новой жизни. О новых формах ведения сельского хозяйства. Екатеринбург: Изд-во Совета екатеринбургских окружных кооперативных съездов, 1919.

Каптерев Л. М. В глубине веков // Екатеринбург за двести лет (1723–1923) / Под ред. В. М. Быкова. Екатеринбург : Издание юбилейной комиссии Екатеринбургского горсовета рабочих и красноармейских депутатов, 1923. С. 1–16.

Каптерев Л.М. Дубинщина. Очерк по истории восстания далматовских монастырских крестьян в XVIII в. Екатеринбург. 1924. (2-е изд. Шадринск, 1929).

Каптерев Л.М. В дебрях Богословского Урала // Знание и Труд. 1925. № 5–6.

Каптерев Л.М. Русская колонизация Северного Зауралья в XVII–XVIII веках. Свердловск, 1924;

Каптерев Л.М. Русская колонизация Северного Зауралья в XVII–XVIII веках (ист. экон. очерк). Урал: Техничко-экономический сборник. Вып. 8: Уральский Север под ред. П.В.Дидковского и А.Ф.Теплоухова. Уралплан. Свердловск, 1926.

Каптерев Л.М. Что читать об Урале // Уральский учитель. 1926. № 4.

Каптерев Л.М. Екатеринбург в 50-60-е гг. XIX столетия. // Уральская новь. 1926. № 6.

Каптерев Л.М. История Урала (русская колонизация). Уралпрофсовет. Свердловск, 1927.

Каптерев Л.М. Памятники прошлого Урала // Уральское краеведение. 1927. № 2.

Каптерев Л.М., Гензель В.А. По Уралу. Маршруты экскурсий. Уралполитпросвет. Свердловск. 1927.

Каптерев Л.М. Заселение Тагильского края (ист. экон. очерк) / Л.М. Каптерев // Материалы по изучению Тагильского округа. Вып. 2. ТОИМК. Н.Тагил. 1928. С. 3–30.

Каптерев Л. Творчество художников Урала // Просвещение на Урале. 1928. № 7, 8. С. 124-127.

Каптерев Л.М. Как русские пришли на Урал. Свердловск, 1930.

Каптерев Л.М. В дебрях Северного Урала // Советское краеведение. 1936. № 11. С. 85-90; см. Борисов А. Г. Верхотурский краеведческий музей (1921–1977). Екатеринбург: ВГИАМЗ, 2021. С. 154-168.

Природа Урала: Сборник статей : Климат, почвы, недра, флора и фауна / Б.Н.Городков, А.Н.Игумнов, М.М.Ильин, Л.М.Каптерев, С.С.Качиони, проф. М.О.Клер, проф. Ю.М.Колосов, проф. И.М.Крашенинников, проф. А.Н.Криштофович, С.А.Куклин, проф. М.В.Ситнов, Г.А.Фоминцева, Ю.В.Цеханович. Сверд. обл. изд-во : Свердловск. 1936.

Каптерев Л.М. Недра Горьковского края. Горький, 1932.

Каптерев Л.М. Изучение недр Горьковского края. Горький, 1933.

Каптерев Л.М. Большая Волга. Горький, 1933.

Каптерев Л.М. В синегорских лесах. Горький, 1934.

Каптерев Л.М. Город Горький. Горький, 1934.

Каптерев Л.М. Нижегородское Поволжье X-XVI веков. Горький. Горьковское обл. изд-во, 1939. 184 с.

Каптерев Л.М. Страницы из нижегородской историографии // Горьковская область. Ежемесячный журнал облисполкома. ОблГиз : Горький, 1939. № 11-12.
 Каптерев Л.М. Нижегородское Поволжье X–XVI веков. Горький, 1939.
 Каптерев Л.М. Нижегородский край при Петре I. 1940.
 Каптерев Л.М. Нижегородское наместничество. 1941.
 Каптерев Л.М. В дебрях Северного Урала. Воспоминания старого краеведа / Борисов А. Г. Верхотурский краеведческий музей (1921–1977). Екатеринбург: ВГИ-АМЗ, 2021. С. 169–188.

Примечания:

- ¹ Борисов А.Г. Верхотурский краеведческий музей (1921–1977). Екатеринбург, изд-во УМЦ УПИ, 2021. 205 с.
- ² Тагильцева Н.Н., Чебан Т.В. Основатель первого краеведческого музея в Верхотурье // Верхотурский край в истории России. Екатеринбург, 1997; Борисов А.Г. Верхотурский краеведческий музей в 20-е годы // Вестник истории Верхотурского уезда. Вып.1. Верхотурье. ВГИАМЗ. 2010. С. 14–15.
- ³ Гусев М.Ю. Биографические материалы // Репрессированные геологи / Под ред. В.П.Орлова. С.-Пб. 1999. С. 148
- ⁴ Архивно-следственное дело Каптерева Л.М. Центральный архив Нижегородской обл. Ф.Р. 2209. Оп. 3. Д. 4083.
- ⁵ Бирюков В. Уральская копилка. Свердловск: СУКИ, 1969. С. 14, 121, 122.
- ⁶ Архивно-следственное дело Каптерева... Л. 16-18.
- ⁷ М.О.Клер (1879–1960) учёный, президент УОЛЕ, профессор и преподаватель (Уральского) Свердловского горного института (1918–1951, с перерывами), судим в 1924 и 1930 гг. Реабилитирован. Его отец Онисим Егорович Клер (1845–1920) - основатель УОЛЕ и первого Краеведческого музея на Урале.
- ⁸ Б.Ф.Пылаев (1892–1950) окончил С.-Петербургский горный институт, в 1924 изучал горное дело в Швеции, провел десятки научных экспедиций на Урале и в Сибири, открыл залежи бокситов, принимал участие в их разработке, участник разработки танковой брони, начальник лаборатории института «Механобр», после войны в АН КазССР, лауреат Сталинской премии за открытие, разведку и освоение месторождений графита на Урале (1948), автор более 100 научных работ
- ⁹ В.И.Будрин окончил истфак Казанского университета в начале XX в., ученик историка Ключевского, член УОЛЕ, преподаватель истории мужской гимназии, в 1920-е - Уральского университета, с 1928 в Свердловском областном краеведческом музее, один из организаторов его возрождения, устроитель 1-й Областной краеведческой выставки (1928), передал в музей УрГУ личную фотографию эсерки Марии Спиридоновой (1950).
- ¹⁰ Материалы по изучению Тагильского округа. Вып. 2. Нижний Тагил, 1928. С.80-81.

Радость творчества

Мой первый репортаж

Летом 1969 года, после сессии, я приехал в Верхотурье. Намеревался пробыть несколько дней, а затем в составе стройотряда Свердловского юридического института, где тогда учился, поехать на заработки. Да только, как говорится, человек предполагает, а бог располагает...

А случилось следующее. Я зашел в редакцию районной газеты «Новая жизнь». Интересно было посмотреть, как делается газета, так сказать, заглянуть в ее «производственную кухню». Дело в том, что годом раньше я начал уже публиковать коротенькие заметки в «Уральском рабочем», а в «На смену» вышла моя большая статья о Борисе Дидковском, участнике становления советской власти в Верхотурье. Тогда же привез и передал в районную библиотеку книгу «Революционер-ученый» с автографом Марины Букиной, вдовы Дидковского (книга написана в соавторстве с его пасынком Юрием Постновым).

Целый день я просидел возле ответственного секретаря Галины Николаевны Чупиной, наблюдая, как приносимые сотрудниками статьи, заметки, фотографии, «укладываются» в разлинованный на колонки и строчки макет. Она охотно отвечала на все мои вопросы, сводила в типографию и продемонстрировала, как нарисованный ею макет воплощается из отлитых свинцовых строчек в полосу, которая потом «переведенная» на бумагу отправляется вновь в редакцию – на читку авторам, корректору, редактору.

Ответственный секретарь, применительно к армейскому табелю о рангах, это начальник штаба. Именно он организывает весь редакционный процесс, формирует каждый номер, определяет, где и какому материалу место на полосе. Ну, и понятно, отвечает, чтоб материалы, не нарушая графика, отправлялись в типографию. Существует журналистская шутовская поговорка: «Нет должности печальнее на свете, чем быть секретарем в газете». Потому что необходимо иметь деловые взаимоотношения как с сотрудниками редакции, так и с работниками типографии. Но это не всегда получается, так как приходится требовать, а это не всякому в нос. Через несколько лет в «Новой жизни» мне довелось на себе познать все «прелести» этой должности.

На второй день, после обеда, меня пригласил к себе в кабинет редактор Александр Николаевич Ахмадеев и предложил на время каникул по-

работать в редакции, благо вакантной была должность старшего литературного сотрудника. Увидев мою растерянность, сказал: «Не тушуйся, не боги горшки обжигают. Уверен, у тебя получится». С этим напутствием он проводил меня в экономический отдел и представил заведующему Анатолию Александровичу Кабытову. Среднего роста, плотный, с тщательно зачесанными назад волосами, кажется, он их бриолинил, он обрадовался пополнению – еще бы, экономический отдел ведущий: материалы его публиковались в каждом номере – из совхозов, леспромхозов, заводов. А тут как раз начинался сенокос. И.Кабытов сразу же «запряг» меня – послал сделать репортаж с косовицы.

Утром я был в конторе Верхотурского отделения Красногорского совхоза, где меня поджидал управляющий. Он поинтересовался, доводилось ли мне ездить верхом на лошади и, получив утвердительный ответ, указал на взнузданную кобылку: «Она спокойная. А поедешь вот этой дорогой, километров десять, там за речкой Калачик найдешь бригаду. Они выехали раненько, так что когда приедешь, работа будет в разгаре».

Накануне прошел дождь, и в колеях стояла вода. Лошадка выбирает, где посуше, держится ближе к деревьям - сырые ветки хлещут по моей спине. Добрались до Калачика – одно название, что речка: курица ног не замочит. Мостик – два бревна. Кобылка по ним ни в какую. Пришлось слезать и вести ее под уздцы по бревнам.

...На открытой солнечной поляне работа кипела вовсю. Женщины ворошили валки, мальчишки восседали на конных граблях и волокушах, тут же снуют колесные «Белорусы», а мужики закладывают стог. Словом, каждый при деле. Бригадир, высокий мужчина в расстегнутой до пупа рубашке, охотно ответил на мои вопросы, назвал фамилии тех, кого следовало отметить в газете, а напоследок с усмешкой заметил: «Подсунул тебе управляющий с кобылкой. На ней только по городу ездить, в лужу или в грязь на канате не затащишь».

Во второй половине дня я был уже в редакции и писал репортаж, подпустив лирику и красоту. Он получился больше, чем ему было отведено места на полосе. Кабытов, прочитав, только буркнул: «Пойду у Чупиной отвоевывать площадь». Но та к моему опусу отнеслась благосклонно, завизировала и передала Ахмадееву. Наш отдел соседствовал с кабинетом секретаря, двери всегда были распахнуты, и я слышал, как редактор сказал: «Перебрал парень строк. Но сокращать не станем, дабы не подрезать крылья. Придет время, и сам научится, чтоб, как сказал Некрасов, словам было тесно, а мыслям - просторно». И действительно, постепенно я избавился от расцвечивания текстов.

Вот так прошло мое первое редакционное задание. А от стройотряда пришлось отказаться. И перевестись на заочное отделение.

Шеф

Как редактор Ахмадеев мог ограничиваться информационными сообщениями с заседаний бюро и пленумов райкома партии, исполкома и сессий райсовета, заседаний комитета народного контроля. И, наверное, никто бы ему не пенял за то. Но он, пусть не так часто, как другие сотрудники, выезжал в район. Уже в первую мою осень мы отправились с ним в Пию. По партийной линии он был назначен уполномоченным в это дальнейшее отделение совхоза «Авангард».

Сперва заехали в совхозную контору. Директор Виктор Петрович Глазунов выложил сводку полевых работ, полагая этим ограничиться — не очень-то он жаловал нашего брата газетчика. Однако надо было знать Александра Николаевича. Всегда спокойный, голоса не повысит даже если когда и требовалось, он обладал хваткой журналиста и мог разговаривать любого. Вот и на этот раз Ахмадеев, не обращая внимания на нервозность собеседника, стал задавать вопросы даже не о том, сколь и чего сделано, а о том, как организовано питание механизаторов, по сколько часов они работают, как налажено соревнование и как действует система поощрения, часто ли бывают в полях секретарь парткома и председатель профкома, что, по мнению руководства, мешает, помимо погоды, быстрейшему завершению дел. Так что директору не удалось отбиться от нас. По ходу беседы Александр Николаевич в блокноте делал пометки, которые потом вылились в статью.

Дорогу от затяжных дождей развезло, и в Пию мы приехали уже к вечеру. Пару раз наш «газик» вытаскивал гусеничный трактор, который, по распоряжению Глазунова, выслал навстречу управляющий, подждавший нас в конторе. Теперь обстановкой в отделении интересовался я, Ахмадеев лишь изредка подбрасывал вопросы. Хозяин выглядел устало, и мы не стали долго его задерживать своими расспросами. Пока мы разговаривали, шофер Толя Дерябин, невысокого роста, с лысиной от лба к затылку, суетливый, в вечном ватнике, в магазине прикупил кое-что перекусить — не знали мы, что управляющий распорядился приготовить для нас горячий ужин. Уходя, хозяин посоветовал сходить в клуб — давали картину «Я - Куба!» Эту двухсерийную ленту, снятую пять лет назад, мы уже видели, но как-то надо было коротать вечер...

Утром я отправился на ферму, Александр Николаевич — в сельсовет. Не секрет, что наш брат редко заходил в сельсоветы, в основном — к хозяйственным, партийным и профсоюзным руководителям. Нет, он не был

депутатом райсовета по этому округу, но как представитель власти, куда бы ни приезжал, обязательно шел в сельсовет, считая своим долгом интересоваться делами органов местного самоуправления. Не всегда эти посещения выливались в корреспонденцию, но, информация, накапливаясь, помогала затем ему в написании передовых статей.

Помню, каким громом среди ясного неба стал фельетон Ахмадеева об одном известном в районе руководителе, который пристроил купленного им теленка в совхозное стадо. Тот целое лето нагуливал вес на общественных пастбищах, за ним присматривали и ухаживали телятницы, когда же настало время, этот руководитель забрал подростковую скотинку, не внося в совхозную казну ни копейки. Наверное, редактор мог попридержать этот факт, не выносить сор из избы. Достаточно того, что пришлось начальнику возместить все расходы, и по партийной линии получил потом взыскание. Но не даром же говорится: рыба гниет с головы. Почему критика должна быть дозированной? Почему есть неприкасаемые?

Приведу еще пару примеров, как Александр Николаевич реагировал на нескромные действия начальников. Как-то по заданию редакции посетил райбыткомбинат. Интересовался организацией соревнования. Побывал в цехах, побеседовал с работницами, председателем профсоюза. Картина вырисовывалась не совсем отрадная, и профсоюзница с этим согласилась. Как вдруг в ее кабинет ворвался начальник комбината и сходу набросился на меня: по какому праву я нахожусь здесь, почему за его спиной ведутся расспросы? Я показал удостоверение и сказал, что его «благословение» мне не нужно и, если найду нужным, то позже зайду к нему. Тот же в порыве гнева схватил портняжные ножницы и с такой силой бросил их, что стекло, лежащее на столе, разбилось вдребезги, и осколки брызнули в разные стороны.

Придя в редакцию, я застал Ахмадеева, беседующего с председателем райкома народного контроля. Ну, и поведал о случившемся. Александр Николаевич тотчас распорядился: «Пиши срочно. Поставим в номер». Тут же продиктовав машинистке Лидии Петровне Мясниковой статью, которая еще не имела заголовка, я отдал редактору. Он прочитал и размашисто написал: «Директор размахивает правами». А потом корреспонденция стала предметом обсуждения в комитете народного контроля, инспекторы которого вскрыли и некоторые хозяйственные просчеты.

В другой раз неприглядная картина произошла на заводе коньков, где я начинал свою трудовую деятельность клепальщиком (официально

– слесарь механосборочных работ). Директор хорошо знал меня, принимал всегда охотно, распорядился мне и фотокорреспонденту Юрию Павловичу Макарову выписать постоянные пропуска. И вот как-то на проходной без всякого объяснения у меня забрали пропуск. Макаров же прошел на завод без каких-либо препятствий. Я обговорил с ним, кого и что нужно сфотографировать, и отправился в контору за разъяснением. Сотрудница, выписывающая пропуска, сказала, что это распоряжение директора и посоветовала обратиться непосредственно к нему. Обычно в приемной подолгу ждать не приходилось, а тут...

В конце концов он принял - и все прояснилось. Бывая на предприятии, я интересовался вопросами техники безопасности. Рабочие знали меня и рассказывали о недостатках откровенно. Кто-то из начальников цехов проявил бдительность и доложил о моей заинтересованности главному инженеру, в ведении которого находилась эта проблема. Тот – директору: мол, ходит, вынюхивает что-то, не дай бог напишет еще не то, что надо. Я не стал оправдываться перед директором, лишь заметил, что именно в этот день наметил встретиться с главным инженером, чтобы он помог мне разобраться в возникших у меня вопросах. Но теперь я буду писать, и на все вопросы руководству завода придется отвечать через газету.

Когда я проходил мимо проходной, из дверей выскочил вахтер и отдал мне, немало удивленному, пропуск. Оказывается, Макаров, выполнив задание, вернулся в редакцию и доложил о случившемся редактору. У того в кабинете сидел второй секретарь райкома партии Юрий Акимович Марков. Он сразу же позвонил директору завода. Разговор был короткий и крутой. Марков потребовал вернуть мне пропуск, принести извинения и готовиться к заседанию бюро райкома.

Без преувеличения, Ахмадеева в редакции уважали. Конечно же, не только как редактора, но и как фронтовика, журналиста и человека. Наверное, неслучайно, ему была посвящена поэма, из которой помню всего несколько строчек:

*...Нас провожает из окна,
Очки для верности воздев,
Подтянутый и стройный шеф.*

Я благодарен судьбе, что на моем жизненном пути встретился Александр Николаевич.

Мне довелось потом тоже быть редактором, правда, заводской многотиражной газеты. Но именно тогда я осознал, какой тяжелый груз лежал на его плечах.

Собратья по перу

Когда я пришел в редакцию, заместителем редактора был Владимир Васильевич Коршунов. Одновременно он возглавлял отдел партийной жизни, в котором вместе с ним работала младший литературный сотрудник Надя Заякина – освещала вопросы молодежной жизни. На следующий год она поступила на факультет журналистики Пермского университета.

В редакции существовало правило, не гонять машину по району с одним или двумя сотрудниками. Поэтому выезжали «десантом»: кого-то довозили до Красной Горы, кого-то – до Кордюково, третьих – до Дерябино. Мне довелось не раз выезжать вместе с Коршуновым, даже есть фотография, где я с ним и Толей Дерябиным у Кордюковского водопада. Владимир Васильевич был немногословен, порой даже мрачноват, много курил, но писал по обыкновению быстро, потому что еще в дороге обдумывал материал и, когда садился за стол, то, казалось, текст льется сам собой. Я не помню, чтобы он хвалил или ругал мою писанину, но нередко как-то ненавязчиво указывал на недочеты. Иногда он предлагал в газету свои стихи. До сих пор помню его «Старый дот», в котором так пронзительно и остро передана атмосфера войны. К сожалению, с ним мне довелось работать чуть более года – до ухода в армию. Когда вернулся, он уже служил воспитателем в колонии. Я знал, что он женился на моей однокласснице Нине Прокопьевой. Но мне казалось, что не стоит их смущать, поэтому в гости не напрашивался.

Недолго привелось знать заведующего отделом писем Геннадия Ивановича Мурзина, много времени проводившего в редакции и выезжавшего в село весьма редко. Позже он руководил многотиражной газетой Свердловской железной дороги «Путевка». В 1986 году, когда я был в командировке на Урале, мы встретились, он был сух и неприветлив. Хотя он и в «Новой жизни» как-то сторонился компаний. Мне довелось читать его воспоминания о верхотурском периоде, написаны они, мягко говоря, с неким пренебрежением к товарищам по перу.

Радиорганизатором тогда была молодая женщина Сильвия Захаровна (фамилию не помню). Вспоминаю такой случай. Я, Макаров и она на лодке переправлялись весной у Меркушино. Мы уже почти приблизились к противоположному берегу, как вдруг со дна поднялась льдина и краем ударила по лодке. Лодочник не сумел среагировать, и мы оказались в студеной воде. Управляющий отделением, ожидавший нас, не растерялся и «погнал» нас к себе домой, где мы переоделись в хозяйское белье, выпили самогонки и залезли втроем на русскую печь. Отогрев-

шись, начали брать интервью, причем первую скрипку играла Сильвия. Она потом и репортаж написала, освободив от этого меня.

В 1970 году на должность секретаря приехал Виктор Петрович Соколов, сменивший Михаила Ивановича Чернышова, отбывшего в Подмосковье. Секретарское дело он знал хорошо, быстро сформировал новое «лицо» газеты. Можно было только удивляться, как он оперативно «разбрасывал» материалы по полосам. Однако он не любил экспериментировать с макетированием. Для работников типографии, в частности, для метранпажа Галины Михайловны Митиной, верставшей газету, это было неплохо, так как рука уже набита, а всякое новшество влечет за собой перестройку в работе. Когда меня Ахмадеев назначил секретарем, я не стал менять «лицо» газеты и когда Соколов вновь был переведен из заведующих экономическим отделом в секретари, я передал «Новую жизнь» в прежнем оформлении.

Добрым словом вспоминаю корректора Таисию Константиновну Елькину. Одно время она заведовала отделом писем, но потом, когда на эту должность назначен был Юрий Павлович Макаров, вновь перешла в корректуры. В последующие годы в редакцию пришли Людмила Васильевна Зырянова, Лидия Ковязина, Нина Лапина, Нина Петровна Отраднова. Каждая из них внесла свою лепту в «Новую жизнь».

У каждого сотрудника потом по-своему сложилась жизнь, но уверен, что годы работы в редакции никогда не стерлись из памяти. По крайней мере, я всегда, по прошествии полувека, с большой теплотой вспоминаю то время. И моих собратьев по перу. Спасибо, что они были со мной и за радость творчества.

Бессонов Михаил Сергеевич

Верхотурские (уральские) корни поэта Александра Блока

В 2021 г. исполнилось 100 лет со дня смерти русского поэта Александра Александровича Блока.

Бабушка поэта, Ариадна Александровна, была дочерью псковского губернатора Александра Львовича Черкасова. В «Псковской энциклопедии» сказано, что он родился 16 августа 1796 г. А вот где он родился не известно¹. Давайте возьмем исповедную ведомость Знаменской церкви г.Верхотурья за 1800 г., в которой записано: «г. Верхотурья городничий, надворный советник Лев Иванов Черкасов, 49 лет, у него жена Елена Иванова, 42 лет, дети их: Константин, 14 лет, Николай, 11 лет, Алек-

сандр, 4 лет, Гавриил, 3 лет, Серафима, 16 лет, Александра, 9 лет, Лариса, 7 лет» и с ними дворовые люди 28 человек. В исповедной ведомости заречной Богородицы Одигитриевской церкви г. Верхотурья за следующий 1801 г. запись несколько отличается: здесь записан пропущенный Иван, 3 лет, а Николай записан в возрасте 14 лет и Гавриил 9 лет².

Возникает вопрос: где родился Александр Львович? Чтобы это выяснить просмотрим «Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1796». Оказывается в этом году Лев Иванович Черкасов уже был городничим в Верхотурье. Более того, в Пермской губернии нашлись еще Черкасовы: титулярный советник Иван Черкасов, ассессор Палаты гражданского суда в Перми и подпоручик Алексей Черкасов, исправник нижнего суда в Алапаевске³. Более того, все оказались с отчеством «Иванович» и возраст у всех практически одинаковый, т.е. на 1798 г. Льву Ивановичу было 49 лет, Алексею Ивановичу 43 года, а Ивану Ивановичу 41 год⁴. То есть, возможно, они были братьями. Просматривая ревизскую сказку по г.Верхотурью за 1795 г. наткнулся в ней на запись, которую дала живущая в городе жена коллежского асессора Федора Иванова Чуракова «дала сию скаску о состоящих за мною доставшихся мне по уступной от родителя моего отставного секунд майора Ивана Черкасова»⁵. Значит она сестра Льва Ивановича Черкасова, и, возможно, и Алексея с Иваном Черкасовых. А главное становится известным, что отцом их был отставной секунд-майор Иван Черкасов. Идем далее. Просматривая метрическую книгу Спасской церкви г.Соликамска за 1800 г. наткнулся на запись о браке: «соликамский мещанин отрок Георгий Александров сын Рязанцов того же г. Соликамска прихода Свято-Троицкого собора здешнего городничего Василия Яковлева Колтовского женой его Марией Ивановой принятой вместо дочери покойного Верхотурского городничего секунд-майора Ивана Васильева сына Черкасова и покойной же жены его Ксении Михайловой дочери девицей Екатериной, оба первым браком»⁶. Оказывается Екатерина тоже является дочерью секунд-майора Ивана Черкасова и скорее всего Мария Ивановна Колтовская, у которой она воспитывалась, ее сестра. О родстве Ивана и Льва Черкасовых говорит то, что в 1805 г. верхотурский городничий Лев Иванович Черкасов был восприемником дочери Ивана Ивановича⁷. Что мы получаем в итоге: Лев, Алексей, Иван, Федора, Екатерина и Мария, очевидно, все они братья-сестры.

Итак, мы выяснили, что их отцом был секунд-майор Иван Васильевич Черкасов. Весной 1763 г. поручиком Оренбургского полка Иваном Черкасовым и настоятелем Далматовского монастыря архимандритом

Иоакимфом была составлена «Опись церковных имений» монастыря⁸. Можно предположить, что это Иван Васильевич Черкасов. Давайте снова обратимся к Месяцесловам. По ним выясняется, что он с 1775 г. по 1781 г. был управителем канцелярии Исетского дистрикта Исетской провинции Оренбургской губернии (Исетский острог)⁹. В 1781 г. Исетская провинция была ликвидирована и Исетский дистрикт отошел к Тобольской губернии. Очевидно, тогда Иван Васильевич Черкасов и был назначен на некоторое время городничим г.Верхотурья. По 4-й ревизии 1782 г. за ним по г.Верхотурью числилось 52 души дворовых людей¹⁰. Жена Ксения Михайловна¹¹.

Давайте познакомимся с их детьми. Дочь, Федора Ивановна, была замужем за Данилой Петровичем Чураковым. Его отец, секунд-майор Петр Данилович Чураков, был городничим в г.Камышлове (1795 г.)¹². Сам Данила Петрович с 1783 г. служил исправником в нижнем земском суде г.Верхотурья. Капитан, коллежский асессор. В 1800 г. надворный советник, товарищ советника Архангельской удельной экспедиции. С 1802 г. советник казенной палаты Вологодской губернии, коллежский советник¹³.

Лев Иванович Черкасов начал военную службу в 1764 г. В 1771 г. принимал участие в Крымском походе при переправе через Сиваш, взятии г. Кафы (Феодосии), в 1774 г. был в Кубанской степи. Вышел в отставку в чине секунд-майора и проживал в г. Перми, где служил заседателем Пермского верхнего земского суда (1781-1784 гг.). Здесь он в 1781 г. стал членом-учредителем масонской ложи «Золотого ключа». В начале 1784 г. был определен городничим в г. Верхотурье, где и прослужил до 1808 г. в чинах от коллежского асессора до коллежского советника. Был награжден орденом св. Владимира 4-й степени. В 1808 г. был переведен на должность городничего в г. Ирбит, где и умер 16 июня 1814 г. Лев Иванович был женат на Елене, дочери воеводы г.Туринска, коллежского асессора Ивана Андреевича Панаева, которая умерла 9 февраля 1840 г. в г.Ялуторовске. Определением Казанского дворянского депутатского собрания от 28 марта 1794 г. род был внесен в 3-ю часть дворянской родословной книги Казанской губернии¹⁴.

Второй сын Ивана Васильевича Черкасова, Алексей, начал военную службу в 1771 г. Как и старший брат принимал участие в походе в Крым, затем в Польше в Изюмском гусарском полку. После отставки подпоручик Черкасов служил исправником в нижнем земском суде г.Чердыни (1794 г.). Потом был Алапаевск, Верхотурье, где он служил заседателем Верхотурского уездного суда. Несколько лет (1802-1805) он прослужил

заседателем уездного суда в г.Шадринске, а затем был переведен в г.Курган Тобольской губернии на должность судьи в местный уездный суд. В Кургане он прослужил, по крайней мере, до 1822 г. и чина надворного советника¹⁵.

Третий сын Иван Иванович Черкасов начал военную службу в 1771 г. Сначала служил в Оренбургской губернии, затем в Крыму, Польше, в Изюмском гусарском полку. Из-за болезни в 1787 г. вышел в отставку поручиком. Служил в Перми ассессором губернской палаты гражданского суда (1892-1896). Затем ассессором 2-го департамента Пермской палаты суда и расправы, губернским стряпчим в Пермском губернском правлении, советником уголовного суда. В 1808 г. был переведен в ведомство Гороблагодатских и Камских заводов на должность помощника горного начальника по Камским заводам в чине коллежского советника. Известны его дети: Феодора, Александр, Константин, Федор, Христина, Серафима, Иван, Мария и Платон¹⁶.

Колтовская Мария Ивановна – жена городничего г. Соликамска. Колтовский Василий Яковлевич начал службу в 1769 г. После выхода в отставку в чине секунд-майора был городничим г.Соликамска (1790-1805 гг.) и дослужился до надворного советника. Умер, очевидно, в 1805 г. После смерти мужа Мария Ивановна проживала в г. Перми и последний раз упоминается в метрической книге за 1816 г. Известны их дети: Лариса, Евгений, Наталья и Василий¹⁷.

Самая младшая дочь, Екатерина Ивановна Черкасова, как мы уже знаем, в 1800 г. вышла замуж за соликамского мещанина Георгия Александровича Рязанцова из известного рода соликамских солепромышленников. К сожалению, Екатерина Ивановна прожила недолго и в декабре 1802 г. умерла при родах, 24 лет¹⁸.

А теперь давайте познакомимся с внуками Ивана Васильевича Черкасова. Возможно, его внуком был губернский секретарь, помощник секретаря Канцелярии II округа Гланого управления путей сообщения (1811 г.) Петр Данилович Чураков¹⁹.

Старшая дочь Льва Ивановича Черкасова, Серафима, в 1805 г. вышла замуж за исправника нижнего земского суда г.Верхотурья, титулярного советника Василия Ивановича Высоцкого, который позднее служил исправником в Перми, заводским исправником, судьей Екатеринбургского уездного суда и дослужился до коллежского советника²⁰.

Старший сын Льва Ивановича, Константин, начал службу в 1808 г. заседателем нижнего земского суда г. Верхотурья, в чине коллежского архивариуса. В 1811 г. женился на Антонине, дочери Верхотурского

уездного судьи, титулярного советника Ивана Егоровича Решетникова. В Верхотурье Константин Львович прослужил до 1815 г., когда был переведен в Екатеринбург на должность исправника земского суда в чине губернского секретаря. С 1821 г. был Шадринск и та же должность исправника земского суда. Здесь он прослужил до 1838 г. в чине титулярного советника. За службу был награжден орденом св. Анны 3-й степени (1826 г.). Пока известно только об одном его сыне Владимире²¹.

Второй сын Льва Ивановича, Николай, связал свою жизнь с военной службой. В 1812 г. он корнет лейб-гвардии уланского полка. Позднее адъютант лейб-гвардии уланского Цесаревича Константина полка. С 1827 г. по 1838 г. был директором Первого Сибирского кадетского корпуса в Омске. Умер в ноябре 1843 г. в чине генерал-майора. Был женат на Марии, дочери генерал-майора Антона Степановича Чаликова. После его смерти остались восемь детей, в том числе дочери: Елена и Марфа²².

Вторая дочь Льва Ивановича, Александра, вышла замуж за помощника горного начальника Богословских заводов обер-гиттенфервальтера Александра Николаевича Фарафонтова, который позднее служил управляющим Дедюхинскими соляными промыслами в чине обер-бергмейстера. Александра Львовна умерла молодая, 26 лет, при родах в 1817 г. Известно, что у них были дети: Елизавета, Александра, Юлия, Николай, Елена²³.

Еще один сын Льва Ивановича, Гавриил, как и отец, служил по гражданскому ведомству, начав с должности заседателя земского суда в г. Ирбите (1814 г.). С 1819 г. исправник земского суда. В Ирбите он прослужил до 1834 г., когда он был переведен в г. Туринск Тобольской губернии на ту же должность. Но в 1838 г. он исправник уже в г. Ялуторовске, а в 1840 г. он судья Ялуторовского окружного суда. В 1842 г. он снова исправник земского суда в г. Туринске, а с 1844 г. по 1849 г. он окружной начальник в г. Ирбите в чине надворного советника. Был награжден орденом св. Анны 3-й степени (1827 г.) и имел знак беспорочной службы за XX лет (1832 г.). 13 ноября 1818 г. сочетался браком с Ольгой, дочерью камышловского купца Петра Федоровича Щепетильникова. У них были дети: Мария, Лев, Иван, Павел, Лариса, Варвара²⁴.

Младшая дочь Льва Ивановича, Лариса, в 1816 г. вышла замуж за шихтмейстера Екатеринбургских заводов Евграфа Ивановича Данилова. В дальнейшем управитель Уктусского, Пышминского заводов; горный исправник в чине маркшейдера²⁵.

Прадед поэта Александра Блока, Александр Львович Черкасов, начал военную службу 18 августа 1816 г. В 1825 г. он подпоручик артил-

лерийской бригады, находящейся на Урале. Позднее служил в Сибири. В 1843 г. он действительный статский советник, состоящий в ведомстве МВД. В 1845 г. был назначен на должность губернатора Псковской губернии. Должность губернатора принял в сложное для края время после голода и сильного наводнения, происшедших в Пскове в 1845 году. В годы его губернаторства в Пскове был построен чугунолитейный завод, открыт Кутузовский сад, сооружен мост через реку Пскову близ Троицкого собора, позолочен купол Троицкого собора, построено каменное здание для губернской гимназии. Награжден орденами: св. Анны 1-й степени, св. Станислава 1-й степени, св. Владимира 4-й степени. Умер 16 сентября 1856 г. и был похоронен в Пскове на кладбище Ивановского монастыря. 10 апреля 1825 г. в Екатерининском соборе г.Екатеринбурга сочетался браком с Ариадной, дочерью члена Главной конторы Екатеринбургских заводов берггауптмана 6-го класса Ивана Леонтьевича Тетюева²⁶.

Младший сын Льва Ивановича Черкасова, Иван, тоже посвятил свою жизнь военной службе. 11 августа 1817 г. он начинает обучение в Дворянском кавалерийском эскадроне в Петербурге, затем корнет лейб-гвардии уланского полка, старший адъютант штаба Сибирского отдельного корпуса в Тобольске. В 1834 г. Иван Львович был переведен в корпус жандармов с переименованием в подполковники. В 1835 г. его переводят в Томскую губернию, затем в Оренбургскую, Нижегородскую, Саратовскую, Минскую, а 1 февраля 1838 г. был перемещен на должность «по особым поручениям» при начальнике 7-го округа в Казани генерал-майоре графе Апраксине, где и умер 15 апреля 1838 г. Был награжден орденами св. Анны 4-й степени, св. Станислава 4-й степени, св. Владимира 4-й степени, женат на дочери коллежского асессора Екатерине Степановой Языковой. Их дети: Елена, Лидия, Леонид, Диодор. Надо сказать, что Иван Львович обладал и поэтическим даром. Его произведения публиковались на страницах газеты «Литературные прибавления к «Русскому Инвалиду», на его стихи Александр Алябьев написал романс и ряд музыкальных сочинений для хора с оркестром²⁷.

Три сына Ивана Ивановича Черкасова служили по горному ведомству. Старший сын, Александр, служил в Старой Руссе Новгородской губернии на Старорусском соляном промысле: смотрителем лесов, приставом припасного и соляного магазинов в чине коллежского асессора. Определением Новгородского дворянского депутатского собрания от 5 марта 1838 г. и указа Сената об утверждении от 26 июня 1846 г. род был занесен в 3-ю часть родословной книги Новгородской губернии по Де-

мянскому уезду. У него были дети: Иван, Александр, Елизавета, Федор, Николай, Владимир, Аполлинарий и Вера²⁸.

Второй сын Ивана Ивановича, Федор, после окончания Горного кадетского корпуса тоже служил на Старорусском соляном промысле: смотрителем Старорусского солеваренного завода, управителем завода, советником Старорусского соляного правления, управляющим Старорусским соляным правлением в чине обер-берггауптмана 6-го класса²⁹.

Третий сын Ивана Ивановича, Иван, после окончания Горного кадетского корпуса служил на Гороблагодатских заводах и был управителем Нижне-Туринского завода. Позднее чиновник особых поручений при Уральском горном правлении в чине капитана. Был женат на Надежде, дочери презуса Военного суда Гороблагодатских заводов обер-гиттенфервальтера Владимира Тимофеевича Винокурова. Известно, что у них была дочь Мария³⁰.

Возможно, четвертым сыном Ивана Ивановича был командир 1-го рабочего экипажа Балтийского флота подполковник Константин Иванович Черкасов³¹.

И немного о детях Василия Яковлевича и Марии Ивановны Колтовских. 6 октября 1809 г. дочь Лариса сочеталась браком в Петропавловском соборе г. Перми с управителем Воткинского завода маркшейдером Карлом Даниловичем Макка. 2 июня 1816 г. дочь Наталья сочеталась браком в Петропавловском соборе г. Перми с исправляющим должность маркшейдера при Пермском горном правлении маркшейдером Степаном Алексеевичем Гладких (Гладковым). Сын Василий после окончания Горного кадетского корпуса служил на Гороблагодатских заводах: управителем Серебрянского, Баранчинского заводов в чине маркшейдера (1842 г.)³².

В данной статье рассказывается только о трех поколениях – потомках Ивана Васильевича Черкасова. Надеюсь, что исследование будет продолжено.

Примечания:

¹ Псковская энциклопедия. Псков, 2007. 2-е издание. С.938

² ГАСО. Ф.6. Оп.3. Д.1. Л.29 об.; Д.3. Л.38 об.

³ Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1796. СПб., 1796. С.270, 276.

⁴ РГИА. Ф.1349. Оп.4. Д.41. Л. 14 об.-16, 52 об.-53, 85 об.-86.

⁵ ГАПК. Ф.111. Оп.1. Д.2977. Л.1.

⁶ Там же. Ф.37. Оп.2. Д.255. Л.22 об.

⁷ Там же. Оп.1. Д.14. Л.24.

⁸ ГАШ. Ф.224 Оп.1 Д.754. Л.15.

⁹ Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1775. СПб., 1775. С.211; Месяцеслов...1781. С.389.

¹⁰ Казанское дворянство 1785-1917 гг. Генеалогический словарь // Составитель Г.А.Двоеносова. Казань, 2001. С.601.

¹¹ ГАПК. Ф.111. Оп.1. Д.2977. Л.1.

¹² Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1795. СПб., 1795. С.266.

¹³ ГАСО. Ф.491. Оп.1. Д.26. Л.5 об.; Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1796. СПб., 1796. С.276; Месяцеслов...1802. С.257; Месяцеслов...1808. С.82; Список состоящим в гражданской службе чинам шестого и седьмого классов на 1800 год. СПб., 1800. С.260.

¹⁴ ГАСО. Ф.6. Оп.3. Д.359. Л.14; Ф.491. Оп.1. Д.26. Л.16; РГИА. Ф.1349. Оп.4. Д.41. Л.14 об.-16; Казанское дворянство 1785-1917 гг. Генеалогический словарь // Составитель Г.А.Двоеносова. Казань, 2001. С.601; Курочкин Ю. Уральские находки. Свердловск, 1982. С.31; Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1782. СПб., 1782. С.406; Месяцеслов...1784. С.401; Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1809. СПб., 1809. С.310; Ранская А.Г. Туринский воевода Иван Алексеевич Панаев, его семья и потомки. Новые архивные находки // Прикосновение к векам: Туринская старина. Туринск, 2020. Вып.8. С.68; Ранская А.Г., Толстой М.Н. Третья жена поэта П.П.Ершова, Елена Николаевна (урожденная Черкасова) – внучка героя войны 1812 года генерал-майора А.С.Чаликова и правнучка Туринского воеводы И.А.Панаева //Прикосновение к векам: Туринская старина. Туринск, 2020. Вып.8. С. 90; Список состоящим в гражданской службе чинам шестого и седьмого классов на 1800 год. СПб., 1800. С.146.

¹⁵ РГИА. Ф.1349. Оп.4. Д.41. Л.85 об.-86; Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1794. СПб., 1794. С.257; Месяцеслов...1796. С.276; Месяцеслов...1802. С.412; Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1806. СПб., 1806. С.318; Месяцеслов...1822. С.270.

¹⁶ ГАПК. Ф.37. Оп.1. Д.4. Л.1, 3 об., 20; Д.11. Л.28; Д.13. Л.43 об.; Д.14. Л.24; Оп.2. Д.249. Л.49; Д.257. Л.17 РГИА. Ф.1349. Оп.4. Д.41. Л.52 об.-53; Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1792. СПб., 1792. С.302; Месяцеслов...1796. С.270; Месяцеслов...1802. С.408; Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1806. СПб., 1806. С.307; Месяцеслов...С.296; Список состоящим в гражданской службе чинам шестого и седьмого классов на 1811-й год. СПб., 1811. С.74.

¹⁷ ГАПК. Ф.37. Оп.1. Д.10. Л.22; Д.22. Л.17 об.; Оп.2. Д.245. Л.2; Д.255. Л.2 об.; Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1790. СПб., 1790. С.256; Месяцеслов с росписью чиновных особ или

общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1805. СПб., 1805. С.215; Список находящимся в статской службе чинам на 1795 год (первым восьми классам). СПб., 1795. С.210.

¹⁸ ГАПК. Ф.37. Оп.2. Д.244. Л.27 об.

¹⁹ Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1811. СПб., Ч.1. 1811. С.506.

²⁰ ГАПК. Ф.37. Оп.1. Д.13. Л.67 об.; ГАСО. Ф.6. Оп.1. Д.65. Л.28 об.; Оп.3. Д.7. Л.21 об.; Д.361. Л.4; Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1822. СПб., Ч.2. 1822. С.264.

²¹ ГАСО. Ф.6. Оп.3. Д.154. Л.25 об.; Д.367. Л.22; Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1808. СПб., 1808. С.329; Месяцеслов...1815. СПб., Ч.2. 1815. С.342; Месяцеслов...1821. СПб., 1821. Ч.2. С.362; Месяцеслов...1826. СПб., 1826. Ч.2. С.299; Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1838. СПб., 1838. Ч.2. С.294.

²² Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1812. СПб., 1812. Ч.1. С.75; Ранская А.Г., Толстой М.Н. Третья жена поэта П.П.Ершова, Елена Николаевна (урожденная Черкасова) – внучка героя войны 1812 года генерал-майора А.С.Чаликова и правнучка Туринского воеводы И.А.Панаева //Прикосновение к векам: Туринская старина. Туринск, 2020. Вып.8. С. 89-90.

²³ ГАПК. Ф.37. Оп.2. Д.267. Л.41 об.; Д.278. Л.564, 578; ГАСО. Ф.6. Оп.3. Д.354. Л.27; Д.356. Л.7 об.; Д.358. Л.3; Д.359. Л.2 об.

²⁴ ГАСО. Ф.6. Оп.1. Д.406. Л.5; Оп.3. Д.4. Л.1; Д.363. Л.9 об., 13 об.; Д.366. Л.7 об.; Д.368. Л.4 об.; Д.369. Л.8 об.; Д.373. Л.10; Д.374. Л.17; Д.375. Л.9, 38 об.; Адрес-календарь, или общий штат Российской империи на 1844. СПб., 1844. Ч.2. С.148; Адрес-календарь...1849. СПб., 1849. Ч.2. С.127; Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1814. СПб., Ч.2. 1814. С.347; Месяцеслов...1827. СПб., 1827. Ч.2. С.309; Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1832. СПб., 1832. Ч.2. С.257; Месяцеслов...1838. СПб., 1838. Ч.2. С.303; Месяцеслов...1840. СПб., 1840. Ч.2. С.277; Месяцеслов...1842. СПб., 1842. Ч.2. С.178.

²⁵ ГАСО. Ф.6. Оп.1. Д.48. Л.19 об.; Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1818. СПб., 1818. Ч.1. С.686; Месяцеслов..1822. СПб., 1822. Ч.1. С.613; Месяцеслов..1825. СПб., 1825. Ч.1. С.678; Месяцеслов..1829. СПб., 1829. Ч.1. С.721.

²⁶ ГАСО. Ф.6. Оп.1. Д.63. Л.19 об.; Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1825. СПб., 1825. Ч.1. С.678; Псковская энциклопедия. Псков, 2007. 2-е издание. С.938; Список гражданским чинам первых четырех классов по старшинству. Составлен в Герольдии и исправлен по 25 декабря 1843. СПб., С.157.

²⁷ Казанское дворянство 1785-1917 гг. Генеалогический словарь // Составитель Г.А.Двоеносова. Казань, 2001. С.601; Ранская А. Сибирский поэт Иван Черкасов // Сибирские огни. Новосибирск, 2020. № 6. С.162-165.

²⁸ Адрес-календарь, или общий штат Российской империи на 1844. СПб., 1844. Ч.1. С.248; Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1827. СПб., 1827. Ч.1. С.733; Список дворянских родов Новгородской губернии, внесенных в дворянскую родословную книгу с 1787 г. по 1-е января 1910 года (составлен Новгородским Губернским Предводителем Дворянства Князем П.П.Голицыным). 1910. С.241.

²⁹ Адрес-календарь, или общий штат Российской империи на 1844. СПб., 1844. Ч.1. С.248; Адрес-календарь, общая роспись всех чиновных особ в государстве, на 1858-1859 год. СПб., 1858. Ч.1. С.241; Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1821. СПб., 1821. Ч.1. С.756; Месяцеслов...1830. СПб., 1830. Ч.1. С.568

³⁰ ГАСО. Ф.6. Оп.3. Д.38в. Л.194 об.; Д.46. Л.162; Адрес-календарь, или общий штат Российской империи на 1844. СПб., 1844. Ч.1. С.251

³¹ Адрес-календарь, или общий штат Российской империи на 1844. СПб., 1844. Ч.1. С.160.

³² ГАПК. Ф.37. Оп.1. Д.10. Л.22; Д.22. Л.17 об.; ГАСО. Ф.6. Оп.3. Д.28а. Л.722; Д.53. Л.846 об.; Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1823. СПб., 1823. Ч.1. С.638.

Сведения об авторах

Бессонов Михаил Сергеевич. Историк, член Уральского историко-родословного общества (г.Екатеринбург).

Борисов Алексей Геннадьевич. Научный сотрудник исторического отдела ВГИАМЗ.

Бочкарёв Юрий Андреевич. Младший научный сотрудник ККМ.

Гунгер Юрий Владимирович. Директор ККМ.

Дерябина Галина Александровна. Начальник Дерябинского территориального управления Администрации городского округа Верхотурский.

Желвакова Светлана Константиновна. Научный сотрудник исторического отдела ВГИАМЗ.

Зырянова Тамара Александровна. Краевед (г.Верхотурье).

Кашин Владимир Викторович. Исследователь, член Общества изучения истории спецслужб (г.Нижний Тагил).

Колбина Эльвира Минировна. Научный сотрудник исторического отдела ВГИАМЗ.

Новиченков Николай Николаевич. Директор ВГИАМЗ.

Панкратов Вячеслав Михайлович. Член Союза журналистов России и Союза писателей России (г.Арзамас).

Самойлик Вера Павловна. Научный сотрудник экскурсионно-просветительского отдела ВГИАМЗ.

Фомичёв Игорь Алексеевич. Старший научный сотрудник, заведующий историческим отделом ВГИАМЗ.

Хакимов Рашид Шавкатович. Канд. ист. наук, доцент кафедры экономики отраслей и рынков ЧелГУ.

Список сокращений

АОАСГО – Архивный отдел администрации Серовского городского округа

ВГИАМЗ – Верхотурский государственный историко-архитектурный музей-заповедник

ГААОСО – Государственный архив административных органов Свердловской области

ГАПК – Государственный архив Пермского края

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

ГАСО – Государственный архив Свердловской области

ГАТО – Государственный архив Томской области

ГАШ – Государственный архив в г.Шадринске

ККМ – Краснотурьинский краеведческий музей

ОГАЧО – Объединённый государственный архив Челябинской области

ОЛВК – Общество любителей Верхотурского края

ПермГАСПИ – Пермский государственный архив социально-политической истории

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив

РГИА – Российский государственный исторический архив

СИМ – Серовский исторический музей

ЦАМО – Центральный архив Министерства обороны

ЦГИА СПб – Центральный Государственный исторический архив Санкт-Петербурга

ЧелГУ – Челябинский государственный университет

Содержание

Бессонов М.С. Турьинские рудники. Хроника событий первых лет.....	3
Борисов А.Г. Из истории Надеждинского цирк.....	12
Бочкарёв Ю.А. Евгений Дмитриевич Стратанович: путь на Урал.....	29
Гунгер Ю.В. Главноуправляющий Богословским горным округом Николай Николаевич Шелгунов.....	34
Дерябина Г.А. Дерябины из деревни Матюшино.....	53
Желвакова С.К. Верхотурцы – участники парадов 1941 и 1945 годов..	55
Зырянова Т.А. Елизар Александрович Постников.....	61
Кашин В.В. «Освободитель» северных заводов Урала ротмистр М.М. Манжетный.....	72
Колбина Э.М. «Говорит Верхотурье» (из истории Верхотурского радиовещания).....	80
Новиченков Н.Н. Цитадель (кремль) Милана – Московский кремль – Верхотурский кремль. Итальянский след в оборонительных сооружениях Верхотурского кремля.....	85
Панкратов В. Свет любви и добра.....	87
Самойлик В.П. Агния Ивановна Удинцева.....	105
Фомичёв И.А. Обзор литературы по истории города Серова.....	109
Хакимов Р.Ш. История жизни Авдониных-Глазковых от автора.....	129
Бессонов М.С. История Введенского собора г.Карпинска до 1801 года.....	147
Гунгер Ю.В. Нарком снабжения Николай Болеславович Эйсмонт.....	153
Дерябина Г.А. Дмитрий Парфёнович Дерябин.....	168
Желвакова С.К. Верхотурские грамоты.....	169
Зырянова Т.А. Уральская «кавалерист-девица»: забытые страницы Гражданской войны.....	172
Кашин В.В. Основатель и первый хранитель Верхотурского краеведческого музея Леонид Михайлович Каптерев.....	184
Панкратов В. Радость творчества.....	196
Бессонов М.С. Верхотурские (уральские) корни поэта Александра Блока.....	203
Сведения об авторах	212
Список сокращений	213

Вестник истории Верхотурского уезда

Выпуск 13

Редакционная коллегия: Борисов А.Г.

Двинских Л.А.

Фомичёв И.А.

Компьютерный набор: Борисов А.Г.

Дизайн обложки: Фомичёв И.А.

Подписано в печать 30.10.2021 Формат 60 x 84 1/16

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 13,6 Уч. изд. л. 1,5

Заказ № 7217 Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии

ООО «Издательство УМЦ УПИ».

г.Екатеринбург, ул.Гагарина, 35а, оф.2

Тел.: (343)362-91-16, 362-91-17